

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

ТИПОЛОГИЯ МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ

ТОМ 4
ВЫПУСК 1

2021

ISSN 2686-7419

**Типология морфосинтаксических параметров
том 4, выпуск 1**

Издаётся с 2018 года

Выходит 2 раза в год

Учредитель:

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Адрес редакции:

Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6

Сайт журнала:

<http://tmp.sc/>

Электронная почта:

tmp.2018.moscow@gmail.com

Свидетельство о регистрации:

ЭЛ № ФС 77-76307 от 19.07.2019

© Авторы, 2021

© Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2021

Pushkin State Russian Language Institute

T Y P O L O G Y O F M O R P H O S Y N T A C T I C P A R A M E T E R S

VOLUME 4
ISSUE 1

2021

ISSN 2686-7419

Typology of Morphosyntactic Parameters
volume 4, issue 1

First published in 2018

The journal is published 2 times a year

The founder:

Pushkin State Institute for the Russian Language

Editorial office:

Ac. Volgin Str., 6 (ulitsa Akademika Volgina, 6), Moscow, 117485, Russia

Website:

<http://tmp.sc/>

E-mail:

tmp.2018.moscow@gmail.com

Mass media registration certificate:

ЭЛ № ФС 77-76307 as of 19.07.2019

© The authors, 2021

© Pushkin State Institute for the Russian Language, 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Екатерина Анатольевна Лютикова —

доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

[ORCID: 0000-0003-4439-0613](https://orcid.org/0000-0003-4439-0613)

[Личная страница в системе ИСТИНА МГУ](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

Заместитель главного редактора

Антон Владимирович Циммерлинг —

доктор филологических наук; профессор кафедры общего языкознания и русского языка Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина; профессор кафедры контрастивной лингвистики Московского педагогического государственного университета; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН

[ORCID: 0000-0002-5996-2648](https://orcid.org/0000-0002-5996-2648)

[Личная страница на сайте МПГУ](#)

[Личная страница на сайте ИЯ РАН](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

Ответственный секретарь

Ксения Павловна Семёнова —

инженер кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова;

[Личная страница в системе ИСТИНА МГУ](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

Редколлегия

Джон Фредерик Бейлин —

Ph.D., профессор университета Стоуни Брук, Нью-Йорк, США

https://linguistics.stonybrook.edu/people/_bios/_linguistics-faculty/john-bailyn.php

Олег Игоревич Беляев —

кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/belyaev/>

Яцек Виткощ —

Ph.D., профессор университета г. Познань, Польша

[http://wa.amu.edu.pl/wa/Witkos Jacek](http://wa.amu.edu.pl/wa/Witkos%20Jacek)

Анастасия Алексеевна Герасимова —

аспирантка кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/Gerasimova/>

Атле Грённ —

Ph.D., профессор университета г. Осло, Норвегия

<https://folk.uio.no/atleg/>

Нерея Мадарьяга —

Ph.D., доцент университета Страны Басков, Витория, Испания

<https://ehu.academia.edu/NereaMadariaga>

Мария Полинская —

Ph.D., профессор университета Мэриленда и Гарвардского университета, США

<http://www.mariapolinsky.com/>

Андрей Владимирович Сидельцев —

доктор филологических наук, заместитель директора Института языкознания РАН

<http://iling-ran.ru/main/scholars/sidelcev>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

Ekaterina A. Lyutikova —

Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University

[ORCID: 0000-0003-4439-0613](https://orcid.org/0000-0003-4439-0613)

[Personal page on Istina.msu.ru](https://istina.msu.ru)

[Personal page on Academia.edu](https://www.academia.edu)

Deputy chief editor

Anton V. Zimmerling —

Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of General Linguistics and Russian Language, Pushkin State Russian Language Institute; principal research fellow at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of Contrastive Linguistics, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

[ORCID: 0000-0002-5996-2648](https://orcid.org/0000-0002-5996-2648)

[Personal page on the Moscow Pedagogical State University Website](https://www.moscowpedagogicalstateuniversity.ru)

[Personal page on The Institute of Linguistics RAS Website](https://www.ling.ras.ru)

[Personal page on Academia.edu](https://www.academia.edu)

Executive secretary

Xenia P. Semionova —

data engineer at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

[Personal page on Istina.msu.ru](https://istina.msu.ru)

[Personal page on Academia.edu](https://www.academia.edu)

Editorial staff

John Frederick Bailyn —

Ph.D., professor at the Stony Brook University, New York, USA

https://linguistics.stonybrook.edu/people/_bios/_linguistics-faculty/john-bailyn.php

Oleg I. Belyaev —

Ph.D., associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/belyaev/>

Jacek Witkoś —

Ph.D., professor at the Poznań University, Poland

http://wa.amu.edu.pl/wa/Witkos_Jacek

Anastasia A. Gerasimova —

Ph.D. student at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/Gerasimova/>

Atle Grønn —

Ph.D., professor at the Oslo University, Norway

<https://folk.uio.no/atleg/>

Nerea Madariaga —

Ph.D., professor at the University of the Basque Country, Vitoria, Spain

<https://ehu.academia.edu/NereaMadariaga>

Maria Polinsky —

Ph.D., professor at the University of Maryland, professor at the Harvard University, USA

<http://www.mariapolinsky.com/>

Andrei V. Sideltsev —

Dr. Phil. Hab., deputy director of the Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia

<http://iling-ran.ru/main/scholars/sidelcev>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д. Д. Белова</i> Островные свойства субъектов простой и зависимой клаузы в русском языке	11
<i>Г. Георгопулос</i> Псевдосочинительные конструкции с <i>rijeno</i> 'идти' в новогреческом языке: признаковый подход	30
<i>Ф. В. Голосов</i> Семантика лёгкого глагола <i>tok</i> 'выйти' в малокарачкинском говоре чувашского языка	53
<i>П. В. Гращенков</i> Статус показателей именного согласования в теории, типологии и хваршинском языке	75
<i>М. Ю. Князев</i> Конструкции долженствования в малокарачкинском диалекте чувашского языка: падежные альтернации и взаимодействие с отрицанием	100
<i>С. К. Михайлов</i> Против моносемических подходов к севернохантыйской дискурсивной посессивности	118

CONTENTS

Daria Belova

Island properties of subjects in simple and dependent clauses in Russian 11

Gerasimos Georgopoulos

Pseudo-coordinate constructions with *pijeno* ‘go’ in Greek:

A feature-based account 30

Fedor Golosov

Semantics of the light verb *tok* ‘leave’ in Poshkart Chuvash 53

Pavel Grashchenkov

Concord markers in linguistic theory, typology and in Khwarshi 75

Mikhail Knyazev

Case alternation and polarity sensitivity with necessity modals

in Poshkart Chuvash 100

Stepan Mikhailov

Against monosemic approaches

to Northern Khanty extended possessives 118

ОСТРОВНЫЕ СВОЙСТВА СУБЪЕКТОВ ПРОСТОЙ И ЗАВИСИМОЙ КЛАУЗЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Д. Д. Белова

МГУ имени М.В. Ломоносова / Институт языкознания РАН

Настоящая работа посвящена экспериментальному исследованию островных свойств субъектных именных групп в русском языке в зависимости от структурного типа глагола и порядка слов. Мы сравнили доступность элементов внутри ИГ для *wh*-извлечения в зависимых клаузах с результатами нашего предыдущего исследования для простых клауз и обнаружили различия, которые могут объясняться различными механизмами, приводящими к расщеплению составляющих. В простых клаузах, по нашей гипотезе, наблюдается собственно извлечение, которое регулируется информационно-дискурсивными принципами, а в зависимых — частичное озвучивание. В обоих экспериментах не подтвердилось преимущество неаккузативного субъекта.

Ключевые слова: остров субъекта, частичное озвучивание, неаккузативность, порядок слов.

Для цитирования: Белова Д.Д. Островные свойства субъектов простой и зависимой клаузы в русском языке // Типология морфосинтаксических параметров. 2021. Том 4, вып. 1. С. 11–29.

---

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект».

ISLAND PROPERTIES OF SUBJECTS IN SIMPLE AND DEPENDENT CLAUSES IN RUSSIAN*

Daria Belova

Lomonosov Moscow State University / Institute of Linguistics RAS

This paper deals with island properties of subject noun phrases in Russian depending on verbal argument structure and word order. I compared the availability of elements within DPs to A'-subextraction in dependent clauses with the results of my research of simple clauses and found some crucial differences. I believe that these differences can be explained by different mechanisms leading to the splitting of constituents. In simple clauses it is actual subextraction which is regulated by information-structural principles, and in dependent clauses it is discontinuous spellout. In both experiments the preference for unaccusative subjects was not confirmed.

Keywords: subject island, discontinuous spellout, unaccusativity, word order.

For citation: Belova D. Island properties of subjects in simple and dependent clauses in Russian. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2021. Vol. 4, iss. 1. Pp. 11–29. (In Rus.)

---

* This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Brain, Cognitive Systems, Artificial Intelligence”.

1. Введение

Островные ограничения субъектных именных групп известны со времен классической работы [Ross 1967]: во многих языках мира извлечение (*subextraction*) элементов из именных групп (ИГ) в позиции субъекта (1b) может оцениваться носителями как значительно менее приемлемое, чем из ИГ в позиции объекта (1a):

(1) a. *Who_i did you see a picture of _i?*
'Кого ты увидел изображение?'

b. **Who_i does a picture of _i hang on the wall?*

Ожид.: 'Кого изображение висит на стене?' [Stepanov 2007: 1]

Субъектный остров является слабым: ИГ-подлежащие проявляют различную степень прозрачности как в различных языках, так и внутри одного языка под влиянием различных факторов. Такие факторы для русского языка впервые были экспериментально исследованы в [Polinsky et al. 2013]. Авторы проверили влияние структурного типа глагола (неаккузативный, неэргативный и переходный) и положения именной группы, из которой происходит извлечение, относительно глагола (предглагольное и заглагольное) на допустимость *wh*-извлечения элементов и пришли к выводу, что субъект неаккузативного глагола является более прозрачным, чем субъекты других типов глаголов, а предглагольный объект является менее прозрачным, чем заглагольный.

Эти же факторы экспериментально исследуются и в других языках, причем как правило отмечается т.н. **преимущество неаккузативного субъекта** (*unaccusative subject advantage*), то есть его бóльшая прозрачность относительно других типов подлежащих. В исследовании [Surányi, Turi 2018] на материале венгерского языка рассматриваются островные свойства субъектов неаккузатива и переходного глагола и объекта переходного глагола для двух позиций; эксперимент показал, что между субъектом неаккузатива и объектом нет значимой разницы, субъект переходного оценивается значимо ниже, а параметр топиальности является незначимым. Аналогичные результаты получились в работе [Jurka 2013], где исследовалось т.н. расщепление *was-für* (*was-für split*) в немецком языке, при котором вопросительное слово *was* 'что' извлекается из именной группы. Извлечение из *in situ* переходных субъектов в немецком оценивается ниже,

чем из неаккузативных, которые, в свою очередь, находятся на одном уровне с *in situ* объектами. В чешском языке, согласно [Sturgeon et al. 2010], также наблюдается преимущество неаккузативного субъекта по сравнению с неэргативными и транзитивными; кроме того, именные группы в эксперименте авторов оказались значительно менее прозрачны в предглагольной (топикальной) позиции, чем в заглагольной. Но есть и исследования, в которых преимущество неаккузативного субъекта не поддерживается — см. [Stepanov et al. 2018] на материале словенского языка. В обозначенной выше работе [Polinsky et al. 2013] описываются также эксперименты для трех типов субъектных групп в английском языке (но в силу ограничений на порядок слов — без фактора позиции ИГ относительно глагола). Неаккузативный субъект оценивается выше, но различие статистически маргинальное, а оценки всех тестовых стимулов в целом крайне низкие.

Извлечение элементов из именных групп в различных положениях относительно глагола, что коррелирует, с одной стороны, с топикальным или фокусным статусом именной группы, а с другой — с исходной или деривированной позициями, — также изучалось в отдельности. Для некоторых языков предглагольная позиция является непрозрачной (например, для нидерландского [Broekhuis 2006], итальянского [Bianchi, Chesì 2014] и чешского/словацкого [Starke 2001]). Для ряда языков извлечение допустимо для обеих позиций (например, для испанского [Jiménez-Fernández 2012] и новогреческого [Spyropoulos, Stamatogiannis 2011]); в работе [Bašić 2004] указывается, что в сербском языке извлечение не только возможно из обеих позиций, но и даже лучше происходит из предглагольной (отметим, однако, что это не экспериментальное исследование).

Вместе с тем субъектно-объектная асимметрия извлечения не ограничивается зависимыми клаузами, см. (1). В [Белова 2021a] был проведен эксперимент с аналогичными факторами на материале простых клауз. Обнаружилось, что иерархия [Polinsky et al. 2013] не воспроизводится: субъект неаккузатива не проявил бóльшую прозрачность относительно неэргативных и переходных глаголов; кроме того, объект в предглагольной позиции оказался более прозрачен, чем в заглагольной.

В связи с этим расхождением мы решили провести еще одну серию экспериментов, которая и представлена в настоящей статье. В этой серии мы повторим эксперимент для зависимых клауз, но с собственным материалом, который использовался в эксперименте на простых клаузах, чтобы иметь возможность сопоставить результаты.

Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 мы рассмотрим существующие теоретические подходы, а также два экспериментальных исследования субъектного острова в русском языке. Раздел 3 посвящен двум экспериментам, составляющим наше настоящее исследование. В разделе 4 мы наметим пути анализа полученных результатов. В разделе 5 подведены некоторые итоги.

2. Обзор литературы

2.1. Теоретические подходы к описанию острова субъекта

Существует несколько теоретических подходов, объясняющих феномен субъектно-объектной асимметрии извлечения. Нам необходимо отметить три основных подхода. Первый, под названием **ограничения на область извлечения** (*condition on extraction domain, CED*), был впервые сформулирован в работе [Huang 1982] и основан на синтаксической позиции группы, из которой происходит извлечение. Согласно строгой формулировке CED, только позиция компонента, но не спецификатора или адъюнкта, является прозрачной для извлечения.

Другой класс подходов опирается на **эффект заморозки** (*freezing*). В частности, **общий принцип заморозки** (*generalized freezing principle*, [Wexler, Culicover 1977]) гласит, что составляющая, которая подверглась передвижению из места своего порождения, становится непрозрачной для извлечения.

Наконец, третий подход является не синтаксическим, а дискурсивно-прагматическим и носит название **непрозрачности топика** (*topic opacity*): только элементы, находящиеся внутри фокусных составляющих, могут извлекаться (см., например, [Erteschik-Shir 1973; Winkler et al. 2016]). Канонические предглагольные подлежащие во многих языках, в том числе в русском (см. [Ковтунова 1976; Bailyn 2011]), как раз являются топиками, что и объясняет, согласно этому подходу, их островные свойства.

Все перечисленные выше подходы опираются на допущение, что конфигурации с расщепленными ИГ формируются путем передвижения: элемент внутри ИГ извлекается и поднимается выше по дереву. Однако существует альтернативный взгляд на механизмы расщепления составляющих — **частичное озвучивание**, или *discontinuous spellout* (DS, [Nunes 1999; Fanselow, Ćavar 2002]). Этот подход в рамках теории копирования и удаления (*copy and deletion theory of movement*, [Chomsky 1993]) исходит из того, что при

передвижении составляющей в месте ее порождения остается копия. В нормальном случае эта копия удаляется, а на озвучивание поступает только самая верхняя. При частичном же озвучивании передвигающаяся составляющая озвучивается частично в верхней копии, частично — в нижней. В случае именных групп без дополнений мы не можем на основании только внешнего вида определить, имело ли место извлечение или частичное озвучивание, но существуют и однозначные примеры — в (2) элементы «против советской» не формируют составляющую, поэтому они не могли попасть на левую периферию клаузы путем извлечения. Для подобных примеров предлагается анализ типа (3)¹:

(2) *Против советской он выступал власти.* [Pereltsvaig 2008: 9]

(3) [_{PP} *Против* [_{DP} *советской власти*]] он выступал [_{PP} *против* [_{DP} *советской власти*]].

2.2. Исследование [Polinsky et al. 2013] для зависимых *чтобы*-клауз

Как можно заметить, различные теоретические подходы делают различные предсказания, иногда противоречащие друг другу. В связи с этим легко представить себе лингвистический эксперимент на материале конкретного языка, который бы проверял релевантные для всех трех подходов факторы. В частности, CED предсказывает бóльшую прозрачность субъектов неаккузативных глаголов по сравнению с неэргативными и переходными в тех случаях, когда они не передвигаются в *спес*, *TP*, а остаются *in situ*; а принципы заморозки и непрозрачности топика «чувствительны» к порядку слов. Именно такой эксперимент был проведен для русского языка [Polinsky et al. 2013].

Эта работа является первым экспериментальным исследованием, во-первых, субъектных островов в русском языке, а во-вторых, различия в островных свойствах субъектов неаккузативных, неэргативных и переходных глаголов. Как уже было отмечено выше, на материале *чтобы*-клауз авторы рассматривают два фактора: структурный тип глагола (неаккузативный, неэргативный и переходный) и положение ИГ, из которой проис-

¹ В [Sekerina 1997] приводится иной анализ предложных групп, расщепленных при скрэмблинге, основывающийся на двойном передвижении (*double mouvement*), однако мы не будем рассматривать его в данной статье и направим читателя к работе [Pereltsvaig 2008], где обсуждаются преимущества подхода с частичным озвучиванием.

ходит извлечение, относительно глагола (предглагольное XV и заглагольное VX). В качестве типа A'-передвижения авторы выбрали *wh*-извлечение левой ветви с вопросительным словом *какой*. Результаты оказались следующими: (i) стимулы с переходными глаголами оцениваются ниже, чем с непереходными; (ii) для всех трех типов субъектов оценки для порядков XV и VX примерно одинаковые, для объекта XV — значимо ниже; (iii) по степени прозрачности субъекты выстраиваются в иерархию (4) (знак '>' здесь следует читать как «более прозрачен, чем»).

(4) субъект неаккузатива > субъект неэргатива > субъект переходного глагола

2.3. Исследование [Белова 2021а] для простых клауз

Длина передвижения, то есть извлечение элемента из ИГ в пределах одной клаузы или с пересечением границы клаузы, также является параметром межъязыкового варьирования. В работе [Белова 2021а] представлено первое экспериментальное исследование данных русского языка в этом свете, служащее цели проверить, во-первых, проявляют ли вообще островные свойства субъекты глаголов с разной аргументной структурой в простых клаузах, а во-вторых, актуальна ли для простых клауз иерархия, полученная в [Polinsky et al. 2013].

Исследование состояло из двух экспериментов. Так как одним из изучаемых факторов является положение субъектной или объектной ИГ относительно глагола, авторам необходимо убедиться, что порядки слов, отличные от немаркированного SOV, не снижают оценку стимулов сами по себе. Этому был посвящен первый эксперимент: он показал, что порядок SV(O) действительно оценивается значимо выше, чем любые другие.

Второй эксперимент был проведен на том же материале, что и первый, но с *wh*-извлечением левой ветви с вопросительным словом *чей* из субъектных и объектных ИГ. В результате и фактор типа ИГ (субъект неаккузативного, неэргативного и переходного глагола и объект переходного глагола), и фактор положения относительно глагола, и взаимодействие этих факторов оказались статистически значимыми; извлечение из предглагольной позиции для всех четырех типов ИГ оценивается выше, чем из заглагольной. Эти результаты не предсказываются ни одним из основных теоретических подходов: во-первых, не наблюдается преимущества неаккузативного субъекта ни в предглагольном, ни в заглагольном положении;

во-вторых, непонятно, почему объектные ИГ в производной позиции более прозрачны, чем *in situ*. Таким образом, оказалось, что субъектные ИГ в простой клаузе ведут себя иначе, чем в зависимой.

3. Экспериментальное исследование

Настоящее исследование должно ответить на следующий основной вопрос: воспроизведется ли одна из двух иерархий прозрачности субъектов ([Polinsky et al. 2013] для зависимых клауз или [Белова 2021a] для простых) на нашем материале с вопросительным словом *чей* и если да, то какая. Для этого мы провели два эксперимента: первый (пилотный) посвящен изучению приемлемости различных порядков слов в зависимых клаузах с союзом *чтобы*; второй (основной) — приемлемости расщепления субъектных и объектных именных групп между зависимой и матричной клаузами.

3.1. Пилотный эксперимент: приемлемость различных порядков слов в зависимой *чтобы*-клаузе

Предварительный эксперимент с утвердительными предложениями необходим по нескольким причинам. Во-первых, мы не можем быть уверены, что без контекста, который бы задавал фокус на субъекте, порядок (O)VS сам по себе не вызовет снижения оценок. Во-вторых, в случае зависимых клауз мы потенциально можем ожидать проявления более жестких ограничений по сравнению с простыми в связи с т.н. эффектом главной клаузы. Например, в работе [Лютикова 2019] описаны ограничения, действующие в относительных предложениях русского языка: местоимение *который* тяготеет к расположению в тематической составляющей, вследствие чего возникают дополнительные ограничения на порядок слов в относительной клаузе, отсутствующие в главной клаузе. По мнению автора, это происходит потому, что тема, содержащая это местоимение, стремится находиться левее ремы. Насколько нам известно, экспериментальных исследований порядка слов в актантных зависимых клаузах со *чтобы* ранее не проводилось.

3.1.1. Дизайн и методика проведения пилотного эксперимента

Факторный дизайн эксперимента содержал две зависимые переменные: структурный тип глагола (три уровня: неаккузативный, неэргативный и переходный) и порядок слов (шесть уровней: SV/VS для непереходных

стимулов, SVO/OVS/VSO/VOS для переходных). 24 блока лексикализаций по правилу латинского квадрата распределялись на восемь экспериментальных листов. Пример экспериментального блока приведен в (5). Также на экспериментальном листе размещались 24 филлерных предложения. 12 грамматичных филлеров представляли из себя сложные предложения с целевой клаузой с союзом *чтобы*. 12 неграмматичных филлеров содержали ошибки в наклонении зависимого предиката. Примеры филлерных предложений приведены в (6). Стимулы предъявлялись в порядке «грамматичный филлер — тестовый стимул — неграмматичный филлер», после каждого грамматичного филлера респонденту задавался вопрос на внимательность. Суждения о приемлемости стимулов извлекались при помощи шкалы Ликерта 1–7.

- (5) а. *Владик хотел, чтобы Юлины ухажёры промокли.*
 б. *Владик хотел, чтобы Юлины ухажёры сбежали.*
 с. *Владик хотел, чтобы Юлины ухажёры спели песню.*
 д. *Владик хотел, чтобы песню спели Юлины ухажёры.*
 е. *Владик хотел, чтобы промокли Юлины ухажёры.*
 ф. *Владик хотел, чтобы сбежали Юлины ухажёры.*
 г. *Владик хотел, чтобы спели песню Юлины ухажёры.*
 г. *Владик хотел, чтобы спели Юлины ухажёры песню.*
- (6) а. *Виктор проснулся пораньше, чтобы выпить кофе.*
 б. *Зина выключала музыку, чтобы её соседка не просыпается.*
 с. *Матвей завёл пасаку, чтобы будет продавать мёд.*

3.1.2. Результаты пилотного эксперимента

В эксперименте приняли участие 129 респондентов (из них 83 женщины) возрастом от 14 до 62 лет ($\mu=26.3$, $SD=10$); 37 респондентов имели лингвистическое образование. Перед статистической обработкой оценки каждого респондента были нормализованы по формуле (7) для того, чтобы нивелировать индивидуальные особенности использования шкалы:

$$(7) \quad Z_{ij} = \frac{(X_{ij} - \bar{X}_i)}{\sigma_i}$$

где: X_{ij} — исходная оценка, $\bar{X}_i$ — среднее выборочное всех оценок респондента i , σ_i — стандартное отклонение всех оценок респондента i , Z_{ij} — нормализованная j -ая оценка i -ого респондента.

На рисунке 1 представлена диаграмма размаха для нормализованных оценок пилотного эксперимента, включая филлеры, по параметрам порядка слов и структурного типа глагола:

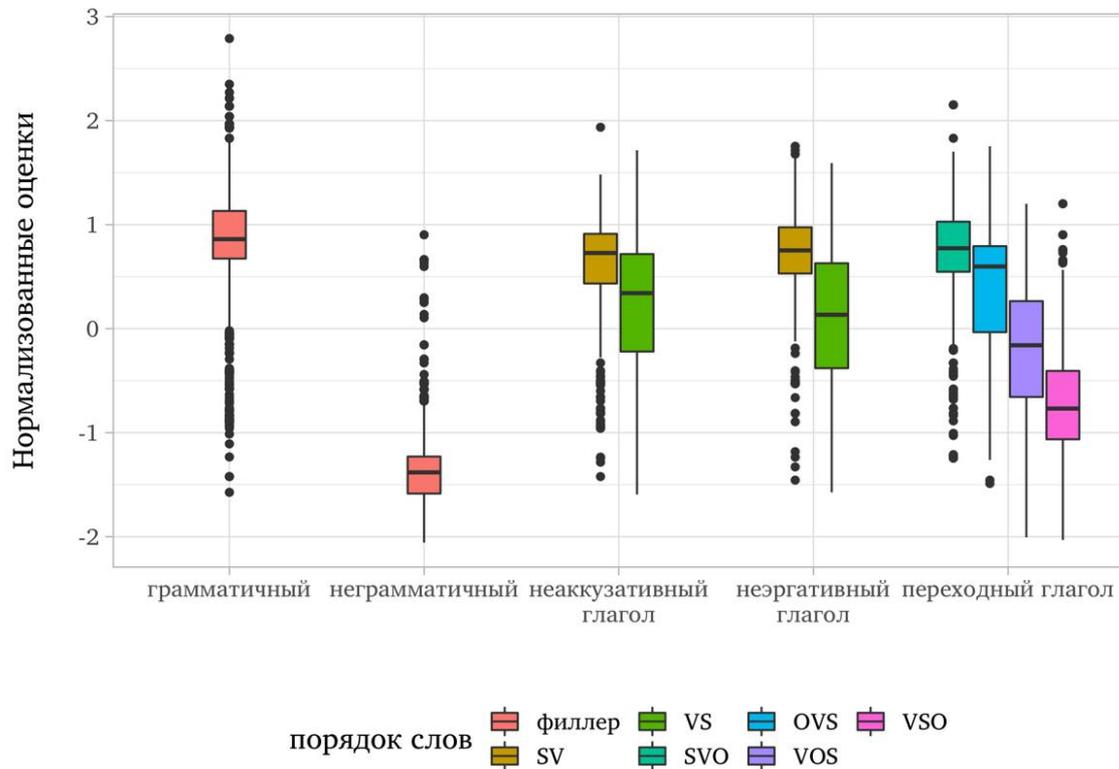

Рисунок 1. Диаграмма размаха для нормализованных оценок стимулов пилотного эксперимента

Поскольку у переходных и непереходных стимулов нет ни одного пересекающегося уровня факторов, а также поскольку мы не ставим перед собой задачу сравнить стимулы по параметру переходности, мы будем рассматривать результаты отдельно для переходных и непереходных предложений как для двух разных «подэкспериментов».

Для оценок переходных стимулов однофакторный дисперсионный анализ ANOVA показывает, что параметр порядка слов является статистически значимым ($F(3, 1560) = 404, p \ll 0.0005$). Апостериорный анализ с применением критерий Тьюки выявляет значимые различия между всеми парами условий ($p \ll 0.001$ во всех случаях).

Для непереходных стимулов двухфакторный дисперсионный анализ ANOVA выявляет следующее: фактор порядка слов ($F(1, 1562) = 239.84$,

$p \ll 0.0005$) и взаимодействие факторов порядка слов и типа глагола ($F(1, 1562) = 10.273$, $p = 0.001$) являются значимыми, а фактор структурного типа глагола — незначимым ($F(1, 1562) = 0.016$, $p = 0.899$). Результаты применения критерия Тьюки для пар условий систематизированы в таблице 1, полужирным шрифтом выделены пары, между которыми есть статистически значимое различие. Для обоих типов глаголов предглагольная позиция субъекта оценивается выше, чем заглагольная, при этом для каждого порядка слов типы глаголов не различаются:

Таблица 1. Результаты попарного сравнения условий неэргативных стимулов пилотного исследования с помощью критерия Тьюки

Пара условий	Значение критерия Тьюки
неаккузативный глагол: SV — VS	$\ll 0.001$
неэргативный глагола: SV — VS	$\ll 0.001$
SV: неаккузатив — неэргатив	0.084
VS: неаккузатив — неэргатив	0.132

Таким образом, в нейтральном контексте немаркированный порядок слов SV(O) оценивается респондентами выше всех остальных. Порядки слов для переходных стимулов выстраиваются в иерархию $SVO > OVS > VOS > VSO$, причем каждый из порядков оценивается значимо выше следующего за ним.

3.2. Основной эксперимент: приемлемость расщепления субъектных и объектных ИГ в зависимой клаузе с союзом *чтобы*

После пилотного эксперимента мы провели основной эксперимент, направленный на исследование приемлемости извлечения элементов из ИГ из зависимой клаузы в матричную. Для него можно предположить четыре возможных исхода: (i) воспроизведутся результаты [Polinsky et al. 2013]; (ii) воспроизведется иерархия прозрачности [Белова 2021a] для субъектов простой клаузы; (iii) возникнет какая-то иная иерархия; (iv) субъекты и объекты проявят одинаковую степень прозрачности.

3.2.1. Дизайн и методика проведения основного эксперимента

Факторный дизайн эксперимента содержал две зависимые переменные: тип именной группы (четыре уровня: субъект неаккузативного/неэргативного/переходного глагола и объект переходного глагола) и положение именной группы относительно глагола (два уровня: предглагольное/заглагольное). Лексикализации повторяли пилотный эксперимент. 24 тестовых стимула

были распределены на восемь экспериментальных листов по правилу латинского квадрата. Пример экспериментального блока приведен в (7). Каждый лист содержал 24 филлера. Грамматичными филлерами выступали предложения с полным *wh*-передвижением объектной именной группы с вопросительным словом *чей* и зависимой целевой клаузой с союзом *чтобы*. Неграмматичные филлеры содержали ошибки в употреблении финитной формы глагола в зависимой клаузе. Примеры филлеров приведены в (8). Стимулы предъявлялись респонденту в порядке «грамматичный филлер — тестовый стимул — неграмматичный филлер».

- (7) a. *Чьи Владик хотел, чтобы ухажёры промокли?*
 b. *Чьи Владик хотел, чтобы ухажёры сбежали?*
 c. *Чьи Владик хотел, чтобы ухажёры спели песню?*
 d. *Чьи Владик хотел, чтобы песни спела Юля?*
 e. *Чьи Владик хотел, чтобы промокли ухажёры?*
 f. *Чьи Владик хотел, чтобы сбежали ухажёры?*
 g. *Чьи Владик хотел, чтобы песню спели ухажёры?*
 h. *Чьи Владик хотел, чтобы Юля спела песни?*
- (8) a. *Чей рисунок Марина распечатала, чтобы повесить на стену?*
 b. *Чью Зина выключала музыку, чтобы её соседка не просыпается?*
 c. *Чей Станислав не звал секретаря, чтобы найдёт нужные документы?*

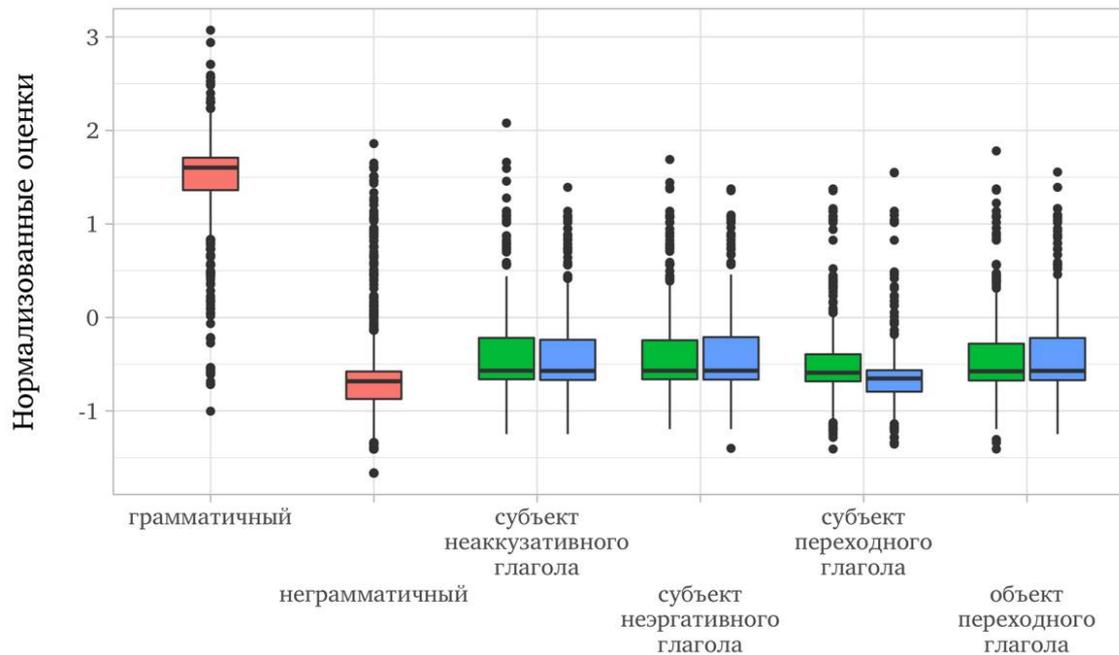
3.2.2. Результаты основного эксперимента

В эксперименте приняли участие 138 респондентов (из них 78 женщин) возрастом от 14 до 66 лет ($\mu=32.6$, $SD=11.6$); 38 респондентов имели лингвистическое образование.

На рисунке 2 можно увидеть диаграмму размаха для нормализованных оценок стимулов по параметрам типа и положения именной группы.

Двухфакторный дисперсионный анализ ANOVA выявляет статистически значимое влияние фактора типа ИГ ($F(3, 3102)=25.452$, $p \ll 0.0005$) и взаимодействия факторов типа и позиции ИГ ($F(3, 3102)=5.216$, $p=0.001$); фактор позиции ИГ сам по себе оказался статистически незначимым ($F(1, 3102)=2.351$, $p=0.125$).

Результаты апостериорного анализа с применением критерия Тьюки приведены в таблице 2. Полужирным шрифтом выделены условия, значения критерия для которых не превышает критического уровня $\alpha=0.005$, подчеркиванием — уровня $\alpha=0.05$.

порядок слов ■ филлер ■ предглагольная позиция ■ заглагольная позиция

Рисунок 2. Диаграмма размаха для нормализованных оценок стимулов основного эксперимента

Таблица 2. Результаты применения критерия Тьюки к оценкам стимулов основного эксперимента

Пара условий	Значение критерия Тьюки
Различия между разными порядками для каждого типа ИГ	
неаккузатив: XV — VX	1.000
неэргатив: XV — VX	1.000
<u>субъект переходного: XV — VX</u>	<u>0.002</u>
объект переходного: XV — VX	0.881
Различия между ИГ в предглагольной позиции	
XV: субъект неаккузатива — субъект неэргатива	1.000
<u>XV: субъект неаккузатива — субъект переходного</u>	<u>0.011</u>
<u>XV: субъект неэргатива — субъект переходного</u>	<u>0.023</u>
XV: субъект неаккузатива — объект переходного	0.063
XV: субъект неэргатива — объект переходного	0.759
XV: субъект переходного — объект переходного	0.685
Различия между ИГ в заглагольной позиции	
VX: субъект неаккузатива — субъект неэргатива	1.000
VX: субъект неаккузатива — субъект переходного	≪ 0.001
VX: субъект неэргатива — субъект переходного	≪ 0.001
VX: субъект неаккузатива — объект переходного	1.000
VX: субъект неэргатива — объект переходного	1.000
VX: субъект переходного — объект переходного	≪ 0.001

Единственная именная группа, для которой позиция относительно глагола имеет статистическое значение, — это субъект переходного глагола, который в заглагольной позиции оценивается ниже, чем в предглагольной. В предглагольной позиции субъекты непереходных глаголов отличаются от субъекта переходного; в заглагольной субъект переходного глагола получает наименьшие оценки среди всех остальных ИГ и находится на одном уровне с неграмматичными филлерами (двусторонний t-тест Стьюдента для несвязанных выборок, $t = 2.343$, $df = 659.11$, $p = 0.019$).

3.3. Итоги экспериментов

Суммируем итоги. Получается, что в нашем эксперименте не воспроизводится ни иерархия [Polinsky et al. 2013], ни иерархия простой клаузы. Мы ожидали более низкий общий уровень оценок по сравнению с результатами [Polinsky et al. 2013] из-за вопросительного слова: мы использовали *чей*, которое является дискурсивно несвязанным и потому может быть менее приемлемым для выдвижения по сравнению с дискурсивно связанным *какой* (о дискурсивной связанности см., например, [Cinque 1990; Frazier, Clifton Jr. 2001]). Однако это различие не объясняет одинаковый уровень оценок у всех типов ИГ вне зависимости от позиции порождения и коммуникативного статуса. Такие результаты не предсказываются ни синтаксическими подходами к прозрачности ИГ, ни прагматическими.

Также на первый взгляд в зависимой клаузе не наблюдается закономерность порядка слов, обнаруженная в простой клаузе — мы бы ожидали, что стимулы с заглагольной позицией ИГ будут оцениваться ниже из-за инверсии, но такой паттерн есть только у субъекта переходного глагола.

4. Обсуждение результатов

Результаты экспериментов представляются интересными потому, что и в простой, и в зависимой клаузе поведение субъектных и объектных именных групп противоречит теоретическим ожиданиям. Нам необходимо ответить на два вопроса: почему простые и зависимые клаузы так различаются по своим свойствам в отношении извлечения и какими принципами определяется прозрачность именных групп в каждом случае.

Мы предполагаем, что различия между клаузами связаны с тем, что к расщеплению, которое внешне выглядит одинаково, на самом деле приводят разные механизмы: в простой клаузе мы наблюдаем собственно

wh-извлечение, а в зависимой — частичное озвучивание. Допустимость частичного озвучивания составляющей, поднимающейся из зависимой клаузы в матричную, экспериментально доказывается в [Белова 2021b] с помощью сравнения расщепленных именных и предложных групп.

Теперь рассмотрим каждый из типов клауз по отдельности. В простой клаузе более низкие оценки для извлечения элементов при заглагольном положении субъектных ИГ можно было бы объяснить «штрафом за инверсию» порядка слов, однако для объектных ИГ такой результат является неожиданным. Следовательно, более значимой для прозрачности ИГ оказывается ее линейное положение и связанный с ним коммуникативный статус. Наша гипотеза состоит в том, что более легкое извлечение из топикальной предглагольной позиции связано со стремлением максимально сузить фокус предложения — вплоть до того, чтобы ограничить его только извлекаемой вопросительной составляющей. Вопросительные слова по своей природе являются носителями фокуса (см., например, [Horvath 1985]), поэтому для структуры, в которой передвижению подвергается *wh*-слово, наилучшей исходной конфигурацией является такая, при которой все остальные элементы, кроме него, входят в топик.

В пилотном эксперименте с зависимыми клаузами мы наблюдаем такое же ухудшение оценок для порядка (O)VS по сравнению с SV(O). Можно было бы предположить, что в эксперименте с расщеплением будут такие же различия по параметру положения ИГ относительно глагола, какие были в простых клаузах, то есть «штраф за инверсию». Однако это не так: фактор положения оказывается релевантным только для субъекта переходного глагола. Это значит, что для непереходных стимулов существует некоторое явление, компенсирующее «штраф за инверсию» при порядке VS. Таким явлением может быть **ограничение периферии** (*periphery constraint*), найденное в [Sekerina 1997] для русских предложных групп, расщепленных при скрэмблинге: одна часть группы стремится к левой периферии клаузы, другая — к правой. Поскольку ограничение периферии представляет из себя не строгий запрет, а тенденцию, И.А. Секерина предлагает для него когнитивное объяснение: возможно, синтаксический анализатор стремится располагать части расщепленной группы на наиболее заметных (*prominent*) позициях, чтобы сбалансировать бóльшую сложность обработки по сравнению с полным озвучиванием (по этому вопросу см. также упомянутую выше работу [Nunes 1999]).

Для переходных стимулов картина другая: расщепление заглагольного субъекта для респондентов неприемлемо, а вот расщепление предглагольного объекта, которое должно получать «штраф за инверсию», находится на общем уровне оценок. Мы предполагаем, что в случае переходных стимулов расщепление более предпочтительно из предглагольной позиции: при наличии у глагола двух аргументов менее затратной для обработки будет такая структура, при которой в установление связи между верхней и нижней частями составляющей не вмешивается другая ИГ. Похожий результат обсуждается, например, в [Barbosa, De Cat 2019] для французского языка: топиализованные объектные ИГ, разрывающие *wh*-цепь, сильнее снижают приемлемость стимулов, чем субъектные:

- (8) a. ???*Voici les médailles que, les athlètes, ils sont fiers d'avoir remportées.*
 Ожид.: 'Вот медали, которые_{ОБЪ} атлеты, они гордятся, что выиграла.'
- b. **Voici les athlètes qui, les médailles d'or, les ont remportées.*
 Ожид.: 'Вот атлеты, которые_{SUBJ} золотые медали, их выиграла.'

5. Заключение

Субъектно-объектная асимметрия извлечения в русском языке экспериментально изучалась дважды: на материале зависимых [Polinsky et al. 2013] и простых клауз [Белова 2021a]. В обеих работах в качестве релевантных для *wh*-извлечения элементов рассматривались два фактора: структурный тип глагола и положение именной группы. Оба фактора оказались значимыми, однако результаты двух работ различаются: в простых клаузах прозрачность именных групп оказалась зависящей от положения (предглагольные более прозрачны, чем заглагольные), а в зависимых — от типа глагола (субъекты неаккузатива более прозрачны, чем другие субъекты).

Целью настоящего исследования было изучить поведение субъектных и объектных именных групп в зависимых клаузах на собственном материале, который можно сопоставить с результатами простых клауз. В нашем эксперименте извлечение из всех типов именных групп во всех позициях получило одинаково низкие оценки, а субъект переходного глагола в позиции VX — еще ниже; при этом порядок слов SV(O) в зависимой клаузе оценивается выше всех других, как и в простой клаузе.

С эмпирической точки зрения данные, которые мы получили, оказались весьма неожиданными: ни в простой, ни в зависимой клаузе субъект неак-

кузативного глагола не оказался более прозрачен относительно других, хотя типологически преимущество неаккузативного субъекта зафиксировано в литературе достаточно широко. Различия между клаузами мы предлагаем объяснять различиями в механизмах, которые создают расщепленные конфигурации субъектных и объектных ИГ. В простой клаузе элемент из именной группы поднимается на левую периферию клаузы путем извлечения, а в зависимой происходит частичное озвучивание составляющей, которая на синтаксическом уровне передвигается из места порождения целиком.

Литература

- Белова 2021а — Белова Д.Д. Субъектно-объектная асимметрия выдвигания: структурный тип глагола и топикальность // Лютикова Е.А., Герасимова А.А. (ред.). Русские острова в свете экспериментальных данных. М.: Буки Веди. 2021. С. 170–195. [Belova D.D. Subject-object asymmetry of subextraction: Structural verb type and topicality. *Russkie ostrova v svete ehksperimental'nykh dannykh* [Russian islands in the light of experimental data]. Lyutikova E.A., Gerasimova A.A. (eds.). Moscow: Buki Vedi. 2021. Pp. 170–195.]
- Белова 2021b — Белова Д.Д. Грамматические и коммуникативные асимметрии в извлечении операторов из именных групп в русском языке. Выпускная квалификационная работа бакалавра, М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2021. [Belova D.D. Grammaticheskie i kommunikativnye asimmetrii v izvlechenii operatorov iz imennykh grupp v russkom yazyke [Grammatical and information-structural asymmetries in A-bar subextraction out of Russian noun phrases.] Bachelor thesis. Lomonosov Moscow State University, 2021.]
- Ковтунова 1976 — Ковтунова И.И. Современный русский язык: порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976. [Kovtunova I.I. *Sovremennyi russkii yazyk: Poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniya*. [Modern Russian language: Word order and information structure]. Moscow: Prosveshchenie, 1976.]
- Лютикова 2019 — Лютикова Е.А. Коммуникативная структура в синтаксической деривации // Вопросы языкознания. 2019. № 1. С. 7–29. [Lyutikova E.A. *Kommunikativnaya struktura v sintaksicheskoi derivatsii*. [Communicative structure in syntactic derivation]. *Voprosy jazykoznanija*. 2019. No. 1. Pp. 7–29.]
- Bailyn 2011 — Bailyn J.F. *The syntax of Russian*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Barbosa, De Cat 2019 — Barbosa P., De Cat C. Intervention effects in wh-chains: The combined effect of syntax and processing. *Glossa: a journal of general linguistics*. 2019. Vol. 4. No. 1. Pp. 127–153.
- Bašić 2004 — Bašić M. *Nominal subextractions and the structure of NPs in Serbian and English*. Ph.D. thesis. Universitetet i Tromsø, 2004.
- Bianci, Chesi 2014 — Bianchi V., Chesi C. Subject islands, reconstruction, and the flow of the computation. *Linguistic Inquiry*. 2014. Vol. 45. No. 4. Pp. 525–569.
- Broekhuis 2006 — Broekhuis H. Extraction from subjects: Some remarks on Chomsky's On phases. Broekhuis H., Corver N., Huijbregts R., Kleinhenz U., Koster J. (eds.). *Organizing Grammar*. New York: Mouton De Gruyter. 2006. Pp. 59–68.
- Chomsky 1993 — Chomsky N. *A minimalist program for linguistic theory. The view from building 20: Essays in linguistics in honor of Sylvain Bromberger*. (20th anniversary edition). Hale K.L., Keyser S.J. (eds.). Cambridge MA: The MIT Press. 1993. Pp. 1–52.

- Cinque 1990 — Cinque G. *Types of $\bar{A}$ -dependencies*. Cambridge: The MIT Press, 1990.
- Erteschik-Shir 1973 — Erteschik-Shir N. *On the nature of island constraint*. Ph.D. thesis. Tel-Aviv University, 1973.
- Fanselow, Čavar 2002 — Fanselow G., Čavar D. *Distributed deletion. Theoretical approaches to universals*. Amsterdam: John Benjamins. 2002. Pp. 65–107.
- Frazier, Clifton Jr. 2001 — Frazier L., Clifton Jr.C. *Parsing coordinates and ellipsis: Copy α* . *Syntax*. 2001. Vol. 4. No. 1. Pp. 1–22.
- Horvath 1985 — Horvath J. *FOCUS in the theory of grammar and the syntax of hungarian*. New York: Mouton De Gruyter, 1985.
- Huang 1982 — Huang C.-T.J. *Logical relations in Chinese and the theory of grammar*. Ph.D. thesis. Massachusetts Institute of Technology, 1982.
- Jiménez-Fernández 2012 — Jiménez-Fernández Á. *A new look at subject islands: The phrasehood of definiteness*. *Anglica Wratislaviensia*. 2012. Vol. 50. Pp. 137–170.
- Jurka 2013 — Jurka J. *Subject islands in German revisited*. Sprouse J., Hornstein N. (eds.). *Experimental syntax and island effects*. Cambridge: Cambridge University Press. 2013. Pp. 265–285.
- Nunes 1999 — Nunes J. *Linearization of chains and phonetic realization of chain links*. Epstein S.D., Hornstein N. (eds.), *Working Minimalism*. Cambridge: The MIT Press. 1999. Pp. 217–250.
- Polinsky et al. 2013 — Polinsky M., Gallo C.G., Graff P., Kravtchenko E., Milton Morgan A., Sturgeon A. *Subject islands are different*. Sprouse J., Hornstein N. (eds.), *Experimental syntax and island effects*. Cambridge: Cambridge University Press. 2013. Pp. 286–309.
- Ross 1967 — Ross R. *Constraints on variables in syntax*. Ph.D. thesis. Massachusetts Institute of Technology, 1967.
- Sekerina 1997 — Sekerina I.A. *Syntax and processing of scrambling constructions in Russian*. Ph.D. thesis. City University of New York, 1997.
- Spyropoulos, Stamatogiann 2011 — Spyropoulos V., Stamatogiannis N. *Subextraction from subjects in Greek: Things that you can thing and you can say*. *Islands in Contemporary Linguistic Theory*, University of the Basque Country Vitoria-Gasteiz 16–18 November 2011, presentational materials.
- Starke 2001 — Starke M. *Move dissolves into merge: A theory of locality*. Ph.D. thesis. University of Geneva, 2001.
- Stepanov 2007 — Stepanov A. *The end of CED? Minimalism and extraction domains*. *Syntax*. 2007. Vol. 10. No. 1. Pp. 80–126.
- Stepanov et al. 2018 — Stepanov A., Mušič M., Stateva P. *Two (non-)islands in Slovenian: A study in experimental syntax*. *Linguistics*. 2018. Vol. 56. No. 3. Pp. 435–476.
- Sturgeon et al. 2010 — Sturgeon A., Polinsky M., Kravtchenko E., Gallo C.G., Medová L., Koula V. *Subject islands in Slavic: The syntactic position matters*. *Formal Approaches to Slavic Linguistics 19*, University of Maryland, College Park, presentational materials. 2010.
- Surányi, Turi 2018 — Surányi B., Turi G. *Freezing, topic opacity and phase-based cyclicity in subject islands: Evidence from Hungarian*. Hartmann J., Jäger M., Kehl A., Konietzko A., Winkler S. (eds.). *Freezing*. New York: Mouton De Gruyter. 2018. Pp. 317–350.
- Wexler, Culicover 1977 — Wexler K., Culicover P. *Some syntactic implications of a theory of language learnability*. Culicover P., Wasow T., Akmajian A. (eds.), *Formal syntax*. Cambridge: Academic Press. 1977. Pp. 7–60.
- Winkler at al. 2016 — Winkler S., Radó J., Gutscher M. *What determines ‘freezing’ effects in was-für split constructions? Featherston S., Versley Y. (eds.). Quantitative approaches to grammar and grammatical change*. New York: Mouton De Gruyter. 2016. Pp. 207–232.

Статья поступила в редакцию 23.09.2021

The article was received on 23.09.2021

Дарья Дмитриевна Белова

МГУ имени М.В. Ломоносова / Институт языкознания РАН

Daria Belova

Lomonosov Moscow State University / Institute of Linguistics RAS

dd.belova@yandex.ru

ПСЕВДСОЧИНТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С *RIJENO* ‘ИДТИ’ В НОВОГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ: ПРИЗНАКОВЫЙ ПОДХОД*

Герасимос Георгопулос
Венский университет

В статье обсуждаются глагольные псевдосочинительные конструкции в новогреческом языке, первой частью которых выступает глагол *rijeno* ‘идти’. В отличие от сходных конструкций других языков, новогреческие псевдосочинительные конструкции схожи с биклаузальными полипредикативными структурами в отношении дистрибуции видимых эпонентов словоизменительной морфологии. В данной статье, используя ряд синтаксических и семантических диагностик, я делаю следующие выводы: (i) новогреческие псевдосочинительные конструкции являются подчинительными и (ii) эти конструкции озвучиваются как монопредикативная синтаксическая структура. Я анализирую морфологическую специфику исследуемой конструкции в рамках признаковой модели Распределенной Морфологии.

Ключевые слова: псевдосочинение, глаголы движения, Распределенная Морфология, означивание признаков, моноклаузальность, новогреческий язык.

Для цитирования: Георгопулос Г. Псевдосочинительные конструкции с *rijeno* ‘идти’ в новогреческом языке: признаковый подход // Типология морфосинтаксических параметров. 2021. Том 4, вып. 1. С. 30–52. (На английском.)

---

* Я благодарен Далине Каллулли, Робу Трасвелу и Сузи Вурмбранд за их участие и комментарии к ранним вариантам настоящей работы. Я также хотел бы поблагодарить организаторов и участников Одиннадцатой конференции «Типология морфосинтаксических параметров» за конструктивное обсуждение моего доклада. Все ошибки остаются на совести автора.

PSEUDO-COORDINATE CONSTRUCTIONS WITH *PIJENO* ‘GO’ IN GREEK: A FEATURE-BASED ACCOUNT*

Gerasimos Georgopoulos
University of Vienna

The paper discusses verbal pseudo-coordinate constructions in Greek (GPCs) which involve the motion verb *pijeno* ‘go’ as the initial verb. In contrast to similar constructions in other languages, GPCs seem to resemble a biclausal syntactic structure with respect to the distribution of overt inflectional material. In this paper, I argue based on a series of syntactic and semantic tests that: (i) GPCs are analyzed as instances of syntactic subordination (ii) GPCs are mapped into a monoclausal syntactic structure. Finally, I propose a feature-based analysis within the framework of Distributed Morphology in order to account for the morphological idiosyncrasies of these constructions.

Keywords: pseudo-coordination, motion verbs, Distributed Morphology, feature valuation, monoclausality, Greek.

For citation: Georgopoulos G. Pseudo-coordinate constructions with *pijeno* ‘go’ in Greek: A feature-based account. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2021. Vol. 4, iss. 1. Pp. 30–52.

---

* I am thankful to Dalina Kallulli, Rob Truswell and Susi Wurmbrand for their comments and suggestions on earlier versions of this work. I also would like to thank the organization and the audience of the 11th TMP conference for their constructive feedback. All errors are my own.

1. Introduction

Pseudo-coordinations are broadly defined as inflected double verb constructions which, even though they superficially resemble a coordination in the verbal system, they otherwise exhibit distinct semantic and syntactic properties. The phenomenon has been attested in a variety of languages and has been discussed by several scholars, see [Cardinaletti, Giusti 2001] for Marsalese; [Lødrup 2002; Wiklund 2007] for Scandinavian languages; [de Vos 2005] for English and Afrikaans; [Heycock, Petersen 2012] for Faroese, among others. Despite documented cross-linguistic differences, there is a general consensus that the construction displays properties which distinguish it from ordinary verbal coordination, such as the possibility of asymmetric extraction, shared morphology and a restricted number of verbs that can occupy the initial verb slot. Another common assumption regarding pseudo-coordinate constructions is that the initial verb does not contribute its full lexical semantics, but rather appears to have undergone “semantic bleaching”, which is described as “a process whereby parts of the lexical meaning of the verb are deaccented” [de Vos 2005: 32]. Consider the following examples of ordinary coordination of verbs and pseudo-coordination in English:

- (1) *John sang and danced.*
- (2) *Mary went and addressed her audience.*

In (1), the events described in each conjunct, namely of singing and dancing, are viewed as distinct from each other. In addition, the order of conjuncts does not necessarily correspond to the temporal order of events and may be freely inversed without affecting the truth conditions of the sentence. On the other hand, a reading under which each verb is interpreted as an independent event can hardly be maintained in (2). In this case, the motion verb *go* does not necessarily denote an act of movement but is more likely interpreted as some sort of inchoative aspect. This enables a complex event reading of the construction under which the second verb denotes the type of action that characterizes the event as a whole, while the verb *go* explicitly codes the build-up to the action. Note that in this case, due to the high degree of semantic dependency attested between the two verbs, their order cannot be freely inversed without dissociating the components of the complex event. I will henceforth refer to the complex event reading associated with pseudo-coordination as “pseudo-coordinate”

reading in order to differentiate it from the “independent-event” reading associated with ordinary coordination.

1.1. A pseudo-coordinate construction with *go* in Greek

Greek pseudo-coordinate constructions with *go* (henceforth, GPCs) are formed with the verb *pijeno* ‘go’ as the initial verb¹ (V1), while the slot of the second verb (V2) may be occupied by a wide range of lexical verbs. The two verbs are joined by the conjunction coordinator *ke* ‘and’, as illustrated in (3):

- (3) *pij-e*   *ke*   *proδ-os-e*   *tin*   *apofasi*   *tis*   *epitropis*
 go-PST.PFV.3SG   and   betray-PST.PFV-3SG   the   decision   of   committee
 ‘He/she (went and) betrayed the decision of the committee.’

Similarly to English examples, the motion verb in the GPC appears to be reduced with respect to its semantic contribution. According to [Svorou 2018a], the original lexical template associated with the motion verb *pijeno* is suppressed within these constructions, since the latter is considered to be “de-predicativized” in terms of the meaning it conceptualizes. This can be seen in (3), where *pijeno* is devoid of any notion of movement and instead only encodes a sense of intentionality attributed by the speaker to the shared subject participant with regard to carrying out the action described by V2.

While pseudo-coordinations with the motion verb *go* in English and other Indo-European languages have widely been discussed within the literature, relevant phenomena in Greek have remained largely unaddressed. [Ingria 2005], who has posited an account on the polysemous behavior of the coordinator *ke* within the framework of Generative Lexicon, has noted in his study that within certain verbal coordinations with the motion verb *pijeno* as the initial verb, the conjunction coordinator appears to function as a clausal complementizer that introduces an embedded purpose clause. The existence of GPCs has also been documented in studies that examine syntactic phenomena related to pseudo-coordination under a cross-linguistic point of view. [Ross 2013] observes that similarly to English pseudo-coordinations with *go*, GPCs are not restricted in terms of the morphological forms of their verbs. [Bjorkman 2016] discusses

---

¹ It has been documented that pseudo-coordinate constructions in Greek can also be formed with the posture verb *kathome* ‘sit’ occupying the V1 slot. However, these constructions are to be distinguished from the GPCs discussed here not only on the basis of their semantics (the verb *kathome* can receive multiple aspectual interpretations as V1 of a pseudo-coordinate construction) but also in terms of their morphological and syntactic properties, see [Svorou 2018b].

go get constructions in English and provides a feature-based account on their inflectional properties. In her study, she reports that Greek attests similar constructions which involve the motion verb *pijeno* immediately preceding a lexical verb. These constructions can surface without the presence of the conjunction coordinator *ke* (essentially resembling a serial verb construction) and are limited only to morphologically imperative clauses. A more detailed account on Greek pseudo-coordination comes from [Svorou 2018a], who in a recent study examines the properties of said constructions within the framework of Reference Grammar. [Svorou 2018a] argues that due to the high degree of semantic and syntactic integration that can potentially be attested between the verbs of a verbal coordination, the former can display juncture-nexus relations associated with core cosubordination. This is assumed to occur when a restricted set of verbs, such as the motion verb *pijeno*, occupy the first conjunct which on themselves do not express an event but rather have aspects of their semantic structure frame the event expressed by the second conjunct. This results in the verbal coordination being interpreted as a pseudo-coordination.

1.2. Morphological Sameness Condition

It is cross-linguistically assumed that verbs involved in a pseudo-coordination exhibit a strong degree of dependency, in that they are required to share the same morphological specification. This is captured by [de Vos 2005: 46] under the Morphological “Sameness” Condition (MSC), which posits that “both verbs of a pseudo-coordinative construction must have the same type of morphological marking i.e. both verbs must be either bare or morphologically marked with present, past, participle or similar”, as demonstrated below:

- (4) From [de Vos 2005: 87]
- a. *The warders have gone and watched the convict continuously.*
  - b. **John has gone and behave.*
  - c. **I wonder how John will go and behaved.*

In (4a), the tense auxiliary *have* takes scope over both verbs which are both marked with an identical past tense inflectional morphology. If one of the verbs surfaces with a different tense suffix or if a tense auxiliary takes scope only over one of the verbs of the construction (as in (4b) and (4c)), then the construction either becomes ungrammatical or is interpreted as a sequence of two independent events. A similar observation is made for pseudo-coordinate constructions with *go* in languages with alternating perfect auxiliary selection,

such as Danish. In these languages, verbs are often distinguished in terms of perfect auxiliary selection based on unergativity/unaccusativity. In Danish, unergative verbs select the perfect auxiliary *have* (have) and unaccusative verbs select the perfect auxiliary *være* ‘be’. According to [Kjeldahl 2010], while Danish pseudo-coordinations may generally inflect for perfect tense, the latter is not possible if there is a conflict regarding perfect auxiliary selection between V1 and V2. Consider the following examples:

- (5) **Louise er gået ud og hentet avisen.*
 Louise is gone out and fetched paper
 Int.: ‘Louise has gone out and fetched the paper.’ [Kjeldahl 2010: 53]
- (6) **Louise har gået ud og hentet avisen.*
 Louise has gone out and fetched paper
 Int.: ‘Louise has gone out and fetched the paper.’ [Kjeldahl 2010: 53]
- (7) **Hvad er Louise gået ud og har hentet for aviser.*
 What is Louise gone out and has fetched for papers
 Int.: ‘What has Louise gone and has fetched?’ [Kjeldahl 2010: 53]

In (5), the perfect auxiliary *er* ‘be’ selected by the motion verb *gå* ‘go’² is incompatible with *hente* ‘fetch’ as V2. In (6), the perfect auxiliary *have* ‘have’ selected by *hente* is incompatible with *gå* as V1. At the same time, the possibility of each verb selecting its own auxiliary is excluded within the pseudo-coordinate construction, as in (7). This suggests that perfect auxiliary selection does not override the requirement for morphological “sameness” imposed by the pseudo-coordinate construction the verbs take part in.

Turning to the GPC, it is important to note that, similarly to other languages of the Balkan Sprachbund, the grammatical categories of mood and tense in Greek are often not specified in the inflectional morphology of the verb but are rather realized through overt inflectional material such as subjunctive markers, future particles or tense auxiliaries. With regard to the category of mood, the features that have an affix-like character are distinguished between +IMPERATIVE and –IMPERATIVE. –IMPERATIVE inflection is further specified as indicative or subjunctive by the choice of particle. That said, indicative mood is

---

² The motion verb *gå* patterns with unaccusative verbs in terms of perfect auxiliary selection. Although, motion verbs differ from prototypical unaccusative verbs in the sense that they involve some sort of agentivity, they respond to unaccusativity tests and are thus also considered to be unaccusative, see [Kjeldahl 2010] and references therein.

assumed to be associated with a zero morpheme, while subjunctive mood is associated with the subjunctive marker *na* [Philippaki-Warburton, Spyropoulos 2004]. Thus, in contrast to Romance languages which morphologically distinguish between subjunctive and indicative, Greek subjunctive can only be realized through the mood marker *na* attaching to a verb otherwise inflected for –IMPERATIVE. With regard to the category of tense, future tense is not reflected in the inflectional morphology of the verb but is expressed through the future particle $\theta\alpha^3$ attaching to a verb inflected for –IMPERATIVE. Finally, perfect tense is formed periphrastically, through the use of the perfect auxiliary *exo* ‘have’ and a dependent non-finite verb form.

While in English and Danish pseudo-coordinations, the MSC is satisfied through having elements assigned to the extended inflectional layer of the verb, such as tense auxiliaries, taking scope over both V1 and V2, in the GPC, morphological sameness is achieved through these elements being individually repeated for each verb of the construction. This demonstrated below:

- (8) *i-tan*   *anamenomeno*   *na*   *ex-un*   *pai*
 be-PST.3SG   expected   SUBJ   PERF-3PL   go.PFV

ke   *na*   *ex-un*   *θimiθi*   *tis*   *askisis*
 and   SUBJ   PERF-3PL   remember.PFV   the   exercises

‘It was expected for them (to have gone and) to have remembered the exercises.’

Given that in overt syntax, morphemes associated with mood or tense are realized as heads of the respective functional categories, the presence of separate instances of overt inflectional material on each verb indicates that in contrast to languages like English or Danish, pseudo-coordination in Greek is mapped into a biclausal syntactic structure that involves V1 and V2 being headed by a distinct functional domain. Finally, the grammatical category of voice appears to be exempt from the MSC in Greek, as V2 may surface with a passive voice inflection without affecting the pseudo-coordinate reading associated with the GPC:

- (9) *i-tan*   *neos*   *ke*   *pj-e*   *ke*   *skoto-θik-e*
 be-PST.3SG   young   and   go-PST.PFV.3SG   and   kill-PST.PFV.PASS-3SG

‘He was young and he (went and) got killed.’

---

³ Due to its complementary distribution with the subjunctive marker *na*, *tha* has also been analyzed as an indicative mood marker associated with Mood⁰ [Rivero, Terzi 1995].

This exception with regard to voice is also observed in relevant constructions in other languages. As demonstrated by [Kjeldahl 2010], V2 in Danish motion verb pseudo-coordinations may project its own passive auxiliary without being required to match the active voice specification associated with the motion verb in V1:

- (10) *Peter går ud og bliver fotograferet.*
 Peter go.PRS.3SG out and become.PRS.3SG photographed
 ‘Peter (goes and) is photographed.’ [Kjeldahl 2010: 76]

The goal of the present paper is to provide an account on the syntactic derivation of the GPC based on Wurmbrand’s [2012] Reverse Agree model on feature valuation and the framework of Distributed Morphology (DM). More specifically, I will demonstrate that the morphological doubling of overt inflectional material, which occurs as a result of satisfying the MSC, does not necessarily imply the presence of two distinct functional domains, but is accounted for if we assume that V1 and V2 are c-commanded by a single functional domain from which they receive an identical feature valuation. My approach is structured as follows. In section 2, I will argue based on some of the universal properties of pseudo-coordination and on certain facts from Greek that the GPC should not be treated as an instance of ordinary verbal coordination but rather as a subordinate structure in which V2 is realized as a complement of V1. In section 3, I will demonstrate through a series of semantic and syntactic tests that the GPC represents a monoclausal⁴ syntactic structure. In section 4, I will present my analysis on the syntactic derivation of the GPC and describe the implementation of the Reverse Agree model. Finally, in section 5, I will summarize the main aspects of my analysis and discuss relevant topics which could be pursued in future research.

2. GPC as a subordinate structure

In this section, I will demonstrate based a series of semantic and syntactic tests that GPCs are syntactically analyzed as subordinate constructions rather than cases of ordinary coordination of verbs. More concretely, I will argue that in these constructions the verb *pijeno* ‘go’ selects for a verbal complement in the form of the lexical verb that occupies the V2 slot.

---

⁴ In the present study, the term “monoclausal” refers to a syntactic structure with a single functional domain as opposed to “biclausal” syntactic structures which involve two distinct functional domains.

2.1. Verb restrictions

As has been pointed for similar constructions in other languages [de Vos 2005; Wiklund 2007; Cardinaletti, Giusti 2001], pseudo-coordinations are restricted only to a specific subclass of verbs in terms of their V1 slot, whereas verbal coordinations can productively occur with a wide range of verbs in their first conjunct. Consider the reading obtained by the following constructions:

(11) *pij-e*   *ke*   *proδ-os-e*   *tin*   *apofasi*   *tis*   *epitropis*
 go-PST.PFV.3SG   and   betray-PST.PFV-3SG   the   decision   of   committee
 ‘He/she (went and) betrayed the decision of the committee.’

(12) *e-tre-x-e*   *ke*   *proδ-os-e*   *tin*   *apofasi*   *tis*   *epitropis*
 PST-run-PFV-3SG   and   betray-PST.PFV-3SG   the   decision   of   committee
 ‘He/she_i ran and he/she_i betrayed the decision of the committee.’

(13) *perpat-is-e*   *ke*   *proδ-os-e*   *tin*   *apofasi*   *tis*   *epitropis*
 walk-PST.PFV-3SG   and   betray-PST.PFV-3SG   the   decision   of   committee
 ‘He/she_i walked and he/she_i betrayed the decision of the committee.’

Whereas the presence of *pijeno* in the V1 slot accounts for a pseudo-coordinate reading of the construction in (11), the motion verbs in examples in (12)–(13) do not display any semantic integration. Instead, the constructions in which they occur can be only interpreted as sequences of independent events and are thus unambiguously considered ordinary coordinations of verbs. That said, if the GPC was to be analyzed as an ordinary coordination of verbs, it would have to be explained why other verbs are inhibited from occupying its first conjunct as well as why a restriction regarding verb selection applies to only one of the conjuncts. However, under a subordination analysis that involves V2 being realized as a complement of V1, the restriction on V1 being limited only to a specific set of verbs follows more naturally.

2.2. Subject restrictions

Unlike ordinary coordination, in the GPC, both verbs obligatorily share the same subject referent. In addition, the shared subject referent cannot be phonetically realized more than once within the construction. If one of the verbs displays a different subject agreement morphology (as in (14)) or if a second overt coreferential subject is introduced (as in (15)), then the pseudo-coordinate reading is dissociated and instead an independent-event reading is imposed on the construction:

- (14) *⁵*pij-a ke proδ-os-e tin apofasi tis epitropis*
 go-PST.PFV.1SG and betray-PST.PFV-3SG the decision of committee
 Int.: ‘I went and he/she betrayed the decision of the committee.’

- (15) **aftos pij-e ke aftos proδ-os-e tin apofasi*
 he go-PST.PFV.3SG and he betray-PST.PFV-3SG the decision

tis epitropis
 of committee

Int.: ‘He_i went and he_i betrayed the decision of the committee.’

The restriction on overt subject subjects is sensible under a subordination analysis that involves V2 being embedded under V1. However, it can be argued that an analysis of the GPC as a VP coordination could also account for this restriction. While a treatment of V1 and V2 as conjuncts of a coordination is disfavored on the basis of the arguments mentioned in this section, there is a further issue that needs to be addressed. As was pointed out in section 1.2., the MSC in the GPC is satisfied through syntactic elements such as mood markers, future particles and tense auxiliaries being realized separately for both V1 and V2. Given that these elements are analyzed as realizations of functional heads such as Mood° or T°, if we take into account the hierarchical order of functional heads in Greek [Alexiadou 1997; Philippaki-Warbuton 1998], we can conclude that the size of V1 and V2 cannot be smaller than a MoodP. I will return to this issue in section 4, where I will propose that overt inflectional material in the GPC is syntactically empty and only realized post-syntactically as a result of Late Insertion.

2.3. Subcategorization requirements

As shown in (16), outside the context of the GPC, the verb *pijeno* may select for an embedded complement introduced by the subjunctive marker *na*.

- (16) *pij-e na proδ-os-i tin apofasi tis epitropis*
 go-PST.PFV.3SG SUBJ betray-AOR-3SG the decision of committee
 ‘He/she was about to betray the decision of the committee.’

---

⁵ In the present study, (*) does not only always indicate that the marked example is ungrammatical, but rather that it is inconsistent with a pseudo-coordinate reading. It may well be the case that certain examples marked with (*) are considered acceptable within specific discourse contexts. For instance, example (14) could be acceptable in a discourse context in which the location to which the speaker went is implicit.

- (17) *pij-e*   *ke*   *proδ-os-e*   *tin*   *apofasi tis*   *epitropis*
 go-PST.PFV.3SG and betray-PST.PFV-3SG the decision of committee
 ‘He/she (went and) betrayed the decision of the committee.’

If we compare (16) to (17) we observe that the non-motion interpretation of *pijeno* associated with a pseudo-coordinate reading is sustained in both constructions. That said, the difference in terms of semantic interpretation between the instances of pseudo-coordination in (17) and of subjunctive complementation in (16) is attributed to the different mood specification of the respective complement. The subjective mood specification yields an irrealis interpretation under which the embedded verb is realized as potential and not as an event that has actually taken place. However, in (17), the indicative mood specification of V2 accounts for the event of betraying being reported as an actual fact. Provided that the semantic content of *pijeno* remains consistent in both GPC and subjunctive complementation, we would expect the subcategorization requirements of the verb to be satisfied in both instances. In the case of the GPC, the former is possible if V2 is analyzed as a complement of V1 and not as the second conjunct of a coordinate structure.

2.4. Adjacency requirements

In ordinary coordinations, there is no restriction regarding the syntactic material that occurs between the coordinator *ke* and the verb in the second conjunct. In GPC on the other hand, there are restrictions with regard to the syntactic material that may intervene between *ke* and V2, which indicates that there is a certain degree of adjacency that needs to be satisfied for a pseudo-coordinate reading to be obtained. As demonstrated in (18)–(19), syntactic material which could normally intervene between the coordinator and the second conjunct, such as arguments or adverbials, is not acceptable in the GPC:

- (18) *pij-e*   *ke*   (**efkola/xθes*)   *proδ-os-e*
 go-PST.PFV.3SG and easily/yesterday betray-PST.PFV-3SG

tin   *apofasi tis*   *epitropis*
 the decision of committee
 ‘He/she went and easily/yesterday betrayed the decision of the committee.’

- (19) **pij-e*   *ke*   *tin*   *apofasi*   *tis*   *epitropis*   *proδ-os-e*
 go-PST.PFV.3SG and the decision of committee betray-PST.PFV-3SG
 Int.: ‘He/she_i went and the decision of the committee he/she_i betrayed.’

The only syntactic material that is acceptable are either elements that belong to the extended inflectional layer of V2 (as was shown in (8)) or object clitics, as seen in (20):

- (20) *pij-e ke tin proδ-os-e*
 go-PST.PFV.3SG and CLI betray-PST.PFV-3SG
 ‘He/she (went and) betrayed her.’

The data provided here suggests that in these constructions *ke* has possibly undergone a change with regard to its original syntactic status as a conjunction coordinator and instead is reduced to a marker that attaches to the edge of the inflectional layer of V2 similarly to a clitic. An observation along those lines is made by [Kjeldahl 2010] for pseudo-coordinations in Danish, where the conjunction coordinator *og* ‘and’ is assumed to be present only at PF and to have the status of an enclitic that obligatorily attaches to its preceding word due to its syntactic emptiness.

2.5. Violation of the Coordinate Structure Constraint (CSC)

It has been well established that “in a coordinate structure, no conjunct may be moved, nor may any element contained in a conjunct be moved out of that conjunct” (CSC) [Ross 1967: 161]. Extraction instead has to proceed in an across-the-board-fashion (ATB), namely by having the same constituent be extracted from all the conjuncts simultaneously. The CSC is demonstrated in (21):

- (21) *o fititis tre-x-i ke xore-v-i baxata*
 the student run-PRS-3SG and dance-PRS-3SG bachata
 ‘The student runs and dances bachata.’

- (22) **t_j tre-x-i o fititis ke xore-v-i t_j*
 what run-PRS-3SG the student and dance-PRS-3SG
 Int.: ‘What does the student run and dance?’

Since the first conjunct is occupied by an unergative verb, the complement DP can only be realized as an argument of the verb in the second conjunct. As shown in (22), asymmetric *wh*-extraction out of the second conjunct is not licensed. However, in terms of the GPC, the internal argument of V2 may be asymmetrically *wh*-extracted without yielding ungrammatical results:

- (23) *t_j pij-e ke proδ-os-e t_j*
 what go-PST.PFV.3SG and betray-PST.PFV-3SG
 ‘What did he (go and) betray?’

A coordination analysis of the GPC would have to stipulate that asymmetric extraction out of the second conjunct is licensed only in specific of cases of verbal coordination, while blocked in others. However, under a subordination analysis of the GPC, the availability of asymmetric extraction is expected.

3. GPC as a monoclausal structure

In this section, I will demonstrate that the semantic and syntactic properties associated with the GPC cannot be captured under a biclausal syntactic structure that involves each verb projecting its own functional domain. Instead, I will argue that based on clause union effects attested in the GPC, the latter is amenable to a monoclausal treatment under which V1 and V2 are headed by a single functional domain.

3.1. Lack of embedded negation

Data based on negation placement suggests that the GPC does not have a distinct functional projection that licenses negation of the embedded verb. Instead, negation markers can only occur within the matrix domain and take an unambiguous wide scope interpretation. Consider the following examples:

(24) *den pa-s ke θim-a-se*
 NEG go.PRS-2SG and remember.PRS-2SG

tis askisis teleftea stijmi
 the exercises last moment

‘You don’t (go and) remember the exercises in the last moment.’

(25) *pa-s ke den θim-a-se*
 go.PRS-2SG and NEG remember.PRS-2SG

tis askisis teleftea stijmi
 the exercises last moment

‘You_i go and you_i don’t remember the exercises in the last moment.’

(26) *den pa-s ke den θim-a-se*
 NEG go.PRS-2SG and NEG remember.PRS-2SG

tis askisis teleftea stijmi
 the exercises last moment

‘You_i don’t go and you_i don’t remember the exercises in the last moment.’

In (24), if the negation marker receives a narrow scope interpretation, then the construction is interpreted only under an independent event reading that involves the subject participant not going to an unspecified or implicit location in addition to remembering the exercises in the last moment. That said, a pseudo-coordinate reading is only accessible if the matrix negation marker takes an unambiguous wide scope over both V1 and V2. In (25), the negation marker takes scope only over the embedded verb which results in the pseudo-coordinate reading being eroded and to V1 and V2 being interpreted as a sequence of two independent events. Finally, in (26), the presence of two separate negation markers each taking scope over a different verb again results in an independent event reading of the construction. Based on the presented data, I conclude that the GPC has only a single functional projection that licenses negation situated in the matrix domain.

3.2. Event modification

Another argument in favor of a monoclausal analysis of the GPC comes from how the construction behaves in the presence of event modifiers. As evidenced by the following examples, V1 and V2 have to be collectively targeted by event modifiers in order for a pseudo-coordinate reading to be sustained:

(27) *pa-s ke θim-a-se tis askisis δio fores*
 go.PRS-2SG and remember-PRS-2SG the exercises two times
 ‘You (go and) remember the exercises twice.’

(28) *pa-s (*δio fores) ke θim-a-se tis askisis*
 go.PRS-2SG two times and remember-PRS-2SG the exercises
 ‘You go twice and remember the exercises.’

(29) **pa-s δio fores ke θim-a-se tis askisis tris fores*
 go.PRS-2SG two times and remember-PRS-2SG the exercises three times
 Int.: ‘You go twice and remember the exercises three times.’

In (27), the embedded event modifier cannot individually target V2 without giving rise to an independent event reading, but rather has to scope over both V1 and V2. In (28), the event modifier in the matrix domain cannot be licensed under a pseudo-coordinate reading, since this would result in *pijeno* being interpreted strictly as a motion verb. In (29), the presence of a matrix and an embedded event modifier yields an independent event reading under which the subject participant goes to an unspecified or implicit location twice and also

remembers the exercises three times. The presented data suggests that for a pseudo-coordinate reading to be sustained, event modifiers have to target both verbs of the construction as a unit. Assuming a close correspondence between meaning and phrase structure, the single event description associated with the GPC is straightforwardly mapped into a monoclausal syntactic structure⁶.

3.3. Inverse quantifier scope

It is generally assumed that while indefinites have an unbounded inverse scope, universal quantifiers can only take scope within their clause boundary. This distinction is often employed as a diagnostic test for restructuring in complements selected by partial control and exhaustive control predicates respectively [Grano 2015; Modesto 2016]. Whereas universal quantifiers in exhaustive control complements can take inverse scope over the matrix domain, in partial control complements, inverse scope is blocked by the embedded clause boundary. This is demonstrated in (30)–(31) for finite complements in Greek:

- (30) *kapios fititis kser-i na li-n-i kaθe provlima*
 some student know-PRS.3SG SUBJ solve-PRS-3SG every problem
 ‘Some student knows how to solve every problem.’ $\exists > \forall / \forall > \exists$
 [Grano 2015: 193]

- (31) *kapios fititis piste-v-i oti e-li-s-e kaθe provlima*
 some student believe-PRS-3SG that PST-solve-PFV-3SG every problem
 ‘Some student believes that he solved every problem.’ $\exists > \forall / * \forall > \exists$
 [Grano 2015: 194]

Whereas (31) can only be interpreted as “some student believes that he solved every problem”, (30) is scopally ambiguous and can be interpreted both as “some student knows how to solve every problem” and as “for every problem, there is a student that knows how to solve it”. The fact that in (30) the embedded universal quantifier can take scope outside its embedded domain, suggests that clause union effects apply. A similar conclusion can be reached

---

⁶ It has to be noted that monoclausal syntactic structures are not always limited to a single event description. As has been shown for German long passives [Wurmbrand 2001], predicates in restructuring constructions can under certain circumstances be individually targeted by event modifiers. While this suggests that monoclausal syntactic structures are not necessarily linked to a single event description, in absence of empirical data on biclausal syntactic structures restricted to a single event description, I consider monoeventivity as evidence in favor of monoclausality for the purposes of my analysis.

regarding the embedded V2 in the GPC, which in terms of quantifier scope patterns with complements selected by exhaustive control predicates:

- (32) *kapios fititis pa-i ke li-n-i kaθe provlima*
 some student go.PRS-3SG and solve-PRS-3SG every problem
 ‘Some student (goes and) solves every problem.’ $\exists > \forall / \forall > \exists$

Based on the availability of an inverse scope reading in (32), under which “for every problem, there is a student that (goes and) solves it”, I conclude that there is no clause boundary between V1 and V2.

3.4. Licensing of Negative Polarity Items (NPIs)

The NPI *kanena* ‘any’ is interpreted as a universal negative when bearing emphatic stress or as an existential quantifier when unstressed. While both interpretations are licensed by sentential negation, licensing of the emphatic interpretation can only occur within the same tense domain [Giannakidou, Quer 1997]. According to [Grano 2015], this distinction can accurately predict the structural differences between complements selected by exhaustive control and by partial control predicates respectively. Consider the following examples of NPI licensing:

- (33) *o Jianis den kser-i na li-n-i KANENA provlima*
 the John NEG know-PRS.3SG SUBJ solve-PRS-3SG any problem
 ‘John doesn’t know how to solve ANY problem.’ [Grano 2015: 190]

- (34) *o Jianis den ip-e oti e-li-s-e*
 the John NEG say.PST.PFV-3SG that PST-solve-PFV-3SG

{*kanena*/*KANENA} *provlima*
 any problem

‘John didn’t say that he solved any/ANY problem.’ [Grano 2015: 190]

As seen in (33) and (34), the emphatic meaning of *kanena* can only be licensed in exhaustive control complements, which in turn suggests that the latter exhibit clause union effects. Turning to the GPC, an emphatic interpretation of the embedded NPI is also enforced in the presence of sentential negation:

- (35) *o Jianis den pij-e ke e-li-s-e KANENA provlima*
 the John NEG go-PST.PFV.3SG and PST-solve-PFV-3SG any problem.
 ‘John didn’t (go and) solve ANY problem.’

Given that licensing of the emphatic interpretation can only occur within the same tense domain, I conclude that the GPC has only a single available functional projection that licenses Tense.

4. A feature-based account

The data examined in sections 1.2 and 3 points towards an ambiguity with regard to the clausal structure of GPCs. On one hand, in section 1.2, it was shown that with respect to satisfying the MSC, the GPC may resemble a biclausal syntactic structure in the sense that overt inflectional material is individually repeated for both V1 and V2. On the other hand, in section 3, it was demonstrated through a series of diagnostic tests that the GPC exhibits clause union effects and can thus be considered a monoclausal syntactic structure. In this section, I will propose that the surface realization of separate instances of overt inflectional material within the same construction does not necessarily imply the presence of two distinct functional domains but can rather be interpreted as the result of both verbs receiving an identical feature-valuation by a single functional domain. In order for the current account to be put in place, two important assumptions have to be made. First, given that my account will include a single functional domain asymmetrically c-commanding both V1 and V2, the inflectional morphology on each verb cannot be accounted under the traditional assumption that verbal affixes are directly realized through functional heads to which the verb moves [Pollock 1989]. Rather, a more refined approach has to be pursued which enables multiple inflectional realizations of the same morphological category to be licensed by a single functional projection. The former can be found in Wurmbrand's [2012] Reverse Agree model postulated for verb clusters in Germanic languages and also adopted in Bjorkman's [2016] study on *go get* constructions in English. Secondly, I will assume that the derivation is comprised of two distinct components, namely a syntactic component which is responsible for the form of complex syntactico-semantic expressions and a morphological component which involves the mechanisms that produce the corresponding morphological expressions [Halle, Marantz 1993]. Following the framework of DM, I will consider syntactic categories as purely abstract within syntactic derivation and exclusively composed of syntactico-semantic features drawn from a set made available by UG. The syntactic component is assumed to produce a representation whose terminal elements are morphosyntactic features, which is then subject to morphological operations that account for non-isomorphic mappings from syntactic terminals to morpho-

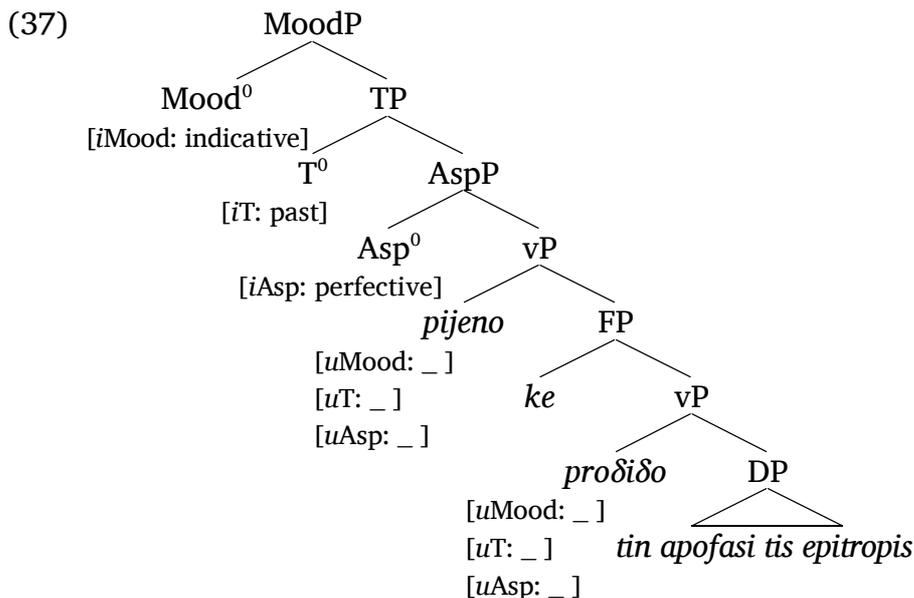
phonological constituents. That said, the word constituents which are realized post-syntactically do not necessarily correspond to syntactic entities and instead are inserted during the morphological component of the derivation as a result of Late Insertion.

Having outlined the ingredients of my analysis, I will now turn to Wurmbrand's Reverse Agree model of inflectional licensing and to its implementation on the GPC. In her account, [Wurmbrand 2012] distinguishes between sets of interpretable (*iF*) and uninterpretable features (*uF*) (e.g. features that carry information necessary to the interpretation and features that are irrelevant for semantics but may be realized morphologically) and valued (*F: val*) and unvalued features (*F: _*) (e.g. features that are specified and features that are unspecified for a specific semantic value). Functional heads are assumed to be associated with specific sets of valued and interpretable features with which they value the corresponding unvalued and uninterpretable features on the verbal heads in a downward fashion. In that sense, Reverse Agree departs from standard Agree, where feature transfer is conducted upwards, namely from c-commanded goals to c-commanding probes [Chomsky 1998]. The mechanism of Reverse Agree is defined as follows:

- (36) A feature [*F: _*] on α is valued by a feature [*F: val*] on β , iff:
- i. β asymmetrically c-commands α AND
  - ii. There is no γ , γ distinct from β , with a valued interpretable feature of the same type ([*iF: val*]) such that γ c-commands α and is c-commanded by β . [Wurmbrand 2012: 135]

Provided that feature valuation onto a c-commanded head is blocked only in case a head with identical valued and interpretable features intervenes between the probe and its goal, Reverse Agree in principle allows a single functional head to license inflectional features on multiple verbal heads. This offers an elegant solution with regard to feature licensing for verbal constructions that display multiple inflectional agreement within a single monoclausal syntactic structure, such as the GPC. Following an account based on Reverse Agree, I assume that V1 and V2 are c-commanded by the same mood, tense and aspect projections from which they receive their feature valuation in a downward manner. Regarding the category of voice, differences between V1 and V2 seem to be acceptable, since, as was shown in (9), V2 may be passivized. This suggests that V1 and V2 are headed by a distinct voice domain. Following previous research on the syntactization of voice [Alexiadou et al. 2006; Folli, Harley 2007],

I consider this category to be encoded above VP either inside little v or VOICE, if we assume an articulated vP projection. A derivation of the GPC would then be described as follows. *Pijeno* is merged in the verbal domain along a vP-sized V2 in complement position. The complement is headed by *ke*, which will for convenience be represented as the head of a functional projection FP. Both verbs then raise up to their respective vP projection in order to check their voice features. At this point both verbs still bear unvalued and uninterpretable inflectional features associated to tense, mood and aspect and can thus be selected as potential targets for Reverse Agree by the respective functional heads. Structure building proceeds with Merge of the aspectual domain. The unvalued and uninterpretable aspectual features on V1 and V2 are assumed to simultaneously establish an Agree relation with the valued and interpretable aspectual feature of the higher head, which licenses their top-down feature valuation. A similar process is then repeated for the categories of tense and mood. A sample derivation for the GPC illustrated in (3) based on Reverse Agree is given below:

Having adopted a DM framework that involves a distinction between the syntactic and the morphological component of the derivation, allows us to also account for instances in which overt inflectional material is repeated as a result of satisfying the MSC. Within the current approach, surface morphemes such as mood markers, tense auxiliaries and future particles are not interpreted as elements present within the syntactic derivation, but rather as collections of features which receive their morphological realization post-syntactically. Given that these features receive an identical realization for both V1 and V2, their

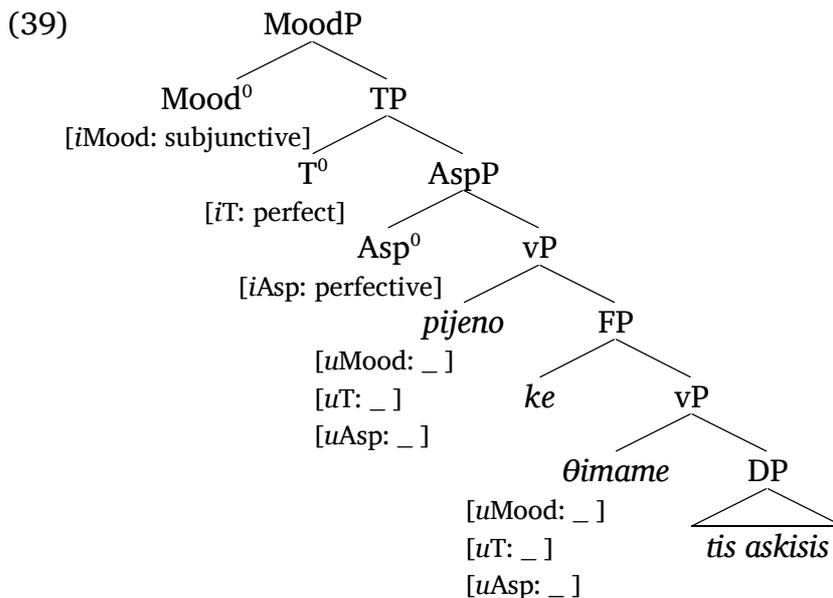
syntactic derivation can also be captured under the top-down feature valuation mechanism instigated by Reverse Agree. Take for example the GPC shown in (8), repeated below as (38):

(38) *i-tan anamenomeno na ex-un pai ke*
 be-PST.3SG expected SUBJ PERF-3PL go.PFV and

na ex-un θimiθi tis askisis
 SUBJ PERF-3PL remember.PFV the exercises

‘It was expected for them (to have gone and) to have remembered the exercises.’

Following the assumption that functional heads have an interpretable valued feature, which corresponds to the semantic value of the head [Wurmbrand 2012], perfect tense can be encoded as an [iF: perfect] associated with T⁰, whereas subjunctive mood can be encoded as an [iF: subjunctive] associated with Mood⁰. These heads enter into an Agree relation with V1 and V2, which is instantiated through top-down valuation of their respective uF: _ features. Once inflectional features have been manipulated by the syntactic component, the morphological component becomes responsible for the insertion of the morphological markers associated with perfect tense and subjunctive mood. This results in two distinct surface realizations of the mood marker *na* and of the tense auxiliary *exo*. The syntactic derivation for (38) is demonstrated below:

5. Conclusion

In this paper I discussed the formal properties of GPCs and provided a feature-based account on their syntactic derivation. The main issue that was brought into attention concerns the way overt inflectional material is distributed due to the morphological dependency attested between the verbs of these constructions (as captured by the MSC). Whereas GPCs respond to tests that are indicative of clause union, in terms of the distribution of overt inflectional material they resemble a biclausal syntactic structure. I argued that this structural ambiguity is superficial and brought into existence as the result of the mechanism responsible for inflectional licensing that underlies these constructions. More specifically, I demonstrated that the morphological dependency attested between V1 and V2 can be captured under an account that involves both verbs being c-commanded by a single functional domain from which they receive their feature valuation in a top-down manner. Assuming a distinction between the syntactico-semantic component and the morphological component of the derivation, the distribution of overt inflectional material was interpreted as the result of post-syntactic processes that account for the insertion of the morphological material corresponding to the identical feature value of both verbs.

The current paper approaches the phenomenon of pseudo-coordination from a synchronic perspective and provides an analysis rooted on contemporary language data. That said, there is still plenty of room to be explored in regard to relevant constructions in Greek. A diachronic perspective on the issue is deemed of high significance for future research since it would reveal important data on the grammaticalization path along which the components of these constructions have been developed as well as the semantic change associated with V1. Finally, the motion verb *pijeno* is also encountered in serial verb constructions which are analog to *go get* constructions in English. While the relation between *go get* constructions and pseudo-coordinations has extensively been discussed for English (see [Shopen 1971; Pullum 1990; Bjorkman 2016]), a similar research has yet to be conducted for Greek. A collective study on these constructions could provide important information on their degree of approximation and possibly also motivate a unitary analysis on these phenomena.

Abbreviations

1, 2, 3 — 1st, 2nd, 3rd person; AOR — aorist; CLI — clitic pronoun; IPFV — imperfective aspect; NEG — negation; PASS — passive voice; PERF — perfect auxiliary; PFV — perfective aspect; PL — plural; PRS — present tense; PST — past tense; SG — singular; SUBJ — subjunctive.

References

- Alexiadou 1997 — Alexiadou A. *Adverb Placement: A Case Study in Antisymmetric Syntax*. Amsterdam: John Benjamins, 1997.
- Alexiadou et al. 2006 — Alexiadou A., Anagnostopoulou E., Schäfer F. The properties of anticausatives crosslinguistically. *Phases of Interpretation*. Frascarelli M. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. Pp. 187–211.
- Bjorkman 2016 — Bjorkman B.M. Go get, come see: Motion verbs, morphological restrictions, and syncretism. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2016. Vol. 34. Pp. 53–91.
- Cardinaletti, Giusti 2001 — Cardinaletti A., Giusti G. ‘Semi-lexical’ motion verbs in Romance and Germanic. *Semi-lexical categories: On the function of content words and the content of function words*. Corver N., van Riemsdijk H. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2001. Pp. 371–414.
- Chomsky 1998 — Chomsky, N. *Minimalist Inquiries: The Framework*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1998.
- de Vos 2005 — de Vos M. *The syntax of verbal pseudo-coordination in English and Afrikaans*. Ph.D. thesis. Leiden university, 2005.
- Folli, Harley 2007 — Folli R., Harley H. Causation, obligation and argument structure: On the nature of *litte v*. *Linguistic Inquiry*. 2007. Vol. 38. No. 2. Pp. 197–238.
- Giannakidou, Quer 1997 — Giannakidou A., Quer J. Long-distance Licensing of Negative Indefinites. *Negation and Polarity: Syntax and Semantics*. Forget D., Hirschbühler P., Martineau F., Rivero M.L. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1997. Pp. 95–113.
- Grano 2015 — Grano T. *Control and restructuring*. Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Halle, Marantz 1993 — Halle M., Marantz A. Distributed Morphology and the Pieces of Inflection. *The View From Building 20*. Hale K., Keyser S.J. (eds.). Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1993. Pp. 111–176.
- Heycock, Petersen 2012 — Heycock C., Petersen H.P. Pseudo-coordination in Faroese. *Multilingual Individuals and Multilingual Societies*. Braunmueller K., Gabriel C. (eds.). Hamburg: John Benjamins B.V, 2012. Pp. 259–280.
- Ingria 2005 — Ingria R. Grammatical formatives in a generative lexical theory. *Journal of Greek Linguistics*. 2005. Vol. 5. Pp. 61–101.
- Kjeldahl 2010 — Kjeldahl A. *The Syntax of Quirky Verbal Morphology*. Ph.D. thesis. Aarhus university, 2010.
- Lødrup 2002 — Lødrup H. The syntactic structures of Norwegian pseudo-coordinations. *Studia Linguistica*. 2002. Vol. 56. Pp. 121–143.
- Modesto 2016 — Modesto M. *Inflected infinitives and restructuring in Brazilian Portuguese*. *Morphosyntax of Portuguese and Spanish in Latin America*. Kato M., Ordoñez F. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2016. Pp. 151–176.
- Philippaki-Warbuton 1998 — Philippaki-Warbuton I. Functional Categories and Modern Greek Syntax. *The Linguistic Review*. 1998. Vol. 15. Pp. 159–186.
- Philippaki-Warbuton, Spyropoulos 2004 — Philippaki-Warbuton I., Spyropoulos V. A Change of Mood: The Development of the Greek Mood System. *Linguistics*. 2004. Vol. 42. Pp. 791–817.
- Pollock 1989 — Pollock J.-Y. Verb Movement, Universal Grammar, and the Structure of IP. *Linguistic Inquiry*. 1989. Vol. 20. Pp. 365–424.
- Pullum 1990 — Pullum G.K. Constraints on intransitive quasi-serial verb constructions in modern colloquial English. *Ohio State Working Papers in Linguistics*. 1990. Vol. 39. Pp. 218–239.
- Rivero, Terzi 1995 — Rivero M., Terzi A. Imperatives, V-movement and logical mood. *Journal of Linguistics*. 1995. Vol. 31. Pp. 301–332.
- Ross 1967 — Ross J.R. *Constraints on Variables in Syntax*. Ph.D. thesis. Massachusetts Institute of Technology, 1967.

- Ross 2013 — Ross D. Verbal Pseudocoordination in English: A syntactic analysis with reference to diachronic, dialectal and crosslinguistic variation. Unpublished qualifying exam paper. University of Illinois at Urbana Champaign, 2013. [[URL](#), accessed 29.10.2021].
- Shopen 1971 — Shopen T. Caught in the act: An intermediate stage in a would-be historical process providing syntactic evidence for the psychological reality of paradigms. Papers from the seventh regional meeting of the Chicago Linguistics Society (CLS). Chicago: CLS, 1971. Pp. 254–263.
- Svorou 2018a — Svorou S. Motion Verb Integration and Core Cosubordination in Modern Greek. Applying and Expanding Role and Reference Grammar. Kailuweit R., Künkel L., Staudinger E. (eds.). Freiburg: FRIAS, 2018. Pp. 281–304.
- Svorou 2018b — Svorou S. Constructional pressures on ‘sit’ in Modern Greek. Functionalism and Usage-based Approaches to the Study of Language. Smith K.A., Nordquist D. (eds.). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2018. Pp. 17–58.
- Wiklund 2007 — Wiklund A.L. The Syntax of Tenselessness. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007.
- Wurmbrand 2001 — Wurmbrand S. Infinitives: Restructuring and Clause Structure. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001.
- Wurmbrand 2012 — Wurmbrand S. Parasitic participles: Evidence for the theory of verb clusters. *Taal en Tongval*. 2012. Vol. 64. No. 1. Pp. 129–156.

Статья поступила в редакцию 30.10.2021

The article was received on 30.10.2021

Герасимос Георгопулос

Венский университет

Gerasimos Georgopoulos

University of Vienna

a11949516@unet.univie.ac.at

СЕМАНТИКА ЛЁГКОГО ГЛАГОЛА *tok* 'ВЫЙТИ' В МАЛОКАРАЧКИНСКОМ ГОВОРЕ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА *

Ф. В. Голосов

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» /
Университет Мэриленда*

В статье описывается семантика лёгкого глагола *tok* 'выйти' в малокарачкинском говоре чувашского языка. Детально разбираются семантические характеристики лёгкого глагола и предлагается анализ, согласно которому лёгкий глагол — это аспектуальный оператор, образующий предельные сложные глаголы со значением полноты охвата объекта действием.

Ключевые слова: лёгкие глаголы, акциональность, аспект, дистрибутивность, сложные глаголы.

Для цитирования: Голосов Ф.В. Семантика лёгкого глагола *tok* 'выйти' в малокарачкинском говоре чувашского языка // Типология морфосинтаксических параметров. 2021. Том 4, вып. 1. С. 53–74.

---

* Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ №20-512-14003 «Языковое разнообразие в Поволжском языковом союзе. Типология грамматических явлений и языковые контакты».

Я выражаю огромную благодарность своим коллегам по чувашской экспедиции (в особенности М. А. Холодиловой, М. Л. Федотову и Д. В. Герасимову), коллегам по Лаборатории по формальным моделям в лингвистике (в особенности Д. Е. Касенову), участникам конференции «Типология морфосинтаксических параметров», а также М. С. Полинской, А. Уильямсу, А. Ю. Белькинд, А. Б. Пановой и П. М. Аркадьеву — за помощь в подготовке настоящей статьи, и моим чувашским консультантам — за предоставленный материал. Все возможные ошибки, разумеется, остаются на моей совести.

SEMANTICS OF THE LIGHT VERB *TOK* ‘LEAVE’ IN POSHKART CHUVASH*

Fedor Golosov

*National Research University Higher School of Economics /
University of Maryland*

This article is dedicated to the semantics of the light verb *tok* ‘leave’ in the Poshkart (Maloye Karachkino) dialect of Chuvash. The semantic properties of the light verb are discussed in detail, and it is argued that the light verb is an aspectual operator forming telic complex predicates with the meaning of full coverage of an object by the action.

Keywords: light verbs, actionality, aspect, distributivity, complex predicates.

For citation: Golosov F. Semantics of the light verb *tok* ‘leave’ in Poshkart Chuvash. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2021. Vol. 4, iss. 1. Pp. 53–74. (In Rus.)

---

* The research is supported by the grant RFBR №20-512-14003 «Language diversity in Volga Sprachbund. Typology of grammatical phenomena and language contacts».

I am very grateful to my colleagues from the Chuvash fieldwork team (especially to M. Kholodilova, M. Fedotov and D. Gerasimov), to my colleagues from the Laboratory of formal models in linguistics (especially to D. Kasenov), to participants of the conference “Typology of Morphosyntactic Parameters”, and to M. Polinsky, A. Williams, A. Belkind, A. Panova and P. Arkadiev — for their help in preparing this article, and to my Chuvash consultants — for the provided material. All the possible mistakes are surely my own.

1. Введение

В чувашском языке есть так называемые сложные глаголы — конструкции, состоящие из двух глагольных форм, описывающих одно событие. Так, в примере (1) используется сочетание двух глаголов — *sur* ‘спать’ в форме деепричастия и главного глагола *kaj* ‘уйти’, — однако (1) переводится как ‘Вася уснул’:

- (1) *vaʒə sur-za ka-rʲ-ə.*
 Вася спать-CV_SIM уйти-PST-3SG
 ‘Вася уснул.’

Сложный глагол образуется путём присоединения к полнозначному (лексическому) глаголу в форме деепричастия грамматикализованного (так называемого лёгкого) глагола, определённым образом модифицирующего семантику лексического глагола.

В чувашском языке, как и во многих тюркских языках [Гращенков 2015], многие глаголы движения, положения в пространстве и перемещения объекта грамматикализовались в различные аспектуальные, директивные¹, модальные и валентностные операторы, см. общий обзор в [Лебедев 2016], а также посвящённые детальному рассмотрению отдельных лёгких глаголов работы [Чернов 1977; Шлуинский 2006; Голосов 2019; Golosov 2020; Голосов 2020; Golosov 2021a; 2021b]. Эта работа посвящена семантике и селективным ограничениям лёгкого глагола *tok* ‘выйти’ в малокарачкинском говоре чувашского языка.

Статья устроена следующим образом. За вводным первым разделом следует обзор литературы, в котором я расскажу об обобщениях, сформулированных в работах предшественников. Затем я обговорю методологию сбора своих собственных данных в разделе 3 и детально обсужу обнаруженные контрасты в разделе 4, после чего предложу их анализ в разделе 5. В разделе 6 я намечу возможные пути для развития исследования, а раздел 7 будет посвящён общим выводам.

---

¹ Имеется в виду грамматикализация глаголов в показатели с направительной семантикой.

2. Обзор литературы

Впервые лёгкий глагол *тух*² ‘выходить’ упоминается, по-видимому, в работе Н. И. Ашмарина [1898] среди других глаголов с «видовым значением». Более детальное описание семантики *тух* даётся в другой работе Ашмарина [1923], где автор говорит о наличии у сложных глаголов с *тух* двух типов значений: «действие, совершение которого соединено с выходом или выездом» [Ашмарин 1923: 50] и «действие, которое последовательно совершается над отдельными частями объекта или целым рядом предметов, или же проходит через весь предмет или целый ряд оных» [ibid].

Ещё более подробному описанию семантики лёгкого глагола *тух* ‘выходить’ посвящена статья М. Ф. Чернова [1977]. В этой работе автор пишет, что в качестве лёгкого глагол *тух* в сочетании с деепричастной формой глагола «уточняет характер проявления действий, указывая <...> на исчерпывающий охват объекта действием <...>; на исчерпанность действия <...>; на законченность действия, связанного с переходом агенса из одного состояния в другое: <...>; на проявление действия в определенной последовательности <...>; на неожиданность или внезапность действия <...>; на интенсивность проявления действия <...>; на определенность, конкретность действия» [Чернов 1977: 23-25]. Похожие толкования приводятся также в работе Э. Е. Лебедева [2016], который во многом ориентируется на работу Чернова.

Таким образом, на основе уже имеющихся в литературе описаний семантики лёгкого глагола *тух* ‘выйти’ в литературном чувашском языке мы можем сформировать и определённые ожидания относительно семантических функций лёгкого глагола *tok* в малокарачкинском говоре. Стоит отметить, однако, что несмотря на огромное количество накопленного материала, в рассмотренных работах не представлены отрицательные данные, которые бы подтверждали предсказательную силу предложенных обобщений.

Цель моей работы состоит в том, чтобы дать более детальное и подкреплённое отрицательным материалом описание одного из значений лёгкого глагола *tok* в малокарачкинском говоре чувашского языка — полноты охвата объекта действием — и предложить семантический анализ обнаруженных контрастов.

---

² Предыдущие исследования по семантике грамматикализованного глагола ‘выйти’ были ориентированы скорее на литературный вариант чувашского, в котором глагол имеет другую фонетическую форму. Чтобы подчеркнуть, что сформулированные обобщения не были посвящены непосредственно малокарачкинскому диалекту, при референции к чувашскому глаголу ‘выйти’ я использую литературный вариант *тух*, пользуясь принятой в цитируемых работах орфографией, т. е. чувашским кириллическим алфавитом.

3. Методология исследования

Все примеры, использованные в настоящей статье, были получены методом элицитации в ходе работы с носителями чувашского языка в селе Малое Карачкино (Пошкарт) Ядринского района республики Чувашия. Таким образом, сформулированные в моей работе обобщения касаются прежде всего именно местного малокарачкинского говора, во многом отличающегося от литературного чувашского языка.

Элицитация происходила следующим образом: я либо просил носителя перевести предложение с русского языка на чувашский, либо предлагал оценить приемлемость сконструированного мной или полученного от других носителей чувашского стимула — и в случае положительной оценки перевести его на русский язык. Ко второму способу приходилось обращаться довольно часто, поскольку сложные глаголы с *tok* не всегда оказывались первой реакцией на русские стимулы.

В некоторых случаях работа с предложениями сопровождалась введением контекста, в котором они должны были быть употреблены. Этот приём использовался ради, как минимум, одной из двух целей. Первая — сделать семантически специфический стимул более прагматически естественным для консультанта. Вторая — проконтролировать семантический параметр, не заданный в самом предложении.

Работа велась в основном с пятью носителями языка, в некоторых случаях по мере возможности привлекались данные ещё трёх носителей. Если пример был оценен как минимум тремя носителями как однозначно приемлемый, я считал его грамматичным (такие примеры в статье в общем случае никак не маркируются) или неграмматичным, если, напротив, три носителя оценили его как однозначно неприемлемый (такие примеры помечаются «звёздочкой», *). В случае, если была обнаружена вариативность, я спрашивал большее количество носителей и в зависимости от соотношения их оценок оценивал пример либо как грамматичный, либо как грамматичный лишь в примерно половине идиолектов (%), либо как неграмматичный (*). Я также учитывал общую тенденцию консультантов к более частым разрешениям или запретам, чтобы не допустить искажения данных.

Кроме уже упомянутых, в моей работе используются следующие обозначения: # — предложение прагматически неприемлемо, ? — предложение приемлемо, но не совсем естественно, ^{ok} — предложение грамматично (используется только при контрасте с *).

4. Данные

Стоит начать с того, что лёгкий глагол *tok*, как и большое количество других лёгких глаголов в чувашском языке — телисизатор (от английского *telic* ‘предельный’): он образует предельные сложные глаголы.

Примеры в (2) противопоставлены по параметру предельности, который задаётся с помощью известного теста на сочетаемость с разными типами временных адвербиалов, предложенного З. Вендлером [Vendler 1967]: в (2a) *ik konda* ‘за два дня’ задаёт предельный контекст, а в (2b) *ik kon* ‘два дня’ задаёт неопределённый контекст.

(2) a. *vaṣə kənege-je ik kon-da vula-rʲ-ə /*
 Вася книга-ОБВ два день-ЛОС читать-РСТ-3СГ

vula-za tok-rʲ-ə.
 читать-CV_SIM выйти-РСТ-3СГ

‘Вася прочитал книгу за два дня.’

b. *vaṣə kənege-je ik kon vula-rʲ-ə /*
 Вася книга-ОБВ два день читать-РСТ-3СГ

**vula-za tok-rʲ-ə.*
 читать-CV_SIM выйти-РСТ-3СГ

‘Вася (по)читал книгу два дня.’

Предложения в (2) показывают, что лексический глагол *vula* ‘читать’ в прошедшем времени может иметь как предельную интерпретацию, так и неопределённую, однако сложный глагол *vulaza tok* ‘прочитать’ допустим лишь в предельном контексте. Из этого можно сделать вывод, что лёгкий глагол *tok* ‘выйти’ служит своего рода акциональным фильтром, суживая набор интерпретаций до тех, где единичное событие, описываемое лексическим глаголом, достигает предела.

Лёгкий глагол *tok* — не единственный телисизатор, в чувашском языке аналогичную функцию имеют как минимум лёгкие глаголы *kaj* ‘уйти’, *jer* ‘послать’, *lar* ‘сесть’, *lart* ‘посадить’, *pərak* ‘бросить’ и *tək* ‘рассыпать’ [Голосов 2019; Golosov 2020; Golosov 2021a; Golosov 2021b].

Настоящей «визитной карточкой» телесизатора *tok* оказывается свойственная ему семантика дистрибутивности³. Так, лёгкий глагол образует сложные глаголы, описывающие полноту охвата частей неатомарного объекта действием, см. (3):

(3) a. *vaʒə ʒəbala-ja ʒu-rʲ-ə / *ʒu-za tok-rʲ-ə.*
 Вася ложка-ОБЖ МЫТЬ-PST-3SG МЫТЬ-CV_SIM ВЫЙТИ-PST-3SG
 ‘Вася ложку помыл.’

b. *vaʒə ʒəbala-zanʲ-a ʒu-rʲ-ə / ^{ok}ʒu-za tok-rʲ-ə.*
 Вася ложка-PL-ОБЖ МЫТЬ-PST-3SG МЫТЬ-CV_SIM ВЫЙТИ-PST-3SG
 ‘Вася (все) ложки перемыл.’

Оба предложения в (3) описывают предельные ситуации, но различаются тем, что в (3a) процесс затрагивает атомарный объект, а в (3b) целиком охватывает множество объектов, и употребление сложного глагола с *tok* оказывается возможным только во втором случае.

Лёгкий глагол может использоваться не только в сочетании с множественным объектом, как в (3b), но и с единственным участником, как в (4) — в таком случае охватываются все части объекта:

(4) a. *vaʒə oraʲ-a ʒu-za tok-rʲ-ə.*
 Вася пол-ОБЖ МЫТЬ-CV_SIM ВЫЙТИ-PST-3SG
 ‘Вася вымыл пол.’

b. Контекст. Вася чинил телегу, и в ней было много поломок.
vaʒə ^{ok/?}(pədəm) oraʲa-ja joza-za tok-rʲ-ə.
 Вася весь телега-ОБЖ чинить-CV_SIM ВЫЙТИ-PST-3SG
 ‘Вася починил всю телегу.’

На объект, охваченный действием, накладываются естественные для дистрибутивности ограничения: охватить его обозначенным лексическим глаголом действием целиком не должно быть тривиальной задачей. Это можно видеть на контрасте, представленном в (5):

(5) a. *vaʒə oraʲ-a ʒu-rʲ-ə / ^{ok}ʒu-za tok-rʲ-ə.*
 Вася пол-ОБЖ МЫТЬ-PST-3SG МЫТЬ-CV_SIM ВЫЙТИ-PST-3SG
 ‘Вася вымыл (весь) пол.’

³ Как будет заметно дальше, лёгкий глагол *tok* ‘выйти’ семантически очень похож на дистрибутивную приставку *пере-* в русском языке, см. её формальный анализ, предложенный в [Romanova 2007].

- b. *vaʃə ʃəbala-ja ʃu-rʲ-ə / #ʃu-za tok-rʲ-ə.*
 Вася ложка-OBJ мыть-PST-3SG мыть-CV_SIM выйти-PST-3SG
 ‘Вася вымыл (#всю) ложку.’

- с. Контекст. Сейчас активно развиваются нанотехнологии, и, в частности, учёные создают жучков, например, в целях шпионажа. И вот учёные решили создать муравья-мойщика, который очень маленький и лапками вымывает посуду.

- kətka ʃəbala-ja ʃu-rʲ-ə / ^{ok}ʃu-za tok-rʲ-ə.*
 муравей ложка-OBJ мыть-PST-3SG мыть-CV_SIM выйти-PST-3SG
 ‘Муравей (всю) ложку вымыл.’

Так, обычно мытьё пола (5a) — постепенно развивающийся процесс, и прагматически естественно говорить о разной степени охваченности пола в ходе действия. Этого же нельзя сказать о ситуации, когда человек моет ложку (5b): обычно человек моет ложку “в один приём”, и, таким образом, указание на полноту его охвата прагматически странно. Положение вещей, однако, меняется, если агентивный участник — это не человек, а искусственный муравей-посудомойщик (5c): для него, в силу размера, ложка как объект мытья уже не атомарна — и это отражается на приемлемости лёгкого глагола *tok*.

Похожим образом объясняется и контраст в (6):

- (6) a. *vaʃə kənege-je vula-rʲ-ə / vula-za tok-rʲ-ə.*
 Вася книга-OBJ читать-PST-3SG читать-CV_SIM выйти-PST-3SG
 ‘Вася прочитал книгу.’

- b. *vaʃə xəj-ən jat-nʲ-a vula-rʲ-ə / %vula-za tok-rʲ-ə.*
 Вася свой-GEN имя-Р_3-OBJ читать-PST-3SG читать-CV_SIM выйти-PST-3SG
 ‘Вася прочитал своё имя.’

Комментарии: ‘Имя очень короткое, что там читать, нужен текст какой-то хотя бы; можно, если человек болен дислексией и прочитал по буквам с большими усилиями, или если это учащийся читать ребёнок.’

Использование сложного глагола при переводе русского предложения *Вася прочитал книгу*, как в (6a), не просто допустимо, а предпочтительно: носители порождают его в качестве первой реакции и иногда даже указывают на то, что лексический глагол *vula* ‘читать’ без лёгкого глагола менее

приемлем. Однако всё меняется, если объектом выступает не книга, у которой легко выделяются контекстно релевантные части (главы, страницы, предложения и пр.), а одно слово — например, имя, как в (6b). В таком контексте носители либо вовсе не допускают сложный глагол с *tok*, либо оценивают его как прагматически специфичный: так можно сказать только в том случае, если прочтение имени оказывается нетривиальной задачей.

Понятно, что функционально релевантная делимость объекта на части — это очень нестрогое, абстрактное понятие. В следующем разделе я подробно остановлюсь на том, какой именно компонент семантики лёгкого глагола *tok* отвечает за этот параметр, и дам ему более строгую формулировку.

Объект, полнота охвата которого описывается сложным глаголом, может быть не только прямым дополнением (7a), но и непрямым (7b), а также подлежащим (7c) и даже косвенным дополнением (7d) — никаких ограничений на синтаксический статус обнаружено не было:

(7) a. *vaçə (mën-bor) jabala-zanⁱ-a joldaz-zanⁱ-a*
 Вася что-весь вещь-PL-OBJ друг.Р_3-PL-OBJ

par-za tok-rⁱ-ə.
 дать-CV_SIM выйти-PST-3SG

‘Вася все свои вещи раздал друзьям.’

b. *vaçə por joldazə okça par-za tok-rⁱ-ə.*
 Вася весь друг-Р_3 деньги дать-CV_SIM выйти-PST-3SG

‘Вася всем друзьям дал деньги.’

c. *por atça = da lenin səmz-in-e tit-sa tok-rⁱ-əç.*
 весь дитя = ADD Ленин нос-Р_3-OBJ трогать-CV_SIM выйти-PST-3SG

‘Все дети перетрогали нос Ленина.’

d. *vaçə por joldaz-ə-ba = da tël bol-za tok-rⁱ-ə.*
 Вася весь друг-Р_3-INS = ADD место статья-CV_SIM выйти-PST-3SG

‘Вася со всеми друзьями перевстречался.’

Сложные глаголы с *tok* ‘выйти’ оказываются чувствительны к такому параметру, как глагольная множественность [Cusic 1981; Храковский 1989; Шлуинский 2006; Henderson 2012]. Так, полный охват объекта действием должен быть не одномоментным, а последовательным, причём предпочтительно большое количество стадий:

- (8) a. *vaçə por joldaz-ə-ba = da tël bol-za tok-r^j-ə.*
 Вася весь друг-Р_3-INS = ADD место статья-CV_SIM выйти-PST-3SG
 ‘Вася со всеми друзьями перевстречался (по очереди/*разом).’
- b. *vaçə pëdëm vërəm-tona-ja vëler-ze tok-r^j-ə.*
 Вася весь длинный-нога-OBJ убить-CV_SIM выйти-PST-3SG
 ‘Вася всех комаров переубивал (разом/%за две попытки/^{ok}за много попыток).’

Так, предложение (8a) может описывать серию отдельных встреч Васи с друзьями, но не одну общую, а пример (8b) невозможен в случае, если Вася убивает всех комаров разом (например, с помощью мухобойки). Более того, для части носителей (8b) недопустим и в том случае, если Вася убил комаров за две попытки: для них принципиально, чтобы событие состояло из относительно большого количества стадий⁴.

До настоящего момента не было приведено доказательств, что для *tok* принципиально наличие объекта: основываясь на тех же данных, можно было бы предположить, что лёгкий глагол на самом деле требует не полноты охвата некоторого объекта, а только лишь наличия у события стадий, ведущих к его исчерпанности. Однако это не так, см. контраст в (9):

- (9) a. *vaçə çër taran şotla-r^j-ə / %şotla-za tok-r^j-ə.*
 Вася сто до считать-PST-3SG считать-CV_SIM выйти-PST-3SG
 ‘Вася досчитал до ста.’
- b. *vaçə tçeb-ë çuri-zen-e şotla-za tok-r^j-ə.*
 Вася курица-Р_3 детёныш-PL-OBJ считать-CV_SIM выйти-PST-3SG
 ‘Вася всех цыплят пересчитал.’

Оба предложения в (9) описывают процесс счёта, однако только в (9b) есть множество объектов, которые считаются: в (9a) происходит обычное перечисление числительных, характерное, например, для игры в прятки. Для части носителей лёгкий глагол *tok* возможен только в (9b), причём

⁴ В контексте, в котором спрашивалось предложение (8b), Вася убивает 10 комаров, причём сценарий убийства, состоящего из двух стадий, задавался следующим образом: Вася убивает 5 комаров с первой попытки и 5 комаров со второй. Таким образом контролировался потенциальный побочный параметр — количество контекстно релевантных частей неатомарного объекта (или множества объектов). Как можно видеть, в разных сценариях для примера (8b) участвует одно и то же количество комаров, так что большого количества атомарных объектов оказывается недостаточно для лицензирования *tok*.

его неприемлемость в (9a) они объясняют как раз тем, что нету множества объектов, подвергающихся счёту⁵.

Показательны также примеры в (10):

(10) а. *vaɕə bassejn-a ɕu-ba tol-dar-tɕ-ə /*
 Вася бассейн-ОБЖ вода-INS наполниться-CAUS-PST-3SG

*tol-dar-za tok-rʲ-ə.
 наполниться-CAUS-CV_SIM выйти-PST-3SG

‘Вася наполнил бассейн водой.’

Комментарий: ‘Нужно как минимум несколько бассейнов.’

б. Контекст. Вася разбил тарелку на мелкие кусочки.

vaɕə tarelk-a ɕëmër-tɕ-ë / #ɕëmër-ze tok-rʲ-ə.
 Вася тарелка-ОБЖ разбить-PST-3SG разбить-CV_SIM выйти-PST-3SG

‘Вася разбил тарелку.’

Комментарий: ‘Надо несколько тарелок хотя бы.’

В обоих предложениях в (10) есть объект-пациенс, однако неверно, что действие охватывает все его части. Так, в общем случае нельзя сказать, что при заполнении бассейна все его части оказываются наполнены водой — потому что таких частей у бассейна обычно нет. Аналогичный случай наблюдается в (10b): неверно, что у тарелки были контекстно релевантные части, каждая из которых оказалась разбита. В обоих случаях носители предлагали сделать объект множественным — вероятно, потому что в таком случае требование на применение действия ко всем частям неатомарного объекта как раз было бы легко удовлетворено.

Наконец, в сочетании с глаголами *pək* ‘смотреть’ и *etle* ‘слушать’ (и, возможно, с какими-то ещё глаголами, не попавшими в выборку) лёгкий глагол *tok* образует сложные глаголы, описывающие события с особой вовлечённостью агенса в событие, см. контраст в (11):

(11) а. Контекст. Вася — простой зритель.

vaɕə kino-ja pək-rʲ-ə / *pək-sa tok-rʲ-ə.
 Вася кино-ОБЖ смотреть-PST-3SG смотреть-CV_SIM выйти-PST-3SG

‘Вася посмотрел фильм.’

⁵ Возможно, для тех носителей, для которых пример (9a) всё-таки допустим, сами цифры и оказались проинтерпретированы как множество, охватываемое в ходе счёта.

b. *kinəkritək kino-ja pək-r^j-ə / pək-sa tok-r^j-ə.*
 кинокритик кино-ОБЖ смотреть-PST-3SG смотреть-CV_SIM выйти-PST-3SG
 ‘Кинокритик детально просмотрел фильм.’

Так, в (11) лёгкий глагол *tok* требует, чтобы человек смотрел фильм не в качестве обычного зрителя, а как вездливый кинокритик — и внимательно просмотрел фильм от начала до конца. Аналогичный контраст наблюдается и для глагола *etle* ‘слушать’ в (12) — правда, многие носители оценивают такой пример как малопримлемый даже в контексте особой вовлечённости агенса:

(12) a. *vaçə pədəm leksij-e etle-r^j-ə.*
 Вася весь лекция-ОБЖ слушать-PST-3SG
 ‘Вася прослушал всю лекцию.’

b. *%?vaçə pədəm leksij-e etle-ze tok-r^j-ə.*
 Вася весь лекция-ОБЖ слушать-CV_SIM выйти-PST-3SG
 ‘Вася всю лекцию внимательно прослушал (например, на записи).’

Как я покажу в следующем разделе, такой эффект особой вовлечённости агенса можно вывести из дистрибутивного значения лёгкого глагола *tok*, а именно из требования на применимость предиката, описывающего событие в целом, к каждой из его частей.

5. Анализ

Учитывая совокупность данных, представленных в предыдущем разделе, я предлагаю следующий анализ семантики лёгкого глагола *tok*:

(13) Событие *e*, описываемое сложным глаголом с *tok*, должно состоять из относительно длинной цепочки следующих друг за другом подсобытий, постепенно ведущих к его кульминации, причём каждое из этих подсобытий подпадает под условия истинности лексического предиката. При этом существует такой индивид *x*, что каждое подсобытие *e* события *e* охватывает некоторую его собственную часть *x*’, и кульминация события *e* — это момент, в который весь *x* оказывается затронут действием.

Разберём обобщение, предложенное в (13), подробнее. Очевидно, что оно делает некоторые тривиальные предсказания в отношении предикатов,

описываемых сложными глаголами, такие как их **предельность** (за счёт требования наличия у события е кульминации, то есть предела), **событийная множественность** (в виде требования на длинную цепочку следующих друг за другом подсобытий) и **дистрибутивность** (каждая выделяемая часть объекта затрагивается некоторой выделяемой частью события). В этом отношении анализ полезен лишь технически: он представляет собой формализованное объединение обобщений, сделанных в предыдущем разделе (см. обсуждение примеров (2), (8) и (3–4) соответственно).

Однако помимо вышеизложенных тривиальных, имеются и некоторые нетривиальные предсказания. Все они сводятся к ещё одному компоненту анализа в (13): событие, описываемое сложным глаголом с *tok*, должно **состоять из таких подсобытий, что каждое из них подпадает под условия истинности предиката Р, задаваемого лексическим глаголом.**

Первое предсказание, которое делает анализ благодаря этому требованию, — тривиально и является его прямым отражением. Так, недостаточно, чтобы объект как целое был охвачен действием, описываемым лексическим глаголом, — необходимо, чтобы тем же действием были охвачены и его контекстно релевантные части. Этим объясняется неприемлемость примеров в (10), повторенных здесь как (14):

(14) а. *vaɕə*   *bassejn-a*   *ɕu-ba*   *tol-dar-tɕ-ə* /
 Вася   бассейн-ОБЖ   вода-INS   наполниться-CAUS-PST-3SG

*tol-dar-za   *tok-rʲ-ə*.
 наполниться-CAUS-CV_SIM   выйти-PST-3SG

‘Вася наполнил бассейн водой.’

Комментарий: ‘Нужно как минимум несколько бассейнов.’

б. Контекст. Вася разбил тарелку на мелкие кусочки.

vaɕə   *tarelk-a*   *ɕëmër-tɕ-ë* /   #*ɕëmër-ze*   *tok-rʲ-ə*.
 Вася   тарелка-ОБЖ   разбить-PST-3SG   разбить-CV_SIM   выйти-PST-3SG

‘Вася разбил тарелку.’

Комментарий: ‘Надо несколько тарелок хотя бы.’

Как уже было отмечено в предыдущем разделе, в примере (14а) *tok* невозможен, поскольку, хотя и верно, что Вася наполнил бассейн, неверно, что про любую часть бассейна можно сказать, что Вася её наполнил — таких частей либо нет, либо их невозможно заполнить (например, даже если бассейн разделён на дорожки, в общем случае их нельзя заполнить друг за

другом, поскольку они не разделены стенками). В примере (14b) сложный глагол с *tok* также недопустим, поскольку довольно сложно представить себе разделение тарелки на контекстно релевантные части и по очереди разбивать каждую из них — этот процесс устроен по-другому.

При работе с обоими предложениями в (14) консультанты предлагали заменить атомарный объект множественным, что также хорошо согласуется с моим анализом: естественно, что наполнение нескольких бассейнов может представлять собой наполнение каждого из бассейнов по очереди и что разбить несколько тарелок можно, разбивая каждую тарелку по отдельности.

Другое предсказание, следующее из этого же источника, представляется уже не таким тривиальным — оно касается прагматической неадекватности примеров типа (15):

(15) a. *vaɕə ɕəbala-ja ɕu-rʲ-ə / *ɕu-za tok-rʲ-ə.*
 Вася ложка-OBJ мыть-PST-3SG мыть-CV_SIM выйти-PST-3SG
 ‘Вася ложку помыл.’

b. *vaɕə xəj-ən jat-nʲ-a vula-rʲ-ə /*
 Вася свой-GEN имя-Р_3-OBJ читать-PST-3SG

%vula-za tok-rʲ-ə.
 читать-CV_SIM выйти-PST-3SG
 ‘Вася прочитал своё имя.’

Комментарии: ‘Имя очень короткое, что там читать, нужен текст какой-то хотя бы; можно, если человек болен дислексией и прочитал по буквам с большим усилием, или если это учащийся читать ребёнок.’

В предыдущем разделе я объяснил неприемлемость таких примеров достаточно неформально: у объектов в (15) нет естественного деления на части в отношении действия, которое должно их полностью охватить.

Мой анализ позволяет сформулировать это требование более строго и, кроме того, указывает на конкретный источник прагматической неадекватности примеров в (15). Так, семантика лёгкого глагола *tok* вынуждает нас не просто членить тривиальные события мытья ложки и чтения имени на подсобытия — она вынуждает нас делать это таким образом, чтобы каждое из этих подсобытий можно было описать с помощью предиката, задаваемого лексическим глаголом.

Именно в этом месте и дают о себе знать прагматические проблемы. Так, использование лёгкого глагола *tok* в примере (15a) вынуждает слушающего обратиться к прагматически странной⁶ ситуации *Вася помыл часть ложки*, а в примере (15b) — к ситуации *Вася прочитал букву*, прагматическая адекватность которой регулируется контекстом и максимальной релевантности: так можно сказать только в том случае, если действительно было неочевидно, что Вася справится с чтением буквы.

Наконец, с помощью требования истинности лексического предиката относительно каждого из подсобытий мой анализ предсказывает и контраст, наблюдаемый у сложных глаголов с лексическим глаголом *pək* ‘смотреть’:

(16) а. Контекст. Вася — простой зритель.

vaɕə kino-ja pək-r^j-ə / *pək-sa tok-r^j-ə.
 Вася кино-ОБЪ СМОТРЕТЬ-PST-3SG СМОТРЕТЬ-ОБЪ ВЫЙТИ-PST-3SG
 ‘Вася посмотрел фильм.’

б. *kinəkritək kino-ja pək-r^j-ə / pək-sa tok-r^j-ə.*
 кинокритик кино-ОБЪ СМОТРЕТЬ-PST-3SG СМОТРЕТЬ-CV_SIM ВЫЙТИ-PST-3SG
 ‘Кинокритик детально просмотрел фильм.’

На первый взгляд, непонятно, чем процесс, описанный в (16a), отличается от мытья пола, как в (17a), или чтения книги, как в (17b). Во всех трёх случаях имеет место постепенный охват инкрементального объекта действием, но особая вовлечённость агенса в процесс необходима только в случае с глаголом *pək* ‘смотреть’ — для *ɕu* ‘мыть’ и *vula* ‘читать’ особого контекста не требуется:

(17) а. *vaɕə oraj-a ɕu-za tok-r^j-ə.*
 Вася пол-ОБЪ МЫТЬ-CV_SIM ВЫЙТИ-PST-3SG
 ‘Вася вымыл пол.’

б. *vaɕə kənege-je vula-za tok-r^j-ə.*
 Вася книга-ОБЪ ЧИТАТЬ-CV_SIM ВЫЙТИ-PST-3SG
 ‘Вася прочитал книгу.’

⁶ Заметим, что пропозиция *Муравей помыл часть тарелки* лишена тех же прагматических препятствий, поскольку от муравья-посудомойщика в силу его размеров можно ожидать, что он помоеет ложку постепенно/частично — и поэтому пример (8c), в отличие от (8b/15a), оценивается носителями как допустимый.

Мой анализ позволяет объяснить, почему так происходит. Дело в том, что просмотр кино, в отличие от чтения книги или мытья пола, в общем случае не предполагает противопоставления по полноте охвата: если у книги есть актуальное деление на главы, а пол может быть полностью или не полностью вымыт, то для просмотра фильма простым человеком ни то, ни другое противопоставление не актуально.

Совсем другое дело, если фильм смотрит кинокритик. В таком случае перед ним стоит дополнительная цель — сделать разбор художественного произведения. Этот разбор может происходить с разной степенью подробности: кинокритик может посмотреть фильм, уделяя внимание только нескольким, особо важным, эпизодам, а может подробно изучить каждый из них. В таком контексте уже легко выделяются релевантные подсобытия, каждое из которых описывается как *Кинокритик просмотрел эпизод фильма*.

Дополнительный аргумент в пользу того, что эффект особой вовлечённости агенса в событие связан именно с дистрибутивной семантикой лёгкого глагола *tok*, состоит в том, что этого эффекта не наблюдается, если объект семантически множественный:

- (18) *vaʒə serial-a pək-sa tok-r^j-ə.*
 Вася сериал-ОВJ смотреть-CV_SIM выйти-PST-3SG
 ‘Вася весь сериал посмотрел.’

Так, просмотр сериала, в отличие от просмотра одного фильма, естественным образом разбивается на контекстно релевантные подсобытия просмотра конкретных серий — и пример (18) оказывается допустим без дополнительной аккомодации какого бы то ни было контекста. В частности, предложение (18) допустимо даже в том случае, если Вася лежал на диване и отдыхал, не вдаваясь в подробный анализ каждой серии.

Перед тем, как завершить настоящий раздел, имеет смысл объяснить, почему я не предложил формального анализа в рамках, например, неодавидсоновской семантики событий [Parsons 1990]. Я считаю, что на настоящий момент набор доступных данных не позволяет мне воспользоваться преимуществами этого аппарата.

Во-первых, чтобы построить полноценный формальный анализ в рамках неодавидсоновской семантики, необходимо знать, к какому семантическому типу относится лёгкий глагол, а для этого, в частности, необходимо установить, в каком именно месте он вступает в деривацию — у меня пока нет данных, помогающих ответить на этот вопрос. Во-вторых, собранный

мною на настоящий момент материал не позволяет определить, какие компоненты семантики лёгкого глагола *tok* заключены в его пресуппозиции, а какие — в ассерции; подробнее об этом см. следующий раздел.

Тем не менее, принимая во внимание всё сказанное, я смею надеяться, что мой анализ и в таком предварительном виде обладает достаточной степенью строгости, чтобы делать те предсказания, которые я обсуждаю в рамках этой статьи.

На этом раздел, посвящённый анализу, завершается, и перед тем, как перейти к выводам, нам осталось обсудить некоторые наиболее очевидные перспективы в развитии исследования.

6. Некоторые нерешённые вопросы

Итак, во-первых, необходимо собрать данные для того, чтобы можно было построить полноценный формальносемантический анализ лёгкого глагола *tok*. Для этого, в частности, необходимо определить, какие компоненты значения сложных глаголов с *tok* входят в пресуппозицию, а какие — в ассерцию. В этом смысле интересны предварительные данные о сочетаемости моих конструкций с отрицанием, которые показывают, что по крайней мере наличие ситуации в актуальном мире находится в ассерции. Так, например, в (19) может отрицаться не только предел исчерпанности действия, но и сам факт наличия события:

(19) Контекст 1. Вася мыл пол, но не закончил.

Контекст 2. Вася и не начинал мыть пол.

vaʃə oraʃ ʃu-za tok-ma-rʲ-ə.

Вася пол мыть-CV_SIM выйти-NEG-PST-3SG

‘Вася не помыл пол.’

Во-вторых, для анализа, сформулированного в (13), принципиально важно, как семантически устроены сложные глаголы с *tok*, образованные от коллективных предикатов типа *собрать друзей*, которые исключают дистрибутивное прочтение: нельзя собрать одного друга. Анализ в (13) предсказывает, что *tok* может образовывать сложные глаголы от таких предикатов только в том случае, если охватываемое множество объектов распределено по подсобытиям, каждое из которых также подпадает под условия истинности рассматриваемого предиката. Так, в случае с предикатом ‘собрать друзей’ предсказывается, что образованный от него сложный глагол будет значить ‘собрать друзей в несколько групп’.

Наконец, мой анализ не объясняет, почему лёгкий глагол чувствителен к такому параметру⁷, как контролируемость действия, см. минимальную пару в (20):

(20) a. *vaʒə pëdëm tʃøretʃe-je uʒ-sa tok-r^j-ə.*
 Вася весь окно-ОБJ открыть-CV_SIM выйти-PST-3SG
 ‘Вася все окна переоткрывал.’

b. *#çil pëdëm tʃøretʃe-je uʒ-sa tok-r^j-ə.*
 ветер весь окно-ОБJ открыть-CV_SIM выйти-PST-3SG
 Ожид.: ‘Ветер все окна переоткрывал.’
 Комментарий: ‘Только если ветер был разумным, как в сказке.’

Так, в (20a) субъектом открывания является разумное существо, человек Вася, а в (20b) — ветер, стихийный каузатор. Использование сложного глагола с *tok* совершенно приемлемо в (20a), но странно в (20b): носители указывают на то, что ветер не может поставить себе цель открыть все окна в комнате — если только это не разумная стихия, как в сказках или в мифах. Похожий эффект наблюдается в примере (21):

(21) *ʂəna maŋ-a pëdëm-bek çirt-sa pëder-tʃ-ë /*
 муха я-ОБJ весь-INS.EMPH кусать-CV_SIM завершить-PST-3SG

#çirt-sa tok-r^j-ə.
 кусать-CV_SIM выйти-PST-3SG
 ‘Муха меня всего искусала.’

Комментарий: ‘Звучит так, как будто у мухи был определённый план по тому, как меня искусать.’

На данный момент не совсем понятно, какой в точности семантический принцип определяет наблюдаемые в (20) и (21) контрасты и выводится ли он как-то из значения полноты охвата объекта действием — это также тема для дальнейшего исследования. Однако на то, что требование контролируемости события может быть связано с дистрибутивной семантикой, косвенно указывают данные русского языка. Так, по крайней мере для некоторых носителей имеет место тот же самый контраст, что и в (22), если используется приставка *пере-* в дистрибутивной функции:

⁷ Эта информация не была включена в раздел, посвящённый данным, поскольку на настоящий момент недостаточно ясна семантическая природа этого противопоставления, и оно не было отражено в анализе.

(22) а. *Вася все окна переоткрывал.*

б. *#Ветер все окна переоткрывал.*

Интересно, что чувствительность лёгкого глагола *tok* к параметру контролируемости затрудняет поиск ответа на другой вопрос: чувствителен ли лёгкий глагол к (не)пациентивности субъекта лексического глагола. Этот параметр релевантен для многих других лёгких глаголов-телисизаторов в чувашском языке [Голосов 2019; Golosov 2020, 2021a, 2021b]: так, глаголы *kaj* ‘уйти’ и *lar* ‘сесть’ требуют пациентивного субъекта, а глаголы *jer* ‘послать’, *lart* ‘поставить’, *pərak* ‘бросить’ и *tək* ‘разбросать’, наоборот, требуют, чтобы субъект пациенсом не был. Более того, релевантность этого параметра подтверждается и типологически, ср. данные горномарийского языка [Голосов 2018] и языков Южной Азии [Ramchand 2008; Ozarkar, Ramchand 2018].

По предварительным данным, лёгкий глагол не сочетается с непереходными глаголами с пациентивным субъектом: были проверены такие глаголы как *uk* ‘упасть’, *vil* ‘умереть’ и *tip* ‘высохнуть’. Однако проблема состоит в том, что в общем случае контролируемость предиката и так предполагает агентивность участника, поэтому развести два параметра получится только в том случае, если выяснится, что тот принцип, который объясняет контраст в (21) — это не совсем контролируемость «в чистом виде».

7. Заключение

Итак, я показал, что лёгкий глагол *tok* — это аспектуальный оператор, образующий предельные сложные глаголы со значением полноты охвата объекта действием. Подробно разобрав семантические контрасты, обнаруженные в собранном материале, я предложил анализ лёгкого глагола *tok*, учитывающий такие параметры, как предельность сложного глагола, наличие объекта охвата, разделённость во времени подсобытий охвата и попадание каждого из подсобытий в экстенционал предиката, задаваемого лексическим глаголом. Интересно, что последний фактор ни в каком виде не упоминался в работах предшественников. Он оказывает особенное влияние на предсказательную силу анализа, поскольку достаточно точно объясняет в том числе и чувствительность лёгкого глагола к функционально релевантной членности охватываемого объекта на части, а также эффект особенной вовлечённости агенса в событие в сочетании с глаголами *pək* ‘смотреть’ и *etle* ‘слушать’.

Предложенный анализ позволяет не только формализовать и объяснить уже описанные семантические контрасты, но и наметить пути для дальнейшего изучения, такие как исследование поведения лёгкого глагола *tok* с коллективными предикатами, а также того, как компоненты значения телесизатора распределены между его пресуппозицией и ассерцией. Кроме того, были обнаружены некоторые факты, которые пока только предстоит интегрировать в анализ: чувствительность лёгкого глагола *tok* к контролируемости предиката и его несочетаемость с глаголами с субъектом-пациентом (непонятно пока, вытекает ли это требование из предыдущего или нет).

Подходя к концу, я хотел бы выразить надежду, что настоящее исследование окажется полезным не только для лучшего понимания глагольной системы чувашского языка и в целом типологии глагольных значений, но и для описания других лёгких глаголов, грамматикализовавшихся из лексем со значением 'выйти'. Так, судя по обширному исследованию в работе [Гращенков 2015], в части тюркских языков глаголы со значением 'выйти' образуют сложные глаголы с похожим значением. Так, например, в узбекском, кумыкском и турецком языках у таких сложных глаголов фиксируется значение полноты совершения действия над объёмным аффилированным объектом, см. [Гращенков 2015: 82–83] и приведённые там ссылки.

Список условных сокращений

3 — третье лицо; ADD — аддитивная частица; CV_SIM — деепричастие одновременности (используется также как одна из форм прошедшего времени); EMPH — эмфатическая частица; GEN — генитив; INS — инструменталис; LOC — локатив; NEG — отрицание; OBJ — объектный падеж; P_3 — посессив третьего лица; PL — множественное число; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Ашмарин 1898 — Ашмарин Н.И. Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Типолитография Императорского университета. 1898. [Ashmarin N.I. Materialy dlya issledovaniya chuvashskogo yazyka [Materials for research of the Chuvash language]. Kazan': Tipolitografiya Imperatorskogo universiteta. 1898.]
- Ашмарин 1923 — Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 2. Симбирск. 1923. [Ashmarin N.I. Opyt issledovaniya chuvashskogo sintaksisa [Chuvash syntax research experience]. Vol. 2. Simbirsk. 1923.]
- Голосов 2018 — Голосов Ф.В. Дистрибуция лёгких глаголов *keäš* 'уйти' и *koltaš* 'послать' в горномарийском языке // Типология морфосинтаксических параметров. 2018. Том 1, вып. 2. С. 28–45. [Golosov F.V. Distributsiya legkikh glagolov *keäš* 'uiti' i *koltaš* 'poslat' v gornomariiskom yazyke [Distribution of light verbs *keäš* 'to go' and *koltaš* 'to send' in Hill Mari]. Typology of Morphosyntactic Parameters. 2018. Vol. 1, iss. 2. Pp. 28–45.]

- Голосов 2019 — Голосов Ф.В. Синтаксис и семантика легких глаголов-телисизаторов в горномарийском и чувашском языках. Выпускная квалификационная работа студента 4 курса бакалавриата, НИУ ВШЭ, 2020. [Golosov F.V. Sintaksis i semantika legkikh glagolov-telisizatorov v gornomariiskom i chuvashskom yazykakh [Syntax and semantics of the telicizing light verbs in Hill Mari and Poshkart Chuvash]. BA Thesis, NRU HSE, 2020.]
- Голосов 2020 — Голосов Ф.В. Семантика и селективные ограничения лёгкого глагола *pərak* ‘бросить’ в пошкартском диалекте чувашского языка // Типология морфосинтаксических параметров, 3(2), 2020. С. 52–78. [Golosov, F. V. Semantika i selektivnye ogranicheniya legkogo glagola *pərak* ‘brosit’ v poshkartskom dialekte chuvashskogo yazyka [Semantics and selectional restrictions of the light verb *pərak* ‘throw’ in Poshkart Chuvash]. Typology of Morphosyntactic Parameters. 2020. Vol. 3, iss. 2. Pp. 52–78.]
- Гращенко 2015 — Гращенко П.В. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М.: Языки славянской культуры. 2015. [Grashchenkov P.V. Tyurkskie konverby i serializatsiya: sintaksis, semantika, grammatikalizatsiya [Turkic converbs and serialization: Syntax, semantics and grammaticalization]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. 2015.]
- Лебедев 2016 — Лебедев Э.Е. Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском языке. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук. 2016. [Lebedev È.E. Aktsionsartovye znacheniya slozhnoverbal'nykh analiticheskikh form v chuvashskom yazyke [Actional meanings of the complex predicate analytic forms in Chuvash]. Cheboksary: Chuvashskii gosudarstvennyi institut gumanitarnykh nauk. 2016.]
- Храковский 1989 — Храковский В.С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Храковский В. С. (ред.). Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989. С. 5–53. [Khrakovskii V.S. Semanticheskie tipy mnozhestva situatsii i ikh estestvennaya klassifikatsiya [Semantic types of the event plurality and their natural classification]. Khrakovskii V.S. (ed.). Typology of iterative constructions. L.: Nauka, 1989. Pp. 5–53.]
- Чернов 1977 — Чернов М.Ф. К вопросу о классификации сочетаний слов с глаголом *tukh* «выйти» в чувашском языке // Вопросы истории и грамматики чувашского языка. Чебоксары. Вып. 74, 1997. С. 16–40. [Chernov M.F. K voprosu o klassifikatsii sochetanii slov s glagolom *tukh* «vyiti» v chuvashskom yazyke [Classifying the word combinations containing the verb *tukh* ‘go’ in Chuvash]. History and grammar of Chuvash. Cheboksary. Iss. 74, 1997. Pp. 16–40.]
- Шлуинский 2006 — Шлуинский А.Б. Акциональность и аспектуальный показатель: конструкция со вспомогательным глаголом *il-* в чувашском языке. Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология, 2006 (1). С. 32–47. [Shluinskii A.B. Aktsional'nost' i aspektual'nyi pokazatel': konstruktsiya so vspomogatel'nyim glagolom *il-* v chuvashskom yazyke [Actionality and aspectual marker: Constructions with *il-* auxiliary in Chuvash.]. Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology, 2006 (1). Pp. 32–47.]
- Cusic 1981 — Cusic D.D. Verbal plurality and aspect. Doctoral dissertation, Stanford University, 1981.
- Golosov 2020 — Golosov F.V. Event structure of the complex predicates in Chuvash. Term paper of the first year MA student, NRU HSE, 2020.
- Golosov 2021a — Golosov F.V. Event structure of complex predicates with the light verb *lart* ‘seat, put’ in Poshkart Chuvash. Acta Linguistica Petropolitana, 17, 2021, Pp. 406–440.
- Golosov 2021b — Golosov F.V. Event structure of the complex predicates in Poshkart Chuvash. MA Thesis, NRU HSE, 2021.

- Henderson 2012 — Henderson R.M. Ways of pluralizing events. Doctoral dissertation, UC Santa Cruz, 2012.
- Ozarkar, Ramchand 2018 — Ozarkar R., Ramchand G. Structure matching and structure building in Marathi complex predicates. *Journal of South Asian Linguistics*, 8, 2018. Pp. 3–28.
- Parsons 1990 — Parsons T. Events in the Semantics of English. Cambridge, MA: The MIT Press, 1990.
- Ramchand 2008 — Ramchand G. Lexical items in complex predications: Selection as undersociation. *Tromsø Working Papers on Language & Linguistics: Nordlyd 35*, special issue on Complex Predication. Svenonius P., Tolskaya I. (eds.). CASTL, Tromsø. 2008. Pp. 115–141.
- Romanova 2007 — Romanova E. Constructing perfectivity in Russian. Ph.D. thesis. University of Tromsø, 2007.
- Vendler 1957 — Vendler Z. Verbs and times. *The philosophical review*, 66(2), 1957. P. 143–160.

Статья поступила в редакцию 02.11.2021

The article was received on 02.11.2021

Голосов Фёдор Валентинович

магистр; стажёр-исследователь, лаборатория по формальным моделям в лингвистике, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; аспирант 1 года обучения, Университет Мэриленда

Fedor Golosov

Master of Arts; research assistant, Laboratory of Formal Models in Linguistics, National Research University Higher School of Economics; 1st year Ph.D. student, University of Maryland

golosovfv@gmail.com

СТАТУС ПОКАЗАТЕЛЕЙ ИМЕННОГО СОГЛАСОВАНИЯ В ТЕОРИИ, ТИПОЛОГИИ И ХВАРШИНСКОМ ЯЗЫКЕ

П. В. Гращенков

МГУ имени М. В. Ломоносова / Институт востоковедения РАН

Работа посвящена явлению согласования элементов именной группы (concord) в одном из малых языков Дагестана, хваршинском. В работе освещаются вопросы анализа структуры именного согласования с точки зрения теории, рассматривается типология атрибутивных согласовательных показателей. Главная тема работы — показатели косвенной основы *-la* и множественного числа *-t'a* в хваршинском языке. В результате дискуссии об их статусе мы приходим к выводу о том, что они принадлежат к иному типу показателей по сравнению со «стандартными» классно-числовыми маркерами именного согласования в дагестанских языках. Выдвигается гипотеза о структурных различиях и возможных путях диахронических преобразований исследуемых маркеров.

Ключевые слова: формальная типология, дагестанские языки, именная группа, согласование.

Для цитирования: Гращенков П.В. Статус показателей именного согласования в теории, типологии и хваршинском языке // Типология морфосинтаксических параметров. 2021. Том 4, вып. 1. С. 75–99.

CONCORD MARKERS IN LINGUISTIC THEORY, TYPOLOGY AND IN KHWARSHI

Pavel Grashchenkov

Lomonosov Moscow State University / Institute of Oriental Studies RAS

The paper describes the phenomenon of concord in noun phrases in one of the small languages of Dagestan, Khwarshi. The paper discusses the approaches to analysis of nominal agreement from the point of view of linguistic theory and the typology of concord markers in natural languages. The main topic are markers of the indirect case *-la* and plurality *-t'a* in Khwarshi. As a result of the discussion, we come to the conclusion that both markers belong to a different type of morphemes compared to the “standard” class-number markers of nominal concord in the Dagestani languages. We put forward the hypothesis about structural differences and possible ways of diachronic transformations of the markers under investigation.

Keywords: formal typology, Dagestani languages, noun phrase, concord.

For citation: Grashchenkov P. Concord markers in linguistic theory, typology and in Khwarshi. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2021. Vol. 4, iss. 1. Pp. 75–99. (In Rus.)

1. Введение

Хваршинский принадлежит к цезской группе аваро-андо-цезской ветви нахско-дагестанской семьи. Его носители (около 1800 чел. согласно переписи 2002 г.) проживают в Цумадинском, Хасавюртовском, Кизилюртовский районах Дагестана. Работа описывает согласование в собственно хваршинском говоре (говор с. Хонох), данные для исследования были собраны в рамках экспедиции 2019 г.¹, а также любезно предоставлены Я. Г. Тестельцом². Основной вопрос предлагаемой дискуссии — насколько показатели косвенного падежа и числа на атрибутивных словоформах могут быть рассмотрены как согласовательные. Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы коснемся вопросов теории и типологии согласования в именной группе.

Согласование в хваршинской ИГ представлено разными показателями: классно-числовым, показателем косвенного падежа, показателем атрибутивного числа *-t'a* и показателем атрибутивного фокуса *-sa/-jžo*. В данной работе мы обсудим все типы атрибутивных согласовательных показателей кроме последнего.

2. Согласование в ИГ в теоретической перспективе

Языки по-разному организуют внутренний морфосинтаксис именных групп, см. [Лютикова 2018; Corbett 2006, 2012] и др. Важным параметром организации ИГ является согласование прилагательных в составе именной группы. Термин «согласование», описывающий в русскоязычной литературе уподобление значений признаков как в клаузе, так и в именной группе, в англоязычной традиции имеет различные варианты. При описании согласования в клаузе используется термин *agreement*, в то время как для именной группы зарезервирован ярлык *concord*. Различие в терминах в данном случае отражает различную природу самого явления — согласование в именной группе лишь отдаленно похоже на предикативное.

---

¹ Экспедиция в село Хонох Цумадинского района под руководством Я. Г. Тестельца в составе: Е. А. Лютикова, З. М. Халилова, М. Э. Чумакина, П. В. Гращенко, июль 2019 г.

² Далее в работе под ссылкой (Тексты 2019–2021) будет пониматься коллекция хваршинских текстов, собранная Я. Г. Тестельцом и рабочей группой под его руководством. Автор еще раз выражает благодарность за предоставленные материалы.

Попытка проанализировать согласование в именной группе подобно согласованию в клаузе предпринималась в [Carstens 2000]. Согласование атрибутивных модификаторов В. Карстенс предлагает считать схожим с проверкой падежного признака при согласовании подлежащего и сказуемого. Именная группа содержит ряд признаков, за которые ответственны различные вершины: признак рода задается лексическим существительным, признак числа — функциональной вершиной Num, признак лица — проекцией D. Прилагательное совершает скрытое передвижение на уровне логической формы (LF) с тем, чтобы проверить соответствующие признаки. Единственным отличием от согласования в падежном признаке у Карстенс является следующее. В случае подлежащего для проверки признака (именительного падежа) передвигается именная группа-контролер (= цель), а в случае именного согласования для проверки признаков (падежа, рода/класса, числа, определенности) зонда (= мишени согласования) передвигается сам зонд-согласуемый атрибут (прилагательное, местоимение и т.д.).

М. Норрис в [Norris 2014] придерживается схожей точки зрения на локализацию признаков, релевантных для именной группы. С его точки зрения, за каждый признак ответственна соответствующая функциональная или лексическая вершина: D — за признак падежа, Num — за признак числа, N — за признак рода. Вопреки Карстенс, однако, Норрис считает именное согласование отдельным явлением. Согласование в именной группе — в отличие от падежного согласования (подлежащего) — не зависит от позиции согласуемых элементов. Все модификаторы, способные выразить значение некоторого признака, должны получить его независимо от своей позиции. Ответственным за такое согласование является механизм распространения/просачивания признаков (*feature percolation/spread*). Признаки рода и числа просачиваются вверх по структуре именной группы, вызывая, например, согласование по роду и числу в романских языках. Падежный признак, напротив, просачивается от D по структуре вниз, и в итоге выражается всеми вершинами, для которых он морфологически релевантен — ср. русский, эстонский и др. языки с морфологическим падежом.

Итак, для языков с атрибутивным согласованием прилагательных можно принять следующий подход. Отдельные уровни проекции именных групп оказываются ответственны за те или иные грамматические признаки (D — падеж/определенность, Num — число, N — род/класс и т.д.) После вхождения соответствующего уровня в деривацию значения грамматических признаков становятся релевантны для всех элементов именной группы.

Далее, если наш язык — язык с атрибутивным согласованием, грамматические признаки должны быть означены на каждом элементе именной группы, в том числе — на прилагательных.

3. Согласование в ИГ в типологии

Согласование в именной группе, как известно, является параметром типологического варьирования. Русский язык накладывает запрет на употребление препозитивных определений без согласовательной позиции: *хаки куртка, *люкс отель. Подобные несклоняемые единицы могут употребляться атрибутивно в постпозиции и в составе генитивов качества: *куртка цвета хаки*, *отель класса люкс* и т.д. В приведенных ниже примерах из других языков прилагательные также обязаны отражать релевантные для именной группы грамматические категории:

(1) эстонский³

need   *punased*   *õunad*
 ЭТОТ.NOM.PL   красный.NOM.PL   яблоко.NOM.PL
 ‘эти красные яблоки’

(2) французский

grand-e-s   *maison-s*   *vert-e-s*
 большой-F-PL   дом-PL   зеленый-F-PL
 ‘большие зеленые дома’

(3) датский [Norris et al. 2014: 627]

det stor-e   *gul-e*   *håndklæde*
 DEF   большое-DEF   желтое-DEF   полотенце
 ‘большое желтое полотенце’

(4) суахили [Carstens 2016: 7]

kitabu   *ki-zuri*   *sana*
 книга(7)   7-хороший   очень
 ‘очень хорошая книга’

(5) багвалинский

c'ĩnu = b   *mašina*
 новый = NHPL   машина
 ‘новая машина’

---

³ Если не указано иное, ответственность за приемлемость приводимых примеров лежит на авторе.

В эстонском примере прилагательные копируют значения числа и падежа, во французском — рода и падежа, в датском — определенности, в суахили — класса, в багвалинском — числа и класса. Отметим, что несмотря на то, что в багвалинском, как и в других дагестанских языках, имеется развитая падежная система, согласование прилагательных по падежу редуцировано, о чем речь пойдет ниже.

Во многих языках, однако, атрибутивные прилагательные не получают никаких грамматических показателей:

(6) тубаларский

... *t'aš*   *kiž-ler-ni*   *qar-a*   *su-p-ler*
 молодые   человек-PL-ACC   снег-DAT   прятать-PRS-3.PL
 '... молодых людей закапывают в снег'

(7) калмыцкий [интернет]

шин   *дегтр-мүд-ин*   *туск*   *сурвр-мүд*
 новый   книга-PL-GEN   о   вопрос-PL
 'вопросы о новых книгах'

(8) горномарийский [Плешак 2017: 64]

mən' toštə   *jakšar*   *jurkə-m*   *č'i-e-m*.
 я   старый   красный   юбка-ACC   надеть-NPST-1.SG
 'Я надену старую красную юбку'.

(9) черкесский

Пасэ   *зэмань-м*   *адыгэ-хэ-м*   *зы*   *хабзэ*   *я-1-эт*.
 ранний   время-ERG   адыгеец-PL-ERG   один   обычай   3.PL.AG-иметь-PSY
 'В прежние времена у адыгов был такой обычай.'

Как мы видим, адъективные словоформы в именных группах тубаларского, калмыцкого, мокшанского и черкесского языков не выражают никакой грамматической информации.

4. Позиция и статус морфологических экспонент в ИГ

Все релевантные для ИГ языков без согласования грамматические показатели располагаются на именной вершине, находящейся в конце именной составляющей. В связи с этим встают следующие вопросы: (i) связана ли «бессогласовательная» стратегия только с отсутствием соответствующей морфологии у прилагательного или отсутствие согласования распростра-

няется также и на имена? (ii) что маркируют грамматические показатели в случае отсутствия согласования — лишь именную вершину или всю именную составляющую?

Есть основания полагать, что грамматические показатели (падежа, числа и т.д.) в языках без согласования в именных группах присоединяются ко всей именной группе, а отсутствие позиции для выражения согласования характерно не только для адъективных словоформ, но и для имен. Приведем два аргумента в пользу такого подхода.

Во-первых, прилагательные при субстантивации в таких языках выражают те же грамматические значения, что и имена:

(10) тубаларский

men kara-tar-ni köre-m.

я   черный-PL-ACC   видеть-1.SG

‘Я {кого-то} черных видел.’

Пример из тубаларского языка показывает, что прилагательные в отсутствии имени могут свободно принимать показатели числа и падежа. Следовательно, дело вовсе не в том, что существительные в таких языках располагают морфологической позицией для выражения грамматических значений, а прилагательные не имеют такой позиции.

Далее, если прилагательное оказывается в именной группе после имени, то в некоторых языках грамматические показатели выражаются на прилагательном, а не на существительном. Выше мы наблюдали, что в черкесском показатель эргатива может выражать локативное значение, оформляя (конечное) существительное в именной группе ‘в прежние времена’ (9). Следующий черкесский пример содержит именную группу, в которой прилагательное располагается после имени:

(11) черкесский

Гу   цЫкІу-м   и-ри-гъэ-тІысхъ-р-и   и

тачка маленький-ERG   LOC-3.SG.AG-CAUS-садиться-ABS-AOR   ОН.POSS

адэ-р   хуэмурэ   бгы-м   н-и-шэ-са-щ.

отец-ABS   тихо   гора-ERG   DIR-3.SG.AG-везти-LOC-AOR

‘В маленькую тачку посадил своего отца и тихо до горы довез.’

Как мы видим, эргатив (также в локативном значении) присоединяется здесь уже к прилагательному, а вернее — по-прежнему маркирует конец

именной составляющей. В баскском языке прилагательные всегда располагаются в постпозиции и также принимают все грамматические показатели:

(12) баскский

aita-k bi zuhaitz zaharr-i adarr-ak moztu z-i-zki-e-n.
 отец-ERG два дерево старый-DAT ветки-PL резать 3.SG-AUX-3.PL-3.PL-PST
 ‘Отец отрезал ветки двум старым деревьям.’

Аналогична ситуация в сино-тибетском языке мананг, где прилагательные также находятся в постпозиции и принимают падежное маркирование:

(13) мананг [Genetti, Hildebrandt 2004: 90]

²*kyu* ¹*thu*-*pa* = *ri* ¹*thē* ¹*ta*-*tsi*
 вода большой-NMN = LOC бросать статья-PFCT
 ‘В большую воду бросают.’

Как мы видим, можно выделить два типа языков. С одной стороны — языки (i), располагающие специальной позицией в структуре (адъективной, именной и т.д.) словоформы, позволяющей выражать релевантные грамматические категории. С другой — языки без такой позиции (ii). В языках второго типа локус морфологических признаков один на всю именную группу.

Дагестанские языки и, в частности, хваршинский, в основном принадлежат к типу (i): атрибутивные словоформы, равно как и сами существительные, получают в них согласовательные показатели. Возможность выражения тех или иных грамматических значений определяется для отдельных лексем их принадлежностью к некоторой лексической категории и парадигматическому классу (прилагательным, порядковым и количественным числительным и т.д.).

Можно предположить, что в языках типа (i) словоформа прилагательного содержит особый показатель, ответственный за механизм согласования. Такой анализ был обоснован в работе [Halle, Matushansky 2006] на русском материале. Халле и Матушанская предлагают считать, что русская адъективная словоформа содержит особый функциональный элемент, фонологически реализующийся как *-oj* и ответственный за выражение прилагательными категории падежа:

(14) STEM + *oj* + AGR [Halle, Matushansky 2006: 360]

Данный элемент содержится в морфологической структуре полных форм русских прилагательных, что дает им возможность выражать значения падежной граммы. Краткие формы прилагательных в русском языке не имеют такого элемента в структуре словоформы и, соответственно, лишены подобной возможности. Согласно [Halle, Matushansky 2006], как полные формы прилагательных, так и существительные имеют подобные тематические показатели. В случае прилагательных присутствие данной морфемы фактически оказывается ответственно за атрибутивное употребление.

Таким образом, в случае языков с согласованием можно установить функциональный элемент (обозначенный как Conc на схеме ниже), ответственный за согласование и атрибутивное употребление. Можно утверждать, что в языках без согласования словоформы (как атрибутивные, так и именные) не содержат позиции, отвечающей за копирование грамматических признаков, и релевантные грамматические показатели маркируют всю именную группу:

(15) а. языки с согласованием (русский, хваршинский, ...)

$$[_{NP} \dots [_{Conc} [_{Conc} \{number, gender, \dots\}] [_{A} A \text{ Adjective }]] \dots [_{N} Noun]] - \{number, gender, \dots\}$$

б. языки без согласования (английский, тубаларский, ...)

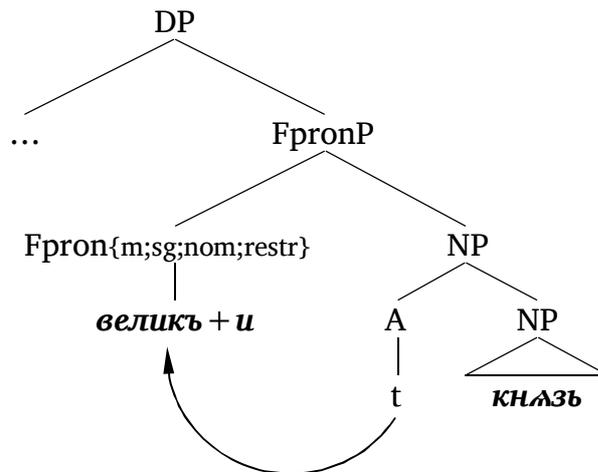
$$[_{NP} \dots [_{A} A \text{ Adjective }] \dots [_{N} Noun]] - \{number, gender, \dots\}$$

Диахронически проекция Conc развивается из разного типа местоимений, частиц и т.д. (см. славянские, германские и др. языки). Грамматикализация Conc поддерживается закономерностями процессинга: при обязательности проекции Conc на словоформах, входящих в одну именную группу, они будут точнее и быстрее распознаны слушающим.

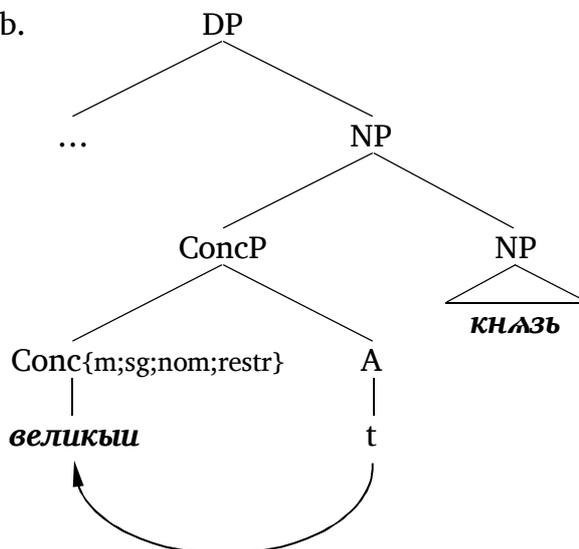
При грамматикализации некоторой словоформы в показатель Conc происходит преобразование структуры ИГ. Если до грамматикализации вспомогательная часть речи имела некоторую (свободную) позицию в ИГ (16a), после грамматикализации за выражаемыми признаками закрепляется фиксированная позиция в структуре словоформы (16b).

В русском, как и в других языках с согласованием в ИГ, лицензором $[_{Conc}]$ является принадлежность словоформы к определенному грамматическому классу. Основы, принадлежащие к классу прилагательных, порядковых числительных и т.п., в языках первого типа автоматически получают возможность выражать согласование.

(16) a.

b.

5. Согласование в ИГ в дагестанских языках

С точки зрения набора согласовательных категорий в дагестанских языках распространены две стратегии согласования. Как указывается в [Даниэль 2021; Лютикова 2021], для аваро-андийских, даргинских и лакского языков не характерно так называемое согласование по косвенности. При такой стратегии согласование внутри ИГ происходит только по категориям класса и числа, но не падежа:

(17) багвалинский

$o = j$ *hakuj-ti-r*
 этот = II(SG)   женщина-OBL-ERG
 'эта женщина' (эргатив)

Учитывая приведенный выше взгляд на показатели согласования как локализующиеся в разных частях функциональной структуры ИГ, можно предположить, что в таком случае признаки «собираются» внутри некоторой ограниченной части именной проекции: лексическая вершина N снабжает ИГ признаком класса, а функциональная вершина Num — числа. Для такой системы характерны следующие особенности: i) кумулятивное выражение числа и класса одним показателем; ii) этот показатель должен обязательно присутствовать, если у атрибута есть соответствующая согласовательная позиция; iii) отсутствие категории падежа как обязательной согласовательной категории.

Падеж в силу определенных причин оказывается недоступен внутри ИГ. В целом асимметрия согласования по классу с одной стороны и падежу с другой — известное явление. Так, в русском принадлежность вершины к женскому роду определяет падеж прилагательного в случаях *две красивых/-ые девушки* (ср. *два красивых/*-ые цветка*), но не наоборот.

Вторая дагестанская стратегия, характерная для лезгинских и цезских (а также нахских) языков, предполагает возможность маркирования показателями косвенной основы всех потенциально согласуемых атрибутивных словоформ: прилагательных, порядковых числительных, причастий, указательных местоимений и т.д. Наряду со «стандартными» для дагестанских языков классно-числовыми показателями, такие языки располагают особыми типами показателей, которые могут (факультативно) маркировать атрибутивные словоформы, если вершина ИГ, которую они определяют, стоит в косвенном падеже.

Стандартные для дагестанских «обязательные» классно-числовые согласовательные показатели представлены и в хваршинском:

(18) хваршинский [Тексты 2019–2021]

a. $\emptyset$ - <i>uq'u</i>	<i>žik'ʷa</i>	c. <i>j-uq'u</i>	<i>vir</i>
1-большой	человек	v-большой	камень
‘большой человек’		‘большой камень’	
b. <i>b-uq'u</i>	<i>balahi</i>	d. <i>l-uq'u</i>	<i>riwa</i>
ш-большой	беда	iv-большой	отара
‘большая беда’		‘большая отара’	

(19) хваршинский

a. <i>j-agu kad</i> II-хороший девочка ‘хорошая девочка’	c. <i>b-agu zaru</i> III-хороший лиса ‘хорошая лиса’
b. <i>b-agu kan-de-ba</i> NHPL-хороший девочка-OBL-PL ‘хорошие девочки’	d. <i>l-agu žawab-ba</i> NHPL-хороший ответ-PL ‘хорошие ответы’

Кроме этого, хваршинский язык также располагает дополнительными показателями косвенной основы и числа. Далее мы подробнее обсудим эти показатели. Основными интересующими нас вопросами будет статус согласования по косвенности, которое имеет аналоги среди некоторых других дагестанских языков, и «согласования» по множественности, уникального для хваршинского.

6. «Согласование» по косвенности и числу в хваршинском языке

6.1. Показатель косвенного падежа *-la*

Хваршинский атрибутивный показатель косвенного падежа *-la* располагается в конце словоформы, в т.ч. и после классно-числовых маркеров (если словоформа ими располагает):

(20) хваршинский [Тексты 2019–2021]

- a. *c'odora-w-la uža*
 умный-I-OBL мальчик.ERG
 ‘умный мальчик’
- b. *zē-lo āhi-ba-:ge-la uža*
 медведь-GEN2 ухо-PL-COM-OBL парень.ERG
 ‘парень с медвежьими ушами’
- c. *k'oĵtu-la huni-qo-jža*
 короткий-OBL дорога-POSS-TRNS
 ‘короткая дорога’
- d. *q^wajsu-la q^warida-l muk'o-λ'o*
 узкий-OBL тесный-IV место-SUPER
 ‘в узком тесном проходе’

Кроме атрибутивных форм данный показатель может маркировать и некоторые другие, например, числительные:

(21) хваршинский [Тексты 2019–2021]

ła-la-ũq'e-la   *ɤ^wada*
 три-OBL-четыре-OBL   день.ERG
 ‘три-четыре дня (проболела)’

Согласовательный суффикс *-la* появляется во всех косвенных падежах и отсутствует в номинативных контекстах. В чем причина отсутствия согласования в номинативе и его наличия в косвеннопадежных контекстах?

В [Лютикова 2021] предложена синтаксическая модель согласования в хваршинской ИГ. Такая модель предполагает наличие в структуре ИГ падежной вершины, но только для косвеннопадежных словоформ: «любая падежная форма, кроме абсолютивной, содержит группу падежа, КР. Формальный признак падежа в таком случае характеризует не NP, а КР и означивается в результате управления со стороны соответствующей вершины (*v* или *P*). Абсолютивная именная группа лицензируется предикатом (*V* или *Adj*); прочие именные группы являются КР и лицензируются падежным признаком на вершине *K*» [Лютикова 2021: 204].

Подход, при котором косвеннопадежные (эргативные) словоформы анализируются не как ИГ, а как послеложные группы, где роль послелога выполняет падеж (эргатив), также известен, см., например, [Grashchenkov, Markman 2012]. Таким образом, как и в описанных в начале настоящей работы моделях, источник (косвенно)падежного признака, выражаемого прилагательным, располагается за пределами вершины ИГ и «просачивается» внутрь, попадая на атрибутивные словоформы.

Важным свойством хваршинского показателя *-la* является его факультативность:

(22) хваршинский

a. *kaba(-la)*   *k'eci*   *tuhu*   *šuj-na*.
 черный(-OBL)   птица.ERG   зерно   клевать-CVB.PF
 ‘Черная птица клевала зерно.’

b. *kaba(-la)*   *k'eca-val*   *has-na*   *k'eca*   *etwa-na*   *j-at'iq'-a*.
 черный(-OBL)   птица-DIR   один-ADD   птица   лететь-CVB.PF   V-приходить-AOR
 ‘К черной птице прилетела еще одна.’

В текстах наблюдается гораздо меньше атрибутивных и других словоформ, которые могли бы располагать данным показателем, чем тех, которые им маркированы.

Дистрибуция показателя косвенности напоминает поведение атрибутивных показателей определенности в некоторых языках. Например, в болгарском языке определенный артикль располагается на первой подходящей для этого словоформе (прилагательном или существительном):

(23) болгарский [Dost, Gribanova 2006: 132]

a. *книга-та*

книга-DEF

‘книга’

b. *интересна-та книга*

интересна-DEF книга

‘интересная книга’

c. *хубава-та интересна книга*

хорошая-DEF интересная книга

‘хорошая интересная книга’

В амхарском показатель определенности может дублировать определенный артикль, но только на прилагательных (а не на именах):

(24) амхарский [Kramer 2009: 32]

a. *ya bet(*-u)*

тот дом(*-DEF)

‘тот дом’

b. *ya təllək'(-u) bet*

тот большой(-DEF) дом

‘тот большой дом’

Похожая ситуация в германских языках, где показатель определенности располагается на прилагательных:

(25) немецкий [Dahl 2003: 148]

a. *ein groß-es Haus*

один большой-N.SG.DEF дом

‘большой дом’

b. *das groß-e Haus*

один большой-N.SG.INDEF дом

‘большой дом’

Выше мы выделили две стратегии расположения согласовательных маркеров: языки со специальной согласовательной позицией в структуре словоформы (i) и языки без такой позиции (ii). В языках второго типа все значения релевантных именных категорий выражаются на именной группе однажды, в конце составляющей. Есть, однако, тип (iii), продемонстрированный примерами (24)–(25) выше. В языках этого типа один из финальных элементов ИГ может быть морфосинтаксическим локусом какой-либо категории (чаще всего — категории определенности).

Хваршинский (косвенный) падеж и определенность в случае атрибутивного согласования сближают следующие свойства: а) задаваемый признак связан не с конкретным элементом (как род с именем или число с числительным), а со всей именной проекцией (см. болгарский); б) выражение такого признака факультативно и/ли может быть представлено на разных элементах ИГ.

6.2. Показатель множественного числа *-t'a*

Хваршинский показатель множественного числа *-t'a* также располагается в конце словоформы:

(26) хваршинский [Тексты 2019–2021]

q'wan-ič l-uq'u-t'a vaj-ba-n l-un-na
 два-COLL NHPL-большой-PL дом-PL-ADD NHPL-делать-CVB.PF
 '... два больших дома построили'

Можно привести также пример из инхокваринского говора хваршинского языка, здесь субстантивированное прилагательное получает после классно-числового показателя маркер *-t'a*:

(27) хваршинский [Khalilova 2009: 299]

haybata-b-t'a
 красивый-NPL-PL
 'красивые (люди)'

Описываемый маркер присоединяется и к числительным, и некоторым другим элементам ИГ. В случае числительных он имеет дистрибутивную интерпретацию:

(28) хваршинский [Тексты 2019–2021]

vĩ-řu buca-d ũc'a-t'a kila lať-o-s l-ēqwa.
 молоко-ABL месяц-ADV десять-DST килограмм масло-OBL-GEN1 IV-получаться.GNT
 'Из ... молока в месяц по десять килограммов масла получается.'

Часто похожая интерпретация сохраняется и у атрибутивных форм. В примере ниже атрибутивизированное при помощи показателя экватива местоимение соответствует «перебору» ситуаций 'быть как ты' ('Каждый такой как ты, все молодые работают').

(29) хваршинский [Тексты 2019–2021]

ma-ci-t'a řoloqan-ba ħalt'ida-ha goľe...
 ты-EQ-PL молодой-PL работать-CVB.IPF AUX.PRS
 'Такие молодые, как ты, работают.'

Отметим, что дистрибутивность далеко не всегда обязательна, когда данный показатель маркирует прилагательное, см. например, (26) и (30b).

В текстах наиболее часто встречаются примеры с *-t'a*, когда и существительное, и согласуемый предикат (если он есть) также маркированы множественным числом (см. также пример (26) выше):

(30) хваршинский [Тексты 2019–2021]

a. *řeziřan hobondu-t'a q'aj-ba l-eřa-na advol.*
 много такой-PL вещь-PL NHPL-быть-CVB.PF раньше
 'Много таких вещей бывало раньше.'

b. *l-aqa-k deba řu l-itař-na*
 NHPL-находить.AOR-Q ты.GEN1 этот NHPL-красть-CVB.PF

l-ejč-a-t'a lolqosa-ba?
 NHPL-быть-PST.PTCP-PL обувь-PL
 '... нашлась твоя украденная обувь?'

В ряде примеров с маркером *-t'a* вершина, лишённая маркера множественного числа, принадлежит к IV классу, у которого префиксальный показатель *l-* не различает числа. Такая ситуация напоминает выражение определенности в языках типа немецкого и является удобной стартовой позицией для грамматикализации показателя *-t'a*:

(31) хваршинский [Тексты 2019–2021]

hobondu-t'a slučaj l-ejč-a.
 такой-PL случай NHPL/IV-БЫТЬ-AOR
 ‘Вот такие случаи бывали.’

Обсудим то, как наличие показателя *-t'a* влияет на интерпретацию ИГ и стоящие за ней грамматические признаки. Как показывают примеры типа (31), ИГ с *-t'a* и без множественного числа на именной вершине могут проверять числовой признак на предикате.

Носители хваршинского сходятся на том, что описываемый показатель факультативен, (32a), при этом его способность придавать значение множественности всей ИГ признается лишь частью носителей, (32b):

(32) хваршинский

a. *l-uq'u-t'a zar-ba v^wan-o-ł gołe.*
 NHPL-большой-PL лиса-PL лес-OBL-INTER AUX.PRS
 ‘Большие лисы живут в лесу.’ {a = b}

b. *?%l-uq'u-t'a zaru v^wan-o-ł gołe.*
 NHPL-большой-PL лиса лес-OBL-INTER AUX.PRS

В сконструированных предложениях информанты иногда допускают согласование с предикатом по показателю *-t'a* (без множественного числа на именной вершине), см. также (31) выше:

(33) хваршинский

j-eχola-t'a kad ustur-ho q'udun
 II-высокий-PL девочка стол-AD внизу

b/j-eča-na gołe.
 HPL/II-сидеть-CVB.PF AUX.PRS

‘Высокие девочки сидят за столом.’

При субстантивации *-t'a* может выступать семантически интерпретируемым показателем:

(34) хваршинский

j-ez-a-n j-ez-na žu, hobongo řař-a-s kohu-t'a.
 II-брат-INF-ADD II-брат-EVD она так село-OBL-GEN1 плохой-PL
 ‘Так забрали ее из села злые (духи).’

Отметим при этом, что классно-числовой атрибутивный показатель в (33) — единственного числа. Маркер *-t'a* не является триггером множественного классно-числового показателя на атрибутивных маркерах в отсутствии множественного числа на вершине:

(35) хваршинский

*b-eχola-t'a kad
 nPL-высокий-PL девочка
 Ожид.: 'высокие девочки'

(36) хваршинский

*l-uq'u-t'a zaru
 nHPL-большой-PL лиса
 Ожид.: 'большие лисы'

Контексты, предполагающие множественность аргумента, не лицензируются вершинами в единственном числе в хваршинском. Так, предикат 'побить друг друга' не допускает агенса в единственном числе:

(37) хваршинский

a. *uža-za žik'-a hadi hades.*
 мальчик-PL.ERG бить-AOR друг.друга.
 'Мальчики побили друг друга.' {a = b}

b. **uža žik'-a hadi hades.*
 мальчик.ERG бить-AOR друг.друга

При этом некоторые носители иногда допускают подобные примеры лишь с атрибутивным маркером множественности:

(38) хваршинский

??%k'anu-b-t'a uža žik'-a hadi hades.
 маленький-nHPL-PL мальчик.ERG бить-AOR друг.друга.
 'Маленькие мальчики побили друг друга.'

Резюмируем обсуждение показателя *-t'a*. Чаще всего он сопутствует множественному показателю на именной вершине. В некоторых случаях, однако, атрибутивный показатель множественности может употребляться и без именного и может имплицировать множественное прочтение ИГ. В таких случаях возможно согласование предиката по множественному числу. Употребление множественного классно-числового показателя на атрибу-

тивной словоформе нежелательно без показателя множественного числа на имени. Атрибутивный показатель *-t'a*, таким образом, как минимум, в речи некоторых носителей ассоциируется с признаком { +pl} на именной группе.

6.3. Позиция и статус показателей согласования косвенности *-la* и множественности *-t'a*

Интересным свойством описанных показателей является то, что их взаимное расположение в словоформе произвольно:

(39) хваршинский

a. *da* *веви.ajša* *qʷani* *∅-uq'u-t'a-la* *es-t'e-λ'o.*
 я обрадоваться.AOR два I-большой-PL-OBL брат-OBL.SG-SUPER
 'Я обрадовался двум взрослым братьям.' {a = b}

b. *da* *веви.ajša* *qʷani* *∅-uq'u-la-t'a* *es-t'e-λ'o.*
 я обрадоваться.AOR два I-большой-OBL-PL брат-OBL.SG-SUPER

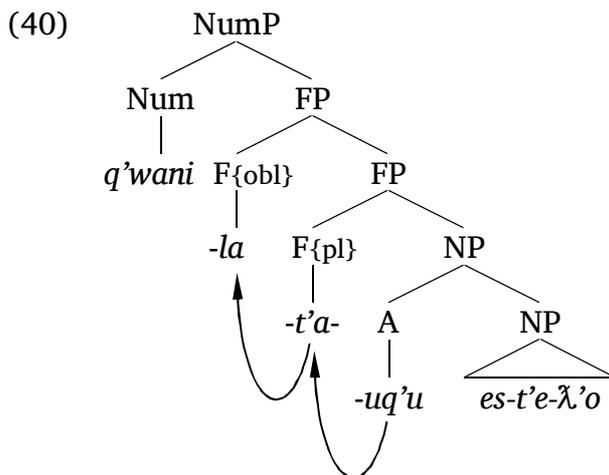
Отметим при этом, что даже суффиксальные (а префиксальные — тем более) классно-числовые показатели не допускают перестановки с *-t'a*: *bat'ija-b-t'a* 'разные' (разный-III-PL); **bat'ija-t'a-b* 'разные' (разный-PL-III).

Здесь уместно вспомнить приведенную выше типологию позиций именных согласовательных показателей и соответствующих им вершин. С точки зрения расположения морфологических показателей в ИГ мы наблюдаем три типа стратегий: (i) согласование на отдельных атрибутивных словоформах (русский); (ii) один показатель в конце ИГ (языки без согласования); (iii) выражение категории на некоторой атрибутивной словоформе (и его возможное, но не обязательное дублирование на других модификаторах или именной вершине). С точки зрения морфологии согласовательные маркеры могут кумулятивно передавать множество признаков одной морфемой (фузия) или для каждого признака использовать отдельный показатель (агглютинация). Наконец, классно-числовым согласовательным показателям свойственно иметь фиксированную позицию в структуре адъективных словоформ.

Как видно по примерам (18)–(19), классно-числовое согласование в хваршинском выражается стратегией (i) и фузией. Класс и число имеют общий показатель, располагающийся чаще префиксально, но иногда (реже) представленный суффиксом и/ли циркумфиксом.

Показатели косвенности и согласовательной множественности устроены совершенно иначе. Они более всего похожи на тип (iii), при котором грамматическое значение может выражаться показателями на разных атрибутивных зависимых. При этом в ряде случаев сама именная вершина может не содержать граммы числа в случаях типа (31), (32b), (33). Косвенность *-la* и число *-t'a* имеют отдельные атрибутивные маркеры, всегда располагающиеся префиксально и не обладающие своей позицией.

Синтаксическая конфигурация, стоящая за маркерами косвенности и числа, аналогична представленной в (16a). На структуре ниже каждой из проекций числа и косвенности соответствует своя функциональная вершина в ИГ, куда последовательным передвижением вершины и попадает атрибутивная словоформа. Суффиксальное расположение атрибутивных маркеров косвенности и числа следует из типа передвижения, *head movement*:

Подобная конфигурация может быть предшествующим этапом для грамматикализации показателей по сценарию (16b). Если это произойдет, они перестанут быть вершинами уровня составляющей и преобразуются в вершины уровня словоформы.

Две проблемы, которых мы кратко коснемся дальше — свободная позиция внутри словоформы и различие в свойствах по сравнению с классно-числовыми показателями.

Проблема позиции показателей косвенности и множественности заключается как минимум в том, что они не иерархизированы по отношению друг к другу и к остальным вершинам в ИГ. Этот факт, однако, находится в соответствии с представлениями о дагестанской ИГ как лишенной строгой иерархичности. Отношения между функциональными и лексическими проекциями в дагестанских ИГ отличаются от русского и/ли европейских

языков, в которых наблюдается строгая система иерархизации составляющих, проявляющаяся в линейной упорядоченности и деривационном тайминге приписывания признаков, см. [Лютикова 2020: 211]. Словоформы внутри дагестанских ИГ получают релевантные признаки независимо от их позиции и/ли времени вхождения в деривацию.

Показатели косвенности и числа (и возглавляемые ими проекции), таким образом, ведут себя подобно зависимым словоформам в дагестанских ИГ, демонстрируя свободное расположение. Они, по-видимому, пока являются не морфологическими экспонентами, а синтаксическими вершинами, аналогичными тем, что вводят числительные, прилагательные и т.д.

«Стандартные» классно-числовые показатели отличаются от маркеров косвенности *-la* и числа *-t'a* следующими свойствами. Во-первых, они обязательны. Во-вторых, за ними закреплена строгая (в большинстве случаев — префиксальная) позиция. В-третьих, они кумулятивно выражают признаки класса и числа. Есть основания полагать, что стандартные классно-числовые показатели входят в деривацию иным по сравнению с *-la* и *-t'a* способом.

Один из предложенных подходов к природе классно-числовых показателей — анализ, согласно которому атрибутивные словоформы могут образовывать собственные атрибутивные малые клаузы [Lyutikova 2021] или малые проекции другого типа [Гращенков 2017: 110; Ганенков 2015]. В таких малых клаузах/проекциях может иметь место согласование «внутреннего» участника прилагательного в числе и классе. Для иллюстрации приведем багвалинские и даргинские примеры — в этих языках прилагательные, как и обычно в именной группе языков подобного типа, находятся перед вершиной. Однако перед прилагательными располагаются «параметрические» существительные, с точки зрения которых дается характеристика вершине. По этим препозитивным именам и согласуется префиксальный классно-числовой показатель прилагательных:

(41) багвалинский

a. <i>miča</i>	<i>r = eč'at'u = j</i>	<i>jaš</i>	b. <i>Raba</i>	<i>r = eXāla = w</i>	<i>waša</i>
волосы	NHPL = черный = F	девочка	ноги	NHPL = длинный = M	мальчик
'черноволосая девочка'			'длинноногий мальчик'		

(42) даргинский [Ганенков 2015]

<i>naʔq:-bi</i>	<i>d-išt'a-si</i>	<i>darħa</i>
рука-PL	NHPL-маленький-ATR	мальчик
'мальчик с маленькими руками'		

Согласование прилагательного с препозитивным именем говорит о том, что в подобных конструкциях есть стадия деривации, на которой комплекс из параметрического имени и прилагательного образует составляющую:

(43) багвалинский

[*miča r = eč'at'u*] = *j jaš*
 волосы NHPL = черный = F девочка
 'черноволосая девочка'

(44) даргинский

[*na'q:-bi d-išt'a*]-*si darħa*
 рука-PL NHPL-маленький-ATR мальчик
 'мальчик с маленькими руками'

В хваршинском также есть подобные примеры — так, в (45) внутренний участник контролирует классно-числовое согласование «стандартного» показателя:

(45) хваршинский [Е. А. Лютикова, л.с.]

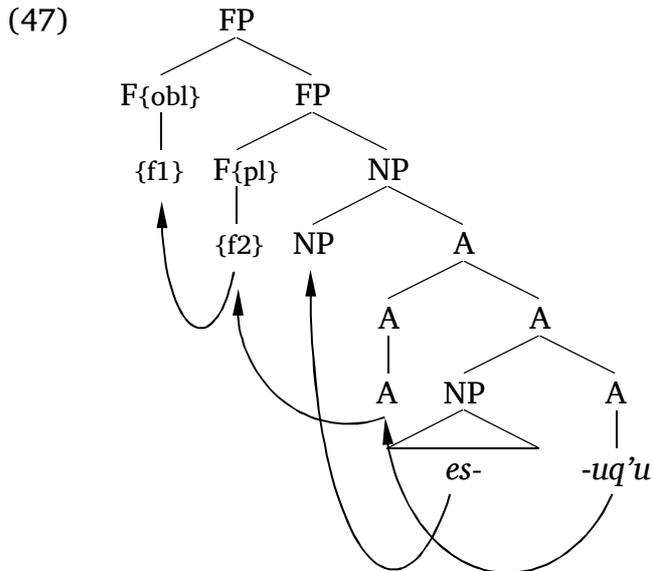
[*ezal-eba l-uq'u*] *kad*
 глаз-PL NHPL-большой девушка
 'девушка с большими глазами'

В хваршинском также видна ранняя стадия атрибутивной деривации. В случае комитативно-атрибутивных структур типа (41)–(45) участником, контролирующим согласование по числу и классу, является параметрическое имя. Если параметрический участник отсутствует, единственный возможный контролер на начальном этапе деривации (стадии малой клаузы или внутренней структуры группы прилагательного) — будущая вершина ИГ:

(46) хваршинский

- a. $\emptyset$ -*uq'u es-t'e-λ'o*
 I-большой брат-OBL.SG-SUPER
 'большим братьям' {a = b = c}
- b. $\emptyset$ -*uq'u-t'a-la es-t'e-λ'o*
 I-большой-PL-OBL брат-OBL.SG-SUPER
- c. $\emptyset$ -*uq'u-la-t'a es-t'e-λ'o*
 I-большой-OBL-PL брат-OBL.SG-SUPER

Косвеннопадежной ИГ ‘большим братьям’ в (46) соответствует деривационная структура в (47). Схема (47) демонстрирует, что деривация проходит этап внутреннего согласования по классу и числу в AP, а затем ИГ и адъектив передвигаются выше по структуре, каждый элемент — в свою позицию:

Такой подход напоминает предложенный Р. Кейном анализ прилагательных как относительной клаузы в [Кейн 1994: 100–101], см. также похожий подход А. Е. Кибрика в [Кибрик 2001: 481] для багвалинского языка.

7. Заключение

Подведем итоги обсуждению хваршинских атрибутивов с *-la* и *-t'a* в контексте теории и типологии согласования в ИГ. Исследованные маркеры отличаются от «стандартных» атрибутивных показателей класса и числа факультативностью и отсутствием строгой позиции в структуре словоформы. Из представленных фактов мы сделали вывод о том, что классно-числовое согласование устроено в дагестанских языках подобно атрибутивному согласованию в русском или, например, французском языках (стратегия (i)). В то же время показатели *-la* и *-t'a* больше похожи на маркеры определенности в болгарском и некоторые другие показатели (стратегия (iii)). Хваршинские показатели косвенности и числа соответствуют нефиксированным функциональным проекциям в структуре ИГ. Мы выдвинули гипотезу о том, что атрибутивные показатели косвенности *-la* и множественного числа *-t'a* находятся в стадии возможного диахронического

сдвига от стратегии (iii) к стратегии (i). О том, что синхронный статус показателей *-la* и *-t'a* соответствует более чем одному структурному представлению, говорят различия в грамматических суждениях носителей. Если такой сдвиг произойдет, данные показатели станут экспонентами уровня словоформы, а не именной группы в целом.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; I, II, III, IV, 7 — согласовательный класс; ABL — аблатив; ABS — абсолютив; ACC — аккузатив; AD — адессив; ADD — аддитив; ADV — адвербаллизатор; AG — агенс; AOR — аорист; ATR — атрибутив; AUX — вспомогательный глагол; CAUS — каузатив; COLL — собирательное числительное; COM — комитатив; CVB.IPF — имперфективный конверб; CVB.PF — перфективный конверб; DAT — датив; DEF — определенность; DIR — директив; DST — дистрибутивное числительное; EQ — экватив; ERG — эргатив; EVD — эвиденциалис; F — женский род; GEN, GEN1, GEN2 — генитив; GNT — общее время; HPL — мн. число, люди; INTER — контэссив; LOC — локатив; M — мужской род; N — средний род; NHPL — мн. число, не люди; NMN — номинализация; NOM — номинатив; NPST — непрошедшее время; OBL — косвенная основа; PFCT — перфектив; PL — множественное число; POSS — поссессив; PRS — предлагаю унифицировать; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; Q — показатель вопроса; SG — единственное число; SUPER — суперэссив; TRNS — транслатив.

Литература

- Ганенков 2015 — Ганенков Д.С. Синтаксис согласуемых прилагательных в даргинском языке. Доклад на конф. «Типология морфосинтаксических параметров», МГТУ им. Шолохова (14–16 октября 2015, ИЯз РАН, Москва).
- Гращенков 2017 — Гращенков П.В. Композициональность в лексической и синтаксической деривации разноструктурных языков. Дисс... на соискание доктора уч. степени д. филол. наук. М., МГУ.
- Даниэль 2021 — Даниэль М.А. Согласование по косвенности в нахско-дагестанских языках: обзор эмпирических данных // Рема 2/2021, С. 102–130.
- Кибрик 2001 — Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари. Кибрик А.Е. (ред.). М., 2001.
- Лютикова 2018 — Лютикова Е.А. Структура именной группы в безартиклевом языке. М.: ЯСК. 2018.
- Лютикова 2020 — Лютикова Е.А. Еще раз о падежной морфологии дагестанских языков: свидетельства хваршинского атрибутива // Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции 2020. Кс.П. Семёнова (ред.). М.: «Буки Веди». 2020. С. 112–121.
- Лютикова 2021 — Лютикова Е.А. Согласование по косвенности в хваршинском языке // Дурхъаси хазна. Сборник статей к 60-летию Р.О. Мугалова. Майсак Т.А., Сумбатова Н.Р., Тестелец Я.Г. (ред.). М.: «Буки Веди». 2021. С. 187–213.
- Плешак 2017 — Плешак П.С. Морфосинтаксис именной группы в мокшанском и горномарийском языках. Дипломная работа, МГУ, ОТиПЛ, 2017.
- Carstens 2000 — Carstens V. Concord in minimalist theory. *Linguistic Inquiry*. 2000. Vol. 31 (2). Pp. 319–355.

- Carstens 2016 — Carstens V. Delayed valuation: A reanalysis of “upwards” complementizer agreement and the mechanics of Case // *Syntax*. 2016. Vol. 19 (1). Pp. 1–42.
- Corbett 2006 — Corbett G. Agreement. CUP.
- Corbett 2012 — Corbett G. Features. CUP.
- Dahl 2003 — Dahl Ö. Definite articles in Scandinavian: Competing grammaticalisation processes in standard and non-standard varieties. Kortman B. (ed.). *Dialectology meets typology*. Berlin: Mouton. 2003. Pp. 147–180.
- Dost, Gribanova 2006 — Dost A., Gribanova V. Definiteness marking in the Bulgarian. *Proceedings of WCCFL 25*. Somerville: Cascadilla Press. 2006. Pp. 132–140.
- Genetti, Hildebrandt 2004 — Genetti C., Hildebrandt K. The two adjective classes in Manange. *Adjective classes. A cross-linguistic typology*. Dixon R.M.W., Aikhenvald A.Y. (eds.). New York: Oxford University Press. 2004. Pp. 74–96.
- Grashchenkov, Markman 2012 — Grashchenkov P.V., Markman V.G. On the adpositional nature of ergative subjects. *Lingua*. 2012. 122(3):10. Pp. 257–266.
- Halle, Matushansky 2006 — Halle M., Matushansky O. The morphophonology of Russian adjectival inflection. *Linguistic Inquiry*. 2006. Vol. 37. Pp. 351–404.
- Kayne 1994 — Kayne R. *The antisymmetry of syntax*. [Linguistic Inquiry Monograph. No. 25.] Cambridge, MA: MIT Press, 1994.
- Khalilova 2009 — Khalilova Z. *A Grammar of Khwarshi*. LOT. 2009.
- Kramer 2009 — Kramer R. *Definite markers, phi-features, and agreement: A morphosyntactic investigation of the Amharic DP*. PhD thesis. University of California, Santa Cruz. 2009.
- Lyutikova 2021 — Lyutikova E.A. *Behind the ergative morphosyntax: Evidence from Khwarshi*. Manuscript.
- Norris 2014 — Norris M. *A theory of nominal concord*. Ph.D. thesis, University of California, Santa Cruz. 2014.
- Norris et al. 2014 — Norris M., Mikkelsen L., Hankamer J. Licensing trouble // *Linguistic Inquiry*. 2014. Vol. 45 (4). Pp. 617–653.

Статья поступила в редакцию 26.08.2021

The article was received on 26.08.2021

Павел Валерьевич Гращенко

доктор филологических наук; МГУ имени М. В. Ломоносова / Институт востоковедения РАН

Pavel Grashchenkov

Dr. Phil. Hab.; Lomonosov Moscow State University / Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

pavel.gra@gmail.com

КОНСТРУКЦИИ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ В МАЛОКАРАЧКИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА: ПАДЕЖНЫЕ АЛЬТЕРНАЦИИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ОТРИЦАНИЕМ*

М. Ю. Князев

*Институт лингвистических исследований РАН /
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» —
Санкт-Петербург*

В статье обсуждаются два показателя долженствования, лексический и морфологический, в малокарачкинском диалекте чувашского языка и их взаимодействие между типом модальности (деонтической или эпистемической) и падежным маркированием субъекта (номинативным или генитивным). В то время как предыдущие исследования показали, что генитивный субъект, в отличие от номинативного, допустим только при деонтической необходимости, в данной статье также показывается, что лексический модальный предикат имеет дополнительные ограничения, а именно встречается с генитивным субъектом только в отрицательных/вопросительных контекстах. В статье также предлагается единый формальный анализ двух вышеупомянутых показателей долженствования в рамках дистрибутивной морфологии (DM).

Ключевые слова: деонтическая необходимость, эпистемическая необходимость, неноминативные подлежащие, отрицание, тюркские языки.

Для цитирования: Князев М.Ю. Конструкции долженствования в малокарачкинском диалекте чувашского языка: падежные альтернативы и взаимодействие с отрицанием // Типология морфосинтаксических параметров. 2021. Том 4, вып. 1. С. 100–117. (На английском.)

---

* Статья основана на данных, полученных автором в ходе полевой работы в июле 2021 года в рамках лингвистической экспедиции в с. Малое Карачкино, респ. Чувашия, организованной М. А. Холодиловой и НИУ ВШЭ (Москва и Санкт-Петербург). Автор благодарит М. А. Холодилову и других участников экспедиционного семинара в Малом Карачкине, а также слушателей конференции ТМП 2021 и отдельно П. В. Руднева за их ценные замечания. Наконец, автор также выражает сердечные благодарности носителям малокарачкинского диалекта за их постоянную помощь при сборе материала.

CASE ALTERNATION AND POLARITY SENSITIVITY WITH NECESSITY MODALS IN POSHKART CHUVASH*

Mikhail Knyazev

Institute for Linguistic Studies RAS /

National Research University Higher School of Economics — St. Petersburg

The paper discusses two modal necessity markers, lexical and morphological, in the Poshkart dialect of Chuvash (Turkic) and their interactions between the type of modality (root/deontic vs. epistemic) and the type of subject marking (genitive vs. nominative). While previous work has established that genitive subjects, as opposed to nominative ones, are restricted to root necessity, it is here proposed that the lexical modal shows a further restriction, namely it can occur with a genitive subject only in negative/interrogative environments. The paper also offers a unified formal account of the two abovementioned necessity markers and their observed restrictions within a realizational morphological framework (DM).

Keywords: deontic necessity, epistemic necessity, oblique subjects, negation, Turkic.

For citation: Knyazev M. Case alternation and polarity sensitivity with necessity modals in Poshkart Chuvash. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2021. Vol. 4, iss. 1. Pp. 100–117.

---

* The data in this paper is based on the author's fieldwork conducted in Poshkart in July, 2021 as part of the linguistic expedition organized by Maria Kholodilova and the National Research University Higher School of Economics (Moscow and St. Petersburg). I wish to thank Maria Kholodilova and other participants of the fieldwork seminar in Poshkart (where part of this work was originally presented), as well as the audience of the TMP 2021 conference and particularly Pavel Rudnev for their useful comments. Finally, I express my heartfelt thanks to all my linguistic consultants in Poshkart for their immense help and patience.

1. Introduction

Previous work on necessity modals in the Poshkart dialect of Chuvash (<Turkic), spoken in the village of Maloe Karachkino (Poshkart), Chuvash Republic, Russian Federation (henceforth, PC), has identified some interesting interactions between type of modality (root *vs.* epistemic), type of modal marker (lexical *vs.* morphological) and type of case marking of the subject (nominative *vs.* genitive) [Matyusheva 2020]. Specifically, it was observed that whereas epistemic necessity co-occurs with a nominative subject, root necessity predominantly co-occurs with a genitive subject, even though a nominative subject is not impossible. In addition, it was noted that whereas epistemic and so-called participant-external/deontic necessity can be expressed both lexically (with *kerlë*) and morphologically (with *-mAlA*), the lexical modal is strongly dispreferred as an expression of participant-internal modality (need).

The main goal of the paper is to extend and refine Matyusheva's important observations, in particular, with respect to the availability of participant-internal necessity with *kerlë*, which I argue is fully acceptable, but only in negative and interrogative environments. I also make some further amendments to Matyusheva's generalizations.¹ The other goal is to sketch a formal account of these generalizations based on a unified analysis of the two modal constructions.

The paper proposes an account of genitive-assignment in the two constructions (largely based on the analysis of Russian dative-infinitive constructions in [Burukina 2020]) which explains why genitive subjects are disallowed with epistemic necessity and also shows how the restriction of genitive subjects with *kerlë* to negative/interrogative environments can be formally captured in a realizational morphological framework (DM). In addition, it offers a functional explanation for the emergence of this restriction.

Section 2 and 3 discuss the distributional properties of the two necessity modals in PC. Section 4 develops the formal account. Section 5 is a brief conclusion.

---

¹ For reasons of space I limit myself only to very brief comparisons between the present account and the one in [Matyusheva 2020], which are mostly relegated to footnotes.

2. The construction with *-mAlA*

2.1. The morphosyntax of *-mAlA*

The form *-mAlA* is a frozen combination of the infinitival marker *-mA* and the attributivizer *-lA*, used to derive certain classes of adverbs (cf. *ṭavaṣ-la* [Chuvash-ATTR] ‘in Chuvash’).² Distributionally, *-mAlA* behaves like a finite verbal marker and in this respect resembles other non-inflected participial and converbial forms used finitely.³ A special property of *-mAlA* is that it can take a genitive subject⁴ (apart from a nominative one), as illustrated in (1a)–(1b) below. Genitive subjects are otherwise not observed in finite clauses in PC and only exceptionally in (non-finite) embedded clauses, where nominative is the default option.⁵ The alternation between a genitive and a nominative subject with *-mAlA* will be discussed in the sections to follow.

2.2. Root necessity with *-mAlA*

The form *-mAlA* is the most common way of expressing root necessity in PC, including participant-internal necessity, or need [van der Auwera, Plungian 1998], as in (1a), and deontic necessity, or obligation, as in (1b). Note that the subject of the construction (corresponding to the ‘needer’ or the ‘obligee’ participant) in (1a)–(1b) is marked with genitive.

- (1) a. *man amal ëç-me-le.*
 I.GEN medicine drink-INF-ATTR
 ‘I need to take a pill.’

² In traditional grammar, *-mAlA* is treated as an unanalyzed (‘participial’) form [Pavlov et al. 1957: 227].

³ *-MAIA* (when followed by the frozen 3rd person possessive marker, i.e. in the form *-mAlI*) can also be used as a participial marker and as an action nominal marker (in the latter case with an appropriate case suffix). In such uses, it has the same morphosyntactic properties as other participles and action nominals, e.g. it requires a nominative marking on the subject [Logvinova 2019].

⁴ Throughout the paper, I use the term ‘genitive subject’ (and also ‘nominative subject’) to refer to the argument which corresponds to the grammatical subject of the non-modal counterpart of the construction. See Section 4 for specific proposals regarding the structural position of such subjects.

⁵ Genitive subjects (outside necessity modals) are found with so-called non-inflected future ‘participle’ (action nominalization) *-As*, used e.g. in some idiomatic desiderative constructions as well as in (different-subject) purpose clauses.

b. *san pajan kaç-pa urok-sam tu-ma-la.*
 you.GEN today evening-INS lesson-PL do-INF-ATTR

‘You must do homework tonight [as you promised me].’

Importantly, a genitive subject occurs independently of whether it is interpreted as an obligee (needer).⁶ For example, in (2a) the subject is inanimate and cannot be an obligee (which remains implicit) but it is still marked with genitive. In such cases nominative (= unmarked) subject is also possible, with no difference in meaning.⁷ However, when the context favors an obligee interpretation of the subject, as is normally the case when it is animate, as in (2b), genitive is strongly preferred by most speakers. Interestingly, when the context favors an implicit/pragmatically supplied obligee but the subject is still animate, e.g. when the subject is non-specific and hence must be in the scope of the modal, as in (2c), there is variation: some speakers allow both genitive and nominative whereas others prefer genitive.⁸

(2) a. *patinka-n / patinka koridor-da lar-ma-la.*
 shoe-GEN shoe hall-LOC lie-INF-ATTR

‘Shoes must remain in the hall [wearing shoes inside is not allowed]’

b. *??es pajan kaç-pa urok-sam tu-ma-la.* (cf. (1b))
 you today evening-INS lessons-PL do-INF-ATTR

‘You must do homework tonight [as you promised me].’

c. *kam-ən / (?k)kam da bol-in şkol-da jol-ma-la.*
 who-GEN who ADD be-CONC school-LOC remain-INF-ATTR

‘Someone [whoever it is] must stay in the school [in order to guard it while the others are away]’

Thus, in constructions of root necessity with *-mAlA* genitive subject is always available independently of whether it is interpreted as an obligee, whereas nominative subject is only possible for non-obligees.

⁶ In the descriptive sections of the paper, I abstract away from the issue of whether the obligee is a theta-role assigned by the modal [Wurmbrand 1999, Ramchand 2018: 138 ff.]. But see Section 4 for some specific analytical claims.

⁷ This description departs from [Matyusheva 2020], according to which nominative marking in constructions of root necessity with *-mAlA* is not available.

⁸ A possible explanation of this variation is that speakers who require genitive marking interpret the subject DP as an obligee irrespective of its being in the scope of the modal (assuming that obligees must be marked with genitive, see Section 4).

2.3. Epistemic necessity with *-mAlA*

The form *-mAlA* can also express epistemic necessity, as in (3a)–(3b), even though the construction with *kerlə* is more common here (see Section 3). In contrast to root necessity, genitive subject is disallowed in (3a)–(3b), or, more precisely, forces the root interpretation. For example, sentence (3a) with genitive would be felicitous in a scenario where the salesperson is supposed to cheat in such a way as to make the watermelon appear to weigh 10 kilos.

- (3) a. *ku arbuz / *arbuz-ən vonə kilo dort-ma-la.*
 this watermelon watermelon-GEN ten kilo weigh-INF-ATTR
 ‘[According to my assessment] this watermelon must weigh [approximately] ten kilos.’
- b. *vəl / *on klas-ra lar-ma-la.*
 he he.GEN class-LOC sit-INF-ATTR
 ‘He [Petya] must be in the class [preparing, as he is giving a talk at the seminar tomorrow].’

Interestingly, the expression of epistemic necessity with *-mAlA* seems to be restricted to stative predicates.⁹ For example, dynamic predicates such as ‘do homework’, as in (4), require the construction with *kerlə* (cf. (5b)).¹⁰ Note that the same restriction is also reported for English [Bybee et al. 1994: 200 ff., Ramchand 2018: 172 ff.].

- (4) **vəl urok-sam tu-ma-la.*
 he lesson-PL do-INF-ATTR
 Int.: ‘He must be doing his homework.’ (cf. *He must do his homework)

The case marking of the subject with *-mAlA* is summarized in Table 1.

Table 1. Case marking of the subject with *-mAlA*

		genitive	nominative
root modality	subject = obligee	√	*
	subject ≠ obligee	√	√ (only inanimate for some speakers?)
epistemic modality		*	√

⁹ This restriction is not mentioned in [Matyusheva 2020].

¹⁰ A detailed examination of what counts as a ‘stative predicate’ (for which speakers of PC) is left for future work. For example, some speakers were not fully comfortable with examples like (3b), suggesting that ‘sit in class’ is not stative for those speakers.

To summarize, when *-mALA* expresses epistemic necessity, nominative subject is the only option. When on the other hand *-mALA* expresses root necessity, nominative subject is possible just in case it is not an oblige, whereas genitive subject is possible independently of whether it is an oblige or not.

3. The construction with *kerlë*

3.1. Epistemic necessity with *kerlë*

Epistemic necessity in PC is most commonly expressed with the adjectival predicate *kerlë* ‘necessary’ taking an infinitival complement, as shown in (5a)–(5b). The subject in such constructions is always nominative, as in constructions of epistemic necessity with *-mALA*. In contrast to *-mALA*, however, there is no stativity restriction on the predicate, as shown in (5b), cf. (4).

- (5) a. *ku arbuz / *arbuz-ən vonə kilo dort-ma kerlë.*
 this watermelon watermelon-GEN ten kilo weigh-INF necessary
 ‘[According to my assessment] this watermelon must weigh [approximately] ten kilos.’
- b. *vəl / *on urok-sam tu-ma kerlë.*
 he he.GEN lesson-PL do-INF necessary
 ‘He must be doing his homework [since he is not playing outside].’

3.2. Root necessity with *kerlë*

Kerlë can also express deontic necessity, as in (6a)–(6c), although *-mALA* is more common in this case, especially when the context suggests that the subject is an oblige. For example, if the subject is animate the construction often has the flavor of reduced agentivity/volitionality (cf. (6c)). Speakers are especially reluctant to use *kerlë* with participant-internal necessity at least where the subject is likely to be understood as the needer, as in (6d).¹¹ Note that a genitive subject is ungrammatical in all these examples independently of the meaning of the sentence.¹²

¹¹ The construction with *kerlë* in (6d) is not totally ungrammatical as it can be construed in the somewhat pragmatically odd non-agentive sense, i.e. ‘It is necessary that I take a pill’.

¹² In this characterization I depart from [Matyusheva 2020], where it is stated that genitive subject is in principle possible in construction of root (deontic) necessity with *kerlë*.

- (6) a. *patinka* / *patinka-n *koridor-da* *lar-ma* *kerlä*.
 shoe shoe-GEN hall-LOC sit-INF necessary
 ‘Shoes must remain in the hall [as wearing shoes inside is not allowed].’
- b. *kam* / *kam-ən *da bol-in* *şkol-da* *jol-ma* *kerlä*.
 who who-GEN ADD БЫТЬ-CONC school-LOC remain-INF necessary
 ‘Someone [whoever it is] must stay in the school [in order to guard it while the others are away].’
- c. *ku* *vagət-ra* *petə* / *pet-ən *lekarstvo* *ëç-me* *kerlä*.
 this time-LOC Petya Petya-GEN pill drink-INF necessary
 ‘Petya must take a pill at this time [≈It is necessary that Petya take a pill].’
- d. ??*ep* / *man *amal* *ëç-me* *kerlä*. (cf. (1a))
 I I.GEN medicine drink-INF necessary
 Int.: ‘I need to take a pill.’

There is one systematic exception, however.¹³ The construction with *kerlä* allows a genitive subject just in case it occurs with negation, as in (7a), or in a polar question, as in (7b); cf. the ungrammaticality of (7c).¹⁴ Moreover, in construction with negation *kerlä* obligatorily has a narrow scope (cf. (7a)). The pattern shown by *kerlä* with genitive strongly resembles English *need* (with bare infinitive), which is standardly analyzed as an NPI [Cormack, Smith 2003: 157; Iatridou, Zeijlstra 2013; Ramchand 2018: 146 ff.]. Note also that in such constructions *kerlä* with genitive always expresses participant-internal necessity (need).

- (7) a. *san* *xola-ja* *kaj-ma* *kerlä* *mar*.
 you.GEN town-OBJ go-INF necessary NEG_ASCR
 i. √ ‘You need not go to town [as you can buy a cow in the village].’
 ii. # ‘You must not go to town [as they can spot you there].’

¹³ These exceptions are not mentioned in [Matyusheva 2020].

¹⁴ Genitive with *kerlä* can also be licensed by negation in the higher clause (with the verb ‘think’), as in (i).

(i) *ep* [*san* *xola-ja* *kaj-ma* *kerlä*] *teze* *şotla-m-a-p*
 I you.GEN town-OBJ go-INF necessary COMP think-NEG-NPST-1SG
 (cf. *şotl-a-p).
 think-NPST-1SG

‘I don’t think you should go to town.’ (ungrammatical with affirmative ‘I think...’)

b. *san xola-ja kaj-ma kerlä-k-i?*

you.GEN town-OBJ go-INF necessary-EMPH-Q

‘Do you need not go to town [to buy the cow or you can buy it here]?’

c. **san xola-ja kaj-ma kerlä.*

you.GEN town-OBJ go-INF necessary

Int.: ‘You need to go to town [as you can’t buy a cow here].’

The case marking of the subject in constructions of root necessity with *kerlä* is summarized in Table 2.

Table 2. Case marking of the subject with *kerlä*

		genitive	nominative
root	participant-internal necessity (negatives and questions)	√	??
modality	participant-internal necessity (other environments)	*	??
	deontic/participant-external necessity	*	√
epistemic modality		*	√

3.3. *Kerlä* with a nominal complement

For the sake of completeness, it must be mentioned that *kerlä* can also express participant-internal necessity in construction with a nominal complement, as in (8a). Interestingly, in such constructions the needer is marked with objective (dative-accusative) case rather than genitive. Moreover, objective case cannot occur on the subject in constructions with an infinitival complement, as shown in (8b).¹⁵ This differs from Russian, where dative subjects occur in both types of constructions.

(8) a. *man-a ëne kerlä.*

I-OBJ cow necessary

‘I need a cow.’

b. *man / *man-a ëne il-me kerlä.*

I.gen I-OBJ cow get-INF necessary

‘I need to buy a cow.’

¹⁵ Sentences like (8b) have an irrelevant interpretation where the infinitive is parsed as a purpose clause with an object prodrop, as shown in (i).

(i) *man-a ëne [il-me] kerlä.*

I-OBJ cow get-INF necessary

‘I need a cow to buy [something or other].’

4. Analysis

4.1. Preliminary considerations

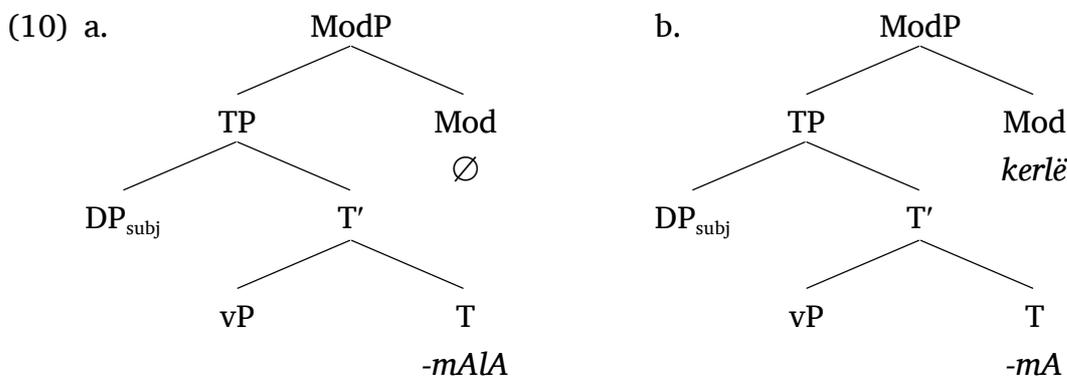
An account of the patterns in Table 1 and 2 must address three main questions:

- (9) a. Why and how is genitive case (as compared to nominative) assigned to the subject in constructions with necessity modals in PC?
- b. In particular, why can genitive case not be assigned in constructions of epistemic necessity (both with the lexical and the morphological modal)?
- c. Why is genitive-assignment with *kerlë* restricted to negative/interrogative environments?

These questions (at least (9a)–(9b)) presuppose a unified analysis of the two necessity modal markers (*-mAlA* and *kerlë*). I wish to argue that such an analysis can indeed be provided, which is the task of the next section. In Sections 4.3–4.5, I turn directly to the questions in (9a)–(9c).

4.2. A unified analysis

I will analyze *kerlë* as the realization of the designated functional head Mod and *-ma* as the realization of (infinitival) T. For the construction with *-mAlA*, I will assume that it involves a silent Mod. I will also assume that *-mAlA* is (synchronically) a special infinitival marker restricted to environments with a silent Mod. This is schematically represented in (10a)–(10b).¹⁶ Thus, the two modal markers have essentially the same syntactic structure modulo the exponents of the (infinitival) T and Mod.

¹⁶ The status of the subject DP is discussed in Section 4.3 below.

The analysis in (10a)–(10b) largely follows the analysis proposed in [Burukina 2020] for main clause infinitivals/dative-infinitive constructions in Russian, illustrated in (11), where they are taken to contain a silent deontic modal (a counterpart of *nado* ‘necessary’), see [Fleisher 2006, Tsedryk 2018]. The main difference is that in PC the structures in (10a)–(10b) obtain not only for root (deontic) but also for epistemic modals, which I will represent as values [deont] and [epist] of the feature [mod] on Mod encoding the flavor of modality.

- (11) *Maše (nado) rano vstavat’.*
 Masha.DAT necessary early wake.up.INF
 ‘Masha should wake up early.’

4.3. Genitive assignment

The analysis of the subject case marking will also follow Burukina’s account of the dative subject in dative-infinitive constructions in Russian. Burukina assumes, following [Tsedryk 2018], that the dative DP in such constructions is normally an (applied) Holder argument of the deontic modal controlling the PRO subject of the infinitive. The dative DP is introduced in the specifier of the Appl(icative) head, which is above the modal and which assigns case and theta-role to it. However, Burukina argues that dative can also show up on a DP which is not a Holder, as e.g. in (12), where it is inanimate.¹⁷ For such cases, Burukina assumes that the DP remains in the embedded subject position, where it is assigned dative by Appl across TP boundary (in an ECM-like fashion) while the Spec,ApplP position is occupied by an implicit Holder, which does not require case.¹⁸

- (12) *Nado [projektu zakončit’sja k srede].*
 necessary project.DAT complete.INF by Wednesday
 ‘It is necessary for the project to be complete by Wednesday.’ [Burukina 2020: 2]

¹⁷ I find examples like (12) marked but the same point can be made with other dative-assigning impersonal predicates, e.g. *važno* ‘important’ [Moore, Perlmutter 1999: 237].

¹⁸ Specifically, [Burukina 2020:4] assumes, following [Landau 2010], that [case] is a property of DPs and that implicit indirect/oblique objects can but need not be DPs.

Turning now to PC, recall that genitive can be assigned to the subject in the construction with *-mALA* independently of whether or not it is interpreted as an oblige (cf. (1a)–(1b) and (2a)). I wish to propose that this variability can be understood along the lines of [Burukina 2020] except that Appl in PC assigns genitive rather than dative. Specifically, when the genitive DP is an oblige, it is in the Spec,ApplP where it gets genitive and the Oblige theta-role and from where it controls PRO, as in (13a). When it is not an oblige, it remains in the infinitival Spec,TP, receiving genitive from Appl across TP, whereas Spec,ApplP is occupied by an implicit Holder, as in (13b).¹⁹

(13) a. genitive DP = Oblige (Holder), cf. (1a)–(1b)

$$[_{\text{ApplP}} [DP_{\text{gen}}]_i [_{\text{Appl}'} \text{Appl} [_{\text{ModP}} [_{\text{TP}} \text{PRO}_i [_{\text{T}'} \text{vP} [_{\text{T}} \text{mala}]]]] \text{Mod}]]]$$

b. genitive DP = embedded subject, cf. (2a)

$$[_{\text{ApplP}} \emptyset_{\text{implicit holder}} [_{\text{Appl}'} \text{Appl} [_{\text{ModP}} [_{\text{TP}} DP_{\text{gen}} [_{\text{T}'} \text{vP} [_{\text{T}} \text{mala}]]]] \text{Mod}]]]$$

The idea that genitive is assigned by the head that also introduces the Holder/Oblige (i.e. Appl) can provide an answer to (9a), namely, why a genitive subject is incompatible with epistemic necessity (cf. (3a)–(3b) and (5a)–(5b)). Epistemic modals are standardly analyzed as (unary) operators that are not associated with any thematic relation (akin to Tense, Negation, etc.). Thus, they are incompatible with Appl. This can be encoded as a selectional property of Appl, namely that Appl requires [deont] on its ModP complement, as in (14). But given that genitive assignment is dependent on the presence of Appl, we derive the fact that genitive subjects will never occur with epistemic necessity.

(14) Appl selects for ModP_[deont] (but not for ModP_[epist])

Note that whereas a genitive subject requires root necessity, the converse is not the case since root necessity is also compatible with a nominative subject (cf. (2a) and (6a)–(6c)). The consequence of the analysis of genitive-assignment

¹⁹ As pointed out by Pavel Rudnev (p.c.), independent evidence is needed to show that the implicit Holder does not require case, which e.g. may consist in showing that it fails to project to a DP level along the lines of [Landau 2010] (see the previous footnote).

above, is that root modals with a nominative subject must correspond to a structure with no Appl (and hence no Obligee), as in (15), which is essentially the same as that postulated for epistemic modals (modulo the feature [deont]).²⁰

(15) [ModP [TP DP_{nom} ...] Mod_[deont/epist]] (cf. (2a), (3), (5), (6a)–(6c))

I take the availability of both structures with Appl (and hence syntactically represented Obligee), as in (13a)–(13b), and without it, as in (15), for root necessity modals a welcome consequence since it has been repeatedly argued, e.g. in [Wurmbrand 1999], that root/deontic modals do not require the projection of an Obligee/Permissee (based on examples like *There must be three guards on duty*, from [Ramchand 2018:138], and the like). At the same time, there is also evidence that an Obligee *can* be projected in root modals since otherwise it is difficult to account for why the Obligee can vary with the choice of the subject DP in examples like (16a)–(16b). To account for this dual nature, it is sometimes argued that root necessity modals optionally project an Obligee theta-role [Ramchand 2018: 142]. This is basically the account proposed here.

(16) a. *The girls must get the same score as the boys.*

b. *The boys must get the same score as the girls.* [Ramchand 2018: 141]

To summarize, I have proposed that the subject marking and the presence/absence of the obligee interpretation of the subject in necessity modals in PC reflects their underlying syntactic structure as shown in Table 3. This provides an answer to questions (9a)–(9b).

Table 3. Structure of necessity modals depending on the case and interpretation of the subject

	Type of construction	Structure
A	root & GEN = Obligee	[_{AppIP} DP _{gen} [_{ModP} ... Mod _[deont]] Appl]
B	root & GEN = embedded subject	[_{AppIP} [_{ModP} [_{TP} DP _{gen} ...] Mod _[deont]] Appl]
C	root & NOM = embedded subject	[_{ModP} [_{TP} DP _{nom} ...] Mod _[deont]]
D	epistemic & NOM = embedded subject	[_{ModP} [_{TP} DP _{nom} ...] Mod _[epist]]

²⁰ I abstract away from the exact mechanism of nominative assignment in structures like (15) as well as from the issue of potential raising of the nominative subject. For concreteness, it may be assumed that nominative is assigned to the DP as a default case after it raises to the higher clause.

4.4. Polarity-sensitivity of *kerlä* with genitive

Let's now turn to question (9c), namely why *kerlä* is incompatible with a genitive subject except in negative/interrogative environments. The structures presented in Table 3 do not distinguish between an overt (*kerlä*) and a silent modal. This leads to overgeneration as it predicts that a genitive subject will be freely available with *kerlä* (in constructions of root necessity). However, as we saw in (7a)–(7c), genitive subject is restricted to negative/interrogative environments. I propose the following analysis to capture this restriction.

I assume that there are two homophonous lexical items Mod both realized as *kerlä*. The first one, referred to as *kerlä*₁ and shown in (17a), is a root/deontic modal (hence [deont]) and also a negative polarity item/NPI (cf. (7a)–(7d)), which I represent with value [neg] of the feature [pol(arity)] checked by the corresponding value on some functional head in the left periphery.^{21,22} The other one, referred to as *kerlä*₂ and shown in (17b), is unspecified for [deont/epist], cf. (5a)–(5b) and (6a)–(6c). I also tentatively assume that it is a positive polarity item/PPI, i.e. it has a wide scope with respect to negation [Iatridou, Zeijlstra 2013], which I represent as value [pos] of the feature [pol]. This is supported by examples like (18a)–(18b), although more data is needed to firmly establish this.

(17) a. Mod_[deont, neg] ↔ *kerlä*₁

b. Mod_[pos] ↔ *kerlä*₂

c. Mod ↔ ∅

(18) a. *Ku mašinə miljon dengə tər-ma kerlä mar.*
 this car million ruble cost-INF necessary NEG_ASCR
 'This car must not (= cannot) cost one million rubles.' (□ > ¬)

b. *Klas-ra ni-kam da ol-in jol-ma kerlä mar.*
 class-LOC no-who ADD БЫТЬ-CONC remain-INF necessary NEG_ASCR
 'Nobody may remain in the class.' (□ > ¬ > ∃)

²¹ I assume an analysis of NPI licensing in terms of feature checking (see Iatridou and Zeijlstra 2013 for a discussion of different approaches).

²² The lexical item in (17a), as well as the other two items in (17b)–(17c), must probably also be specified for the force of modality (e.g. as [nec(essity)]), which I omit for clarity.

As for the silent modal, shown in (17c), I assume that it is unspecified for both [deont/epist] (cf. (1)–(2) and (3a)–(3b)) and [neg/pos] (cf. (22) below), that is, it is a polarity-neutral modal [Iatridou, Zeijlstra 2013]. To ensure that the silent modal always occurs with *-mAlA* (as opposed to *-mA*), I further assume that (unspecified) Mod has a special diacritic that triggers its lowering to infinitival T, as in (19), in which case T surfaces as *-mAlA*, as shown in (20b), cf. its default realization *-mA* in (20a).

(19) Polarity-neutral Mod (unspecified for [neg/pos]) lowers to infinitival T.

(20) a. $T_{[\text{inf}]} \leftrightarrow -mA$ (Elsewhere)

b. $T_{[\text{inf}]} \leftrightarrow -mAlA / \_ \text{Mod}$

Now, we can capture the fact that *kerlë* only occurs with a genitive subject in negative/interrogative environments (cf. (7c)) by assuming that Appl (disjunctively) selects for Mod or $\text{Mod}_{[\text{neg}]}$, as shown in (21).²³ Since a genitive subject requires the presence of Appl, (21) predicts that such a subject will only occur either with the NPI *kerlë* in (17a) or with the silent modal in (17c), i.e. with *-mAlA* (given (19) and (20a)–(20b)). This provides an answer to question (9c).

(21) Appl selects for Mod or $\text{Mod}_{[\text{neg}]}$ (but not for $\text{Mod}_{[\text{pos}]}$).

Note that since *kerlë*₁ and *kerlë*₂ in (17a)–(17b) are more specified than the silent modal in (17c) they will block it when Mod is selected with the [neg/pos] feature (due to the Elsewhere Condition). However, this need not always happen since Mod can also be selected without [neg/pos], in which case the silent modal will be the only possible realization for Mod (due to the Subset Principle). Thus, all the three items in (17a)–(17c) will actually be realized in necessity constructions in PC.

4.5. A functional explanation for polarity-sensitive *kerlë*

The proposed account provides a rather technical solution to the problem of deriving the restriction of *kerlë* with genitive to negative/interrogative environments (cf. (9c)). The solution consists in the existence of two lexical items *kerlë* with different specifications for polarity (cf. (17a)–(17b)) and in the sensitivity of Appl to this feature (cf. (21)). But how can we *explain* the existence of

²³ I thank Pavel Rudnev for suggesting to me this implementation.

these two homophonous items? In other words, could it have an advantage over a hypothetical variant (PC') which has only one *kerlë*, unspecified for [pol]?

Although my suggestion remains speculative, I wish to propose that there is a functional motivation for the existence of (17a)–(17b), namely, ambiguity avoidance. In Section 3.2 above, we saw that *kerlë* with genitive has a fixed narrow scope with respect to negation. Interestingly, the construction with *-mAlA* is different in this respect as it is potentially ambiguous between a wide and a narrow scope of the modal, as shown in (22).

(22) *san xola-ja kaj-ma-la mar.*
 you.GEN town-OBJ go-INF-ATTR NEG_ASCR

- i. √ ‘You need not go to town [as you can buy a cow in the village].’
- ii. √ ‘You must not go to town [as they can spot you there].’

Although ambiguities such as (22) are typologically not uncommon (cf. English *may not*), languages tend to avoid them by developing various strategies of unambiguously expressing the same meaning [de Haan 1997]. For example, different necessity modals for expressing different scopes may be used (cf. English *must not/should not* ($\square > \neg$) vs. *need not* ($\neg > \square$)) as well as a different linear position of the negation or different constructions, etc.²⁴

In a similar vein, it may be hypothesized that in response to the ambiguity problem posed by (22) PC developed two specialized modals with a fixed scope of negation, namely $\text{Mod}_{[\text{deont, neg}]}$, with a fixed narrow scope, as in (17a), and $\text{Mod}_{[\text{pos}]}$, with a fixed wide scope, as in (17b). Further, because the former only and always occurs with Appl (i.e. with a genitive subject), it can be easily distinguished from the second one, allowing PC to resort to the same exponent for both modals in a rather economical way.

5. Conclusion

In this paper, I have discussed two necessity modal constructions in Poshkart Chuvash, focusing on their interactions with case marking of the subject and also with polarity. A major goal of this paper was to refine earlier generalizations in [Matyusheva 2020]. In particular, I showed that the lexical modal (*kerlë*)

²⁴ Note that an unambiguous strategy of expressing some meaning may co-exist with an unambiguous construction, cf. Russian scopally ambiguous *ne nado* vs. *nel'zja* ($\square > \neg$) vs. *ne objazatel'no* ($\neg > \square$) [de Haan 2002].

behaves like an NPI in construction with a genitive subject (but otherwise requires a nominative subject). I also showed that the divide between a nominative and a genitive subject does not align with the epistemic *vs.* root distinction (in the case of both the morphological and the lexical modal), i.e. nominative subject is always possible with participant-external necessity. I also noted an interesting stativity restriction for *-mAlA* which must be investigated in future work. Apart from refining the descriptive generalization, I also offered a unified account of the two necessity modals in PC within a DM framework which views their form-meaning interactions in terms of different morphosyntactic features and their phonological realization.

Abbreviations

1 — 1st person; ADD — additive; ATTR — attributivizer; COMP — complementizer; CONC — concessive; GEN — genitive; EMPH — emphasis; INF — infinitive; LOC — locative; NEG — negation; NEG_ASCR — ascriptive negation; NPST — nonpast; OBJ — objective; PL — plural; Q — question; SG — singular.

References

- van der Auwera, Plungian 1998 — van der Auwera J., Plungian V. Modality's Semantic Map. *Linguistic Typology*. 1998. Vol. 2. No. 1. Pp. 79–124.
- Burukina 2020 — Burukina I. Mandative verbs and deontic modals in Russian: Between obligatory control and overt embedded subjects. *Glossa: a journal of general linguistics*. 2020. Vol. 5. No. 1. Pp. 1–37.
- Bybee et al. 1994 — Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world*. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Cormack, Smith 2003 — Cormack A., Smith N. Modals and negation in English. *Modality and its interaction with the verbal system*. Barbiere S. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2003. Pp. 143–173.
- Fleisher 2006 — Fleisher N. Russian dative subjects, case, and control. Ms. University of California, Berkeley, 2006.
- de Haan 2002 — De Haan F. Strong modality and negation in Russian. Using corpora to explore linguistic variation. Reppen R., Fitzmaurice S., Biber D. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2002. Pp. 91–110.
- de Haan 2013 [1997] — de Haan F. *The interaction of modality and negation: A typological study*. New York: Routledge, 2013.
- Iatridou, Zeijlstra 2013 — Iatridou S., Zeijlstra H. Negation, polarity, and deontic modals. *Linguistic inquiry*. 2013. Vol. 44. No. 4. Pp. 529–568.
- Landau 2010 — Landau I. The explicit syntax of implicit arguments. *Linguistic Inquiry*. 2010. Vol. 41. No. 3. Pp. 357–388.
- Logvinova 2019 — Logvinova N. *Ob otnositel'nykh konstruktsiyakh i prichastiyakh v (malokarachkinkom) chuvashskom [On relative clauses and participles in (Poshkart) Chuvash]*. Ehkspeditsionnyi seminar [Fieldwork seminar]. Maloe Karachkino, August, 2019.

- Matyusheva 2020 — Matyusheva A. Konstruktsii so znacheniem neobkhodimosti v malokarhkinskom govore chuvashskogo yazyka [Constructions expressing necessity in the Poshkart dialect of Chuvash]. *Malye yazyki v bol'shoi lingvistike. Sbornik trudov konferentsii 2020.* [Minor languages in general linguistics]. Semionova X. (ed.). Moscow: Buki Vedi. Pp. 140–145.
- Moore, Perlmutter 1999 — Moore J., Perlmutter D. Case, agreement, and temporal particles in Russian infinitival clauses. *Journal of Slavic linguistics.* 1999. Vol. 7. No. 2. Pp. 219–246.
- Pavlov et al. 1957 — Materialy po grammatike sovremennogo chuvashskogo yazyka. Ch. 1: Morfologiya [Materials for the grammar of modern Chuvash. Part 1. Morphology]. Pavlov I.P. Andreev N.A., Pavlov N.S. (eds.). Cheboksary: Chuvashskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1957.
- Ramchand 2018 — Ramchand G. Situations and syntactic structures: Rethinking auxiliaries and order in English. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 2018.
- Tsedryk 2018 — Tsedryk E. Dative-infinitive constructions in Russian: Are they really biclausal? *Proceedings of Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics 25.* Browne W, Despic M., Enzinna N, Harmath-de Lemos S., Karlin R., Zec D. (eds.). Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 2018. Pp. 298–317.
- Wurmbrand 1999 — Wurmbrand S. Modal verbs must be raising verbs. *Proceedings of the 18th West Coast Conference on Formal Linguistics.* Bird S., Carnie A., Haugen J., Norquest P. (eds.). Somerville, MA: Cascadilla Press, 1999. Pp. 599–612.

Статья поступила в редакцию 30.09.2021

The article was received on 30.09.2021

Михаил Юрьевич Князев

PhD; Институт лингвистических исследований РАН / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Mikhail Knyazev

PhD; Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences / National Research University Higher School of Economics

misha.knjazev@gmail.com

ПРОТИВ МОНОСЕМИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К СЕВЕРНОХАНТЫЙСКОЙ ДИСКУРСИВНОЙ ПОСЕССИВНОСТИ*

С. К. Михайлов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В настоящей статье рассматриваются два типа дискурсивных употреблений казымских севернохантыйских показателей посессивности: топикальные употребления POSS.2SG и партитивные употребления POSS.3SG. Выдвигается тезис, что объединение дискурсивных употреблений с собственными в общем случае невозможно, а единственно верным подходом к рассматриваемым данным является радикально-полисемический подход, который предлагает независимую семантику для каждого типа употреблений. Обсуждаются предсказания двух моносемических подходов вслед за [Nikolaeva 2003] и [Simonenko 2017]. Приводятся аргументы против моносемических подходов и за независимость рассматриваемых типов употреблений, основанные на отличиях в их морфосинтаксисе и прагматике. Аналогичная аргументация может оказаться релевантна для анализа данных других уральских языков с развитой дискурсивной посессивностью.

Ключевые слова: дискурсивная посессивность, севернохантыйский язык, моносемический подход, полисемия, рассогласование, семантика.

Для цитирования: Михайлов С.К. Против моносемических подходов к севернохантыйской дискурсивной посессивности // Типология морфосинтаксических параметров. 2021. Том 4, вып. 1. С. 118–146.

---

* Автор выражает глубочайшую признательность своим севернохантыйским консультантам, А. А. Козлову, А. П. Симоненко, Н. В. Ивлиевой и С. Ю. Толдовой за критические замечания к изложенным здесь идеям и чуткое руководство и слушателям 11-й конференции «Типология морфосинтаксических параметров» за ценные комментарии. Все недоучёты настоящей статьи остаются на совести автора.

Исследование поддержано грантом РФФИ 19-012-00627.

AGAINST MONOSEMIC APPROACHES TO NORTHERN KHANTY EXTENDED POSSESSIVES*

Stepan Mikhailov

National Research University Higher School of Economics

In this paper I discuss two kinds of extended uses of Kazym Northern Khanty possessive markers: the topical uses of POSS.2SG and the partitive uses of POSS.3SG. I argue that the unification of these extended uses with the proper possessive use is generally impossible and that the only feasible approach to these data is a radical polysemy one, which proposes an independent semantics for each use type. I discuss two monosemic approaches after [Nikolaeva 2003] and [Simonenko 2017] and discard them in view of a range of arguments for the independence of the extended uses based on the latter's distinct morphosyntactic and pragmatic behavior. The arguments can easily be extended to the data from other Uralic languages with extended possessive marking.

Keywords: extended possessives, Northern Khanty, monosemic approach, polysemy, agreement mismatch, semantics.

For citation: Mikhailov S. Against monosemic approaches to Northern Khanty extended possessives. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2021. Vol. 4, iss. 1. Pp. 118–146. (In Rus.)

---

* I express my deepest gratitude to my Northern Khanty consultants and to Alexey Kozlov, Alexandra Simonenko, Natalia Ivlieva, and Svetlana Toldova for critical comments on ideas presented in this paper and for careful supervision. I would also like to thank the audience of the 11th conference “Typology of Morphosyntactic Parameters” for valuable feedback. All remaining errors are my own.

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 19-012-00627.

1. Введение

Во многих уральских языках [Nikolaeva 2003; Кузнецова 2003; Simonenko 2017; Fraurud 2001; Körtvély 2010; Siegl 2015; Serdobolskaya et al. 2019; Kiss, Tánczos 2018 и ссылки в этих работах] показатели посессивности могут употребляться за пределами прототипических посессивных контекстов, когда нельзя утверждать о существовании какого-либо посессивного отношения между условным «посессором» и референтом именной группы. В подобных случаях мы будем говорить о «дискурсивных» употреблениях посессивов¹.

Так, в севернохантыйском посессив второго лица единственного числа *-en* [POSS.2SG], помимо собственно посессивных употреблений типа (1), обладает также анафорическими употреблениями, как в (2). В этом примере собака обязательно маркируется этим показателем, т.к. она уже была упомянута в предшествующем контексте.

- (1) севернохантыйский язык (казымский диалект < обско-угорские < уральские)

пӓӓ kãt'-en moʃ-λ
 ты кот-POSS.2SG мурчать-NPST[3SG]
 'Твой кот мурчит.'

- (2) *amp-en ta pɛλ-am-a χurət-ti pit-əs*
 пёс-POSS.2SG я на-POSS.1SG-DAT лаять-NFIN.NPST статья-PST[3SG]
 '{Я шёл по улице и увидел собаку.} (букв. Твоя) собака на меня за-
 лаяла.'

В существующей литературе по дискурсивным посессивам представлены подходы, которые призваны свести подобные употребления к базовой посессивной семантике.

Например, Ирина Николаева [2003] предлагает считать, что в случаях типа (2) посессив маркирует **ассоциативную связь** в сознании говорящего между референтом именной группы (ИГ) и адресатом.

¹ Для удобства мы используем «посессив» как сокращение для «посессивный показатель».

Александра Симоненко [2017], рассматривая употребления посессивов 3SG в ряде финно-угорских и алтайских языков, выдвигает гипотезу, что межъязыковое варьирование в множестве доступных показателю употреблений следует из **варьирования в множестве отношений**, которые этот показатель может выражать. В случае анафорических употреблений посессива 3SG (как в коми-ижемском языке, [там же]) показателю доступно отношение идентичности.

Оба подхода можно считать **моносемическими**, поскольку они так или иначе стремятся свести разнообразие употреблений показателя к единому лексическому входу с единой семантикой во всех случаях.

Настоящая статья имеет целью продемонстрировать на материале казымского диалекта севернохантыйского языка, что моносемические подходы совершают неверные предсказания в отношении ряда свойств дискурсивных посессивов. Основной тезис статьи состоит в том, что объединение дискурсивных употреблений с собственными в общем случае невозможно, а единственно верным подходом к дискурсивной посессивности является **радикально-полисемический подход**, который предлагает независимую семантику для каждого типа употреблений.

В разделе 2 мы рассматриваем два моносемических подхода к дискурсивной посессивности, упомянутых выше: ассоциативный подход [Nikolaeva 2003 и другие работы] и радикально-полисемический подход [Simonenko 2017]. В разделе 3 представлена основная информация о казымском диалекте севернохантыйского языка.

В разделе 4 представлены данные двух севернохантыйских дискурсивных посессивов. В разделе 4.1 рассматривается показатель топика омонимичный показателю *-en* [POSS.2SG]. В разделе 4.2. рассматривается партитивный артикль омонимичный *-əλ* [POSS.3SG]. В каждом из разделов обсуждаются возможные моносемические подходы к этим показателям и представляются аргументы против них. Особое значение играют аргумент от недопустимости выражения посессора и аргумент от рассогласования, которые свидетельствуют в пользу независимости данного дискурсивного посессива в силу отличий в его морфосинтаксических свойствах от собственно посессива. Мы ожидаем, что подобные аргументы могут найти аналогичное применение в исследованиях дискурсивной посессивности в других языках.

Раздел 5 подводит итоги настоящего исследования.

2. Два подхода к дискурсивной посессивности

В этом разделе критически рассматриваются два моносемических подхода к уральским дискурсивным посессивам на примере работ Ирины Николаевой [1999, 2003] и Александры Симоненко [2017]. В силу ограниченного объёма настоящей статьи ряд работ также представляющих моносемический подход мы вынуждены оставить без внимания (например, [Fraurud 2001; Gerland 2014]), однако отметим, что аргументы за независимость представленные в разделе 4 проблематичны для всякого моносемического подхода.

2.1. Ассоциативный подход [Nikolaeva 1999, 2003]

Ирина Николаева [1999: §7.3] обсуждает дискурсивные употребления посессивов в приуральском диалекте севернохантыйского языка², а в более поздней работе [Nikolaeva 2003] привлекает данные и других уральских языках.

Николаева показывает, что для уральских посессивов особенно характерны «ассоциативные» употребления, при которых посессив выражает некоторое сильно контекстно-обусловленное отношение, в значительной степени отступающее от прототипов обладания или неотчуждаемой принадлежности [Taylor 1996].

Так, в (3) употребление посессива 2SG объясняется тем, что машина ассоциирована с адресатом в сознании говорящего: «машина твоя, поскольку я говорю тебе о ней» [Nikolaeva 2003: 7].

(3) севернохантыйский язык (приуральский диалект)

*wanta tām mašinaj-en jowra mānəs.*³
смотреть этот машина-2SG косо пойти.3SG

‘Смотри, ту (букв.: твоя) машину перекосило.’ [там же]

А в (4) место маркировано посессивом 1SG, т.к. существует контекстная ассоциация между говорящим и референтом ИГ: говорящий только что падал в этом же месте.

² И. Николаева называет его “North Ostyak”. Как будет показано ниже, приуральский диалект существенно отличается от казымского диалекта, особенно в отношении дискурсивной посессивности.

³ В этом разделе сохраняются транслитерация и поморфемные переводы из оригинальных статей. Перевод англоязычных глосс на русский и выделения полужирным наши.

- (4) *ma ísí taxa:j-e:m-na il ko:ri-s-ə-m.*
 я тот_же место-1SG-LOC вниз упасть-PAST-EP-1SG
 ‘Я упал в том же (букв.: моём) месте.’ [Nikolaeva 1999: 83]

В следующем примере из тундрового ненецкого языка (5) посессив 2SG используется с анафорически доступным референтом⁴. Согласно Николаевой здесь он замещает посессив 3SG, для которого более характерны подобные анафорические употребления (как и прочие употребления определённого артикля по [Hawkins 1991]; подробнее см. раздел 2.2). Такое замещение становится возможным в случаях, когда нарратив адресован конкретному лицу (или в диалогах) [Nikolaeva 2003: 8]. Посессив 2SG используется говорящим, чтобы «эмоционально сблизить» адресата с высказыванием [там же].

- (5) тундровый ненецкий язык
- a. *rixasyako yilyewi°.*
 старуха жить.NARR.3SG
 ‘Живёт старая женщина.’
- b. *rixasyako-nt° syidya sowa nyu-da.*
 старуха-GEN.2SG два хороший сын-3SG
 ‘У этой (букв.: твоей) старой женщины есть два хороших сына.’
 [там же]⁵

Утверждается, что посессивы в таких употреблениях можно опускать без заметной разницы в пропозициональном содержании высказывания и что их вклад является исключительно прагматическим [там же: 10]. Как будет показано ниже, дискурсивные посессивы казымского диалекта ведут себя иначе, будучи обязательными при употреблении.

В заключение И. Николаева [2003: 13] утверждает, что уральские посессивные конструкции способны выражать гораздо более широкий спектр отношений нежели их индоевропейские эквиваленты. Выбор отношения принципиально неограничен, что делает доступными любые ассоциативные отношения между референтом ИГ и другим индивидом. Последний должен быть введён в дискурс на момент высказывания с посессивной

⁴ Т. е. с референтом, который уже был введён в предшествующем дискурсе.

⁵ См. также обсуждение тундровых ненецких данных в рамках ассоциативного подхода в [Körtvély 2010].

конструкцией и, тем самым, служит когнитивной «точкой отсчёта» [Langacker 1993: 10–11] для установления референции данной ИГ. И собственно посессивные, и ассоциативные употребления **следуют из общего значения посессивной конструкции** (выражение отношения между двумя индивидами) [Nikolaeva 2003: 12]. (Исходя из этих соображений мы и считаем подход Николаевой моносемическим.)

Следует сделать несколько замечаний.

Во-первых, сложно считать верным утверждение, что индоевропейские посессивные конструкции как-то более ограничены в множестве доступных интерпретаций, чем их уральские эквиваленты. Хорошо известно, что при достаточной контекстной поддержке, например, *мои собаки* может значить ‘собаки, которые на меня напали’ [Storto 2005; Karvovskaya 2018], что также сильно отступает от прототипа обладания, как и ‘моё место’ в (4) в смысле ‘место, где я только что падал’⁶. Как отмечает сама И. Николаева, основное отличие уральских посессивных конструкций в том, что их ассоциативные употребления необыкновенно частотны. Согласно её подсчётам по трём текстам приуральского диалекта, ассоциативные интерпретации встречаются в 39% вхождений [Nikolaeva 1999: 82], тогда как в англоязычном корпусе таких интерпретаций всего 16% [Taylor 1996: 346–347]. Мы утверждаем, что повышенная частотность ассоциативных употреблений уральских посессивов, действительно нуждающаяся в объяснении, не может объясняться более свободной семантикой оных. Нулевая типологическая гипотеза состоит в том, что и индоевропейские конструкции, и уральские посессивы одинаково не ограничены в выборе отношения [Karvovskaya 2018], а эти факты, тем самым, нуждаются в другом объяснении. В силу ограниченного объёма настоящей работы мы вынуждены оставить эту задачу будущим исследованиям.

Важно отметить, что мы не исключаем верность интуиции, высказанной в ассоциативном подходе, как объяснения фактов приуральского диалекта севернохантыйского языка и других идиомов, рассматриваемых Николаевой. Однако мы считаем, что эта интуиция нуждается в уточнении и эксплицировании. В частности, необходимо объяснить, что делает одно отношение предпочтительнее другого в качестве значения данного посессива и как соответственно осуществляется выбор условного посессора.

---

⁶ Ср. также более устоявшиеся выражения типа русского *наш герой* и английского *your average Russian linguist* ‘(букв.: твой) среднестатистический русский лингвист’.

Например, в (3) и (5) используется посессив 2SG, поскольку говорящий сообщает адресату о референте данной ИГ [Nikolaeva 2003: 7–8] или же для «эмоционального сближения» адресата с сообщением [там же]. Почему же в этих примерах не используется посессив 1PL, «так как мы [говорящий и адресат] беседуем о референте ИГ» (ср. русское *наш герой*)?

Можно было бы ожидать, что употребление посессива 2SG в случае, когда возможно употребление посессива 1PL, порождает Q-импликацию, что утверждение с посессивом 1PL ложно [Horn 2006]: ‘машина твоя, но не наша’ (3) или ‘старушка твоя, но не наша’ (5). Однако, по видимому, ничего подобного не происходит. Этот факт также нуждается в объяснении.

Ниже для двух типов дискурсивных употреблений казымских севернохантыйских посессивов будет продемонстрировано, что моносемический ассоциативный подход не способен верно предсказать их семантические и морфосинтаксические свойства. Более того, в [Михайлов 2021a; Mikhailov 2021] было показано, что даже в случае ассоциативных употреблений посессивов казымского диалекта следует говорить о независимом (независимых) от собственно посессивов показателе (показателях).

2.2. Реляционно-полисемический подход [Simonenko 2017]

Александра Симоненко [2017] рассматривает употребления дискурсивных посессивов и схожих показателей (в её терминологии) специфичности в трёх финно-угорских языках (коми-ижемском, луговом марийском и мокшанском), а также в бурятском (< монгольские) и турецком (< тюркские).

Симоненко показывает, что распределение этих показателей по стандартным контекстам определённости (по [Hawkins 1991]) подвержено существенному межъязыковому варьированию, что можно наблюдать даже на такой небольшой выборке.

Так, например, коми-ижемский показатель POSS.3SG допускает все четыре рассматриваемых контекста: партитивный (6), анафорический (7), локально-уникальный (8) и глобально-уникальный (9) (выделения полужирным наши).

(6)	<i>lavka</i>	<i>təryt</i>	<i>va-i-sny</i>	<i>kuim</i>	<i>pyzan.</i>
	магазин	вчера	принести-PRT-3PL	три	стол

ton mi yti pyzan-[#](se)⁷ n'eb-i-m.
 сегодня мы один стол-3SG.ACC купить-PRT-1PL

‘Вчера они принесли три стола в магазин. Сегодня мы купили один стол.’ [Simonenko 2017: 427]

(7) *m'e mun-i ul'iča kuz'a i ad'd'-i pon.*
 я идти-PRT улица вдоль и видеть-PRT собака

ponm-*(ys) kuč'-is uut-ny.
 собака-3SG начать-PRT.3SG лаять-INF

‘Я шёл по улице и увидел собаку. Собака залаяла (букв. «начала лаять»).' [Кашкин 2008: 82]

(8) *əbes-*(se) s'ipt-i!*
 дверь-3SG.ACC:POSS.3SG закрыть-IMP

‘Закрой дверь!’ [Кашкин 2008: 82]

(9) *šond'-*(ys) dzeb-s-i-s.*
 солнце-3SG сесть-DETR-PRT-3SG

‘Солнце село.’ [Simonenko 2017: 428]

Таблица 1. Адаптировано из [Simonenko 2017].

x_i обозначает референта ИГ, x_j — референта, с которым x_i состоит в некотором отношении. Контексты В-і и В-ii представляют партитивные употребления [Епс 1991], С — анафорические, а D — локально- и глобально-уникальные. obj — столбец для показателей дифференцированного объектного маркирования, «def» — столбец для мокшанского показателя «определённости».

Кон- текст		Tur	Tur obj	Kom	Bur	Bur obj	Mar	Mor	Mor «def»
A	x_i owned by x_j	ok	*	ok	ok	*	ok	ok	*
B-i	$x_i \subset x_j$ if x_i is pl	*	ok	ok	ok	ok	ok	*	ok
B-ii	$\{x_i\} \subset x_j$ if x_i is sg	*	ok	ok	ok	ok	ok	*	ok
C	$x_i = x_{j\text{context}}$	*	ok	ok	ok	ok	*	*	ok
D	$x_i = x_{j\text{disc.sit}}$	*	ok	ok	*	ok	*	*	ok
E	narrow scope	ok	*	*	*	*	ok	ok	*

В таблице 1 приведены данные по всем показателям. От коми-ижемского показателя отличается бурятский показатель POSS.3SG (столбец Bur):

⁷ Здесь и далее нотация вида «[#](X)» читается как «при опущении X высказывание становится неуместным», а «([#]X)» соответственно как «при добавлении X высказывание становится неуместным». Звёздочка (*) обозначает неграмматичность. Знак вопроса (?) или ??) затруднённая возможность такого употребления.

он не употребляется в локально- и глобально-уникальных контекстах (контекст D). А луговомарийский показатель POSS.3SG (столбец Mar) не употребляется в контекстах уникальности и в анафорических контекстах (контекст C), тогда как турецкий и бурятский показатели дифференцированного объектного маркирования (столбцы Tur obj и Bur obj) употребляются во всех контекстах кроме собственно посессивных (контекст A).

Симоненко выдвигает гипотезу, что разнообразные функции рассматриваемых показателей сводимы к общему семантическому компоненту отношения между референтом данной ИГ и антецедентом (условным посессором) [там же: 1, 6 и сл.]. В разных функциях этот компонент, представляемый переменной R, принимает разные значения. Например, в случае анафорических (контекст D в таблице 1) и уникальных контекстов (контекст C) R принимает значение отношения идентичности, а в случае партитивных контекстов B — значение отношения включения⁸.

В подходе Симоненко подобные показатели наделяются семантикой в (10) (сформулированной в рамках семантики ситуаций вслед за [Elbourne 2008]). Неформально, можно сказать, что подобные показатели обозначают некоторое отношение между референтом ИГ и условным посессором (представляемым Симоненко нулевым местоимением [там же: 7]).

(10) $||det|| = \lambda P_{[e \rightarrow [s \rightarrow t]]} \cdot \lambda y_e \cdot \lambda x_e \cdot \lambda s_o \cdot P(x)(s) \ \& \ R(x)(y)$ ⁹, где

R = отношение обладания (мокшанский и турецкий poss),

R = отношение идентичности или включения (мокшанский def и бурятский obj),

R = отношение обладания или включения (марийский и бурятский poss),

R = отношение обладания, идентичности или включения (турецкий obj и коми-ижемский poss) (адаптировано из [Simonenko 2017]).

⁸ В этом разделе мы придерживаемся русскоязычных аналогов терминологии автора без дополнительных уточнений. Например, Симоненко противопоставляет «дискурсивные» отношения отношениям обладания (*possession*), хотя очевидно, что собственно посессивные отношения включают в себя множество типов отношений помимо обладания, как то: родственные отношения или отношения части-целого.

⁹ Предположительно отношение R так же должно иметь ситуационный аргумент (отношения имеют место в конкретных ситуациях), как, например, в анализе реляционных имён в [Schwarz 2009]. Насколько мы можем судить, ничто не препятствует такому дополнению этой формулы.

Для удобства мы называем этот подход **реляционно-полисемическим**, т.к. он предполагает, что разным показателям доступны разные значения переменной R. При этом необходимо отметить **моносемический** характер этого подхода, как предполагающего единый лексический вход для разных употреблений полифункционального показателя, конкретное значение которого дополнительно устанавливается в контексте.

Принципиальным свойством моносемических подходов к значению какого-либо выражения является то, что в отсутствие дополнительных оговорок такой подход предполагает, что в разных употреблениях данное выражение будет проявлять один и тот же ряд семантических, морфосинтаксических и прочих свойств. Любые различия между употреблениями в таком подходе должны сводиться к влиянию контекстуальных факторов, будь то прагматический контекст, способствующий возникновению особой интерпретации, или же синтаксический контекст, создающий видимость особого синтаксического поведения выражения в одном из употреблений.

Уже сейчас мы можем поставить под сомнение верность моносемического подхода Симоненко по крайней мере в отношении данных посессивов с партитивной функцией.

Рассмотрим коми-ижемский пример (6) (продублированный ниже как (11)).

(11) *lavka*   *təryt*   *va-i-sny*   *kuim*   *pyzan.*
 магазин   вчера   принести-PRT-3PL   три   стол

ton   *mi*   *yti*   *pyzan-#(se)*   *n'eb-i-m.*
 сегодня мы   один   стол-3SG.ACC   купить-PRT-1PL

‘Вчера они принесли три стола в магазин. Сегодня мы купили один стол.’

В рамках подхода Симоненко это употребление показателя POSS.3SG следует анализировать как отсылающее к введённому в предшествующем контексте множеству столов. Выражаясь точнее, показатель будет согласоваться с нулевым местоимением в позиции посессора ИГ *yti pyzan-se* ‘один стол [из тех столов]’, которое, в свою очередь, отсылает к множеству столов.

Очевидно, однако, что от **посессивного** показателя в таком контексте мы бы ожидали, что показатель будет соответственно POSS.3PL, т.к. он согласуется с множественным «посессором». В отсутствие дополнительно объяснения тот факт, что в контексте с множественным антецедентом показатель по-прежнему имеет форму POSS.3SG, говорит в пользу утраты

им посессивного морфосинтаксиса согласования: в подобных употреблениях показатель ни с чем не согласуется и, следовательно, **не является посессивом**¹⁰.

В разделе 4.2 мы представим аналогичный, но более развёрнутый аргумент от рассогласования за независимость партитивных употреблений севернохантыйского POSS.3SG. Также в разделе 4 будут представлены и другие аргументы за независимость, которые представляют серьёзные трудности для моносемических подходов вообще и для реляционно-полисемического подхода Симоненко в частности.

3. Основная информация о казымском севернохантыйском языке

Данные, обсуждаемые в следующих разделах, были получены методом эlicitации с носителями казымского диалекта севернохантыйского языка в селе Казым (Ханты-Мансийский АО, РФ) в рамках совместных экспедиций Школы Лингвистики НИУ ВШЭ и ОТиПЛ МГУ в 2018-2021 гг.

Мы придерживались методологии семантической полевой работы в духе работ Лизы Мэттьюсон и коллег [Matthewson 2004; Tonhauser et al. 2013; Vochnak, Matthewson 2015]. Каждое из полученных суждений в отношении допустимости показателей в разных контекстах было подтверждено по крайней мере с тремя консультантами, а в большинстве случаев с пятью-шестью консультантами. В некоторых случаях мы не учитывали никакие суждения отдельных консультантов в отношении конкретного показателя, если этот показатель не был представлен в их идиолекте.

Основная информация о языке доступна в недавней грамматике [Каксин 2010], в которой, однако, вопрос дискурсивных употреблений посессивов никак не рассматривается.

В севернохантыйском посессивная конструкция минимально включает в себя ИГ посессора и ИГ обладаемого, маркированную посессивным показателем (12). При этом посессор может быть выражен нулевым местоимением.

---

¹⁰ Как аргумент за полисемический взгляд на партитивные употребления удмуртского POSS.3SG подобное наблюдение приводится в [Kiss, Tánczos 2018: 736]. Симоненко [2017] никак не комментирует рассогласование в таких примерах. Более ранние указания на рассогласование в дискурсивных употреблениях посессивов в пермских языках см. в [Сердобольская 2017: 96–97 и ссылки там же].

- (12) (*nǎŋ*) *kǎt'-en*
 ты кот-POSS.2SG
 'твой кот'

Лично-числовые согласовательные показатели посессивности выражают лицо (1, 2, 3) и число (ед., дв. и мн.) ИГ посессора. Некоторые показатели используются синкретично, например, дв. и мн. числа не различаются при втором лице (13).

- (13) *nin* *kǎt'-ən*
 вы кот-POSS.2NSG
 'ваш [дв. или мн.] кот'

При лексическом посессоре (выраженном нарицательной именной группой) наличие посессивного согласования частично обусловлено типом выражаемого отношения [Смирнова 2019], однако условия возникновения посессивности в данном случае ещё нуждаются в уточнении. В дальнейшем при обращении к собственно посессивным примерам мы будем рассматривать только местоименных посессоров, при которых наличие посессива обязательно.

Как уже частично сообщалось выше, предшествующие работы, затрагивающие дискурсивные употребления севернохантыйских посессивов [Nikolaeva 1999, 2003; Кашкин 2010; Simonenko 2014], рассматривают данные других диалектов (приуральского в работах Николаевой и тегинского в других работах), в которых посессивы обладают более узкой и заметно отличающейся от казымских данных дистрибуцией.

4. Дискурсивная посессивность в севернохантыйском и аргументы за радикально-полисемический подход

В этом разделе рассматриваются аргументы за радикально-полисемический подход к севернохантыйской дискурсивной посессивности на примере двух типов употреблений. В каждом подразделе будут приведены основные сведения о рассматриваемом типе употреблений, а затем будут представлены свойства этого типа, отличающие его от собственно посессивного. В разделе 4.1. рассматриваются свойства показателя топика омо-

нимичного показателю *-en* [POSS.2SG]. В разделе 4.2. — свойства партитивного артикля омонимичного *-əλ* [POSS.3SG]¹¹.

Два типа аргументов играют особую роль в нашем исследовании: аргумент от недопустимости выражения посессора и аргумент от рассогласования. В известных нам работах первый аргумент никогда не рассматривался, а второй аргумент был введён в научный оборот лишь недавно в [Kiss, Tánczos 2018] (применительно к удмуртским данным о партитивном POSS.3SG; ср. раздел 4.2.).

Тем самым мы надеемся, что настоящая работа может послужить ценным ресурсом диагностик независимости дискурсивных посессивов для исследователей других идиомов.

4.1. Показатель топики *-en* [POSS.2SG]¹²

Одно из дискурсивных употреблений экспонента *-en* [POSS.2SG] – это употребление в качестве показателя топики, как в примере (2) (продублированном ниже как (14) с дополнениями).

В левом контексте примера (14) (приведённом в фигурных скобках) в повествование вводится собака. При следующем упоминании собаки отсылающая к ней ИГ требует маркирования показателем, выглядящим как посессив второго лица единственного числа. Опущение показателя вызывает импликацию неизвестности и / или неуникальности¹³: второе упоминание отсылает к какой-то собаке отличной от введённой в предшествующем контексте.

---

¹¹ В силу ограниченного объёма настоящей работы мы были вынуждены опустить обсуждение ещё двух типов дискурсивных употреблений севернохантыйских посессивов: ассоциативный посессив и проприальный артикль омонимичный показателю *-en* [POSS.2SG] (артикль, производящий конкретно-референтные имена из имён собственных [Muñoz 2019]). Первый подробно рассматривается в [Михайлов 2021a], аргументы за независимость второго, в том числе и от омонимичного с ним показателя топики, см. в магистерской диссертации [Mikhailov 2021].

¹² В квадратных скобках здесь и ниже даётся глосса показателя, из которого предположительно произошёл данный показатель. В примерах мы также глоссируем депосессивные показатели в соответствии с их посессивным источником.

¹³ Здесь и далее под «(не)уникальностью» подразумевается локальная [König 2018] или информационная [Roberts 2003] уникальность (ограниченная конкретной ситуацией) в противовес глобальной или семантической уникальности (в мире в целом или в большей ситуации).

- (14) *amp-[#](en) ma pɛλ-am-a χurət-ti pīt-əs*
 пёс-POSS.2SG я на-POSS.1SG-DAT лаять-NFIN.NPST статья-PST[3SG]
 ‘{Я шёл по улице и увидел собаку.} (букв. Твоя) собака на меня за-
 лаяла.’
 Комментарий консультанта к немаркированной форме (∅): «Тогда
 это какая-то другая собака, непонятно какая».

Маркирование этим показателем невозможно в случае неизвестных ре-
 ферентов (т. е. не введённых в дискурс и не доступных из речевой ситуа-
 ции или знаний о мире). В примере (15) неизвестный (т. е. впервые упо-
 мянутый) солдат должен оставаться немаркированным.

- (15) *ma χot-a λιη-s-эм. śāta šāldat-(#en) oməs-λ.*
 я дом-DAT войти-PST-1SG там.LOC солдат-POSS.2SG сидеть-NPST[3SG]
 ‘Я вошёл в дом. Там сидел солдат.’ {(16)}

При последующем упоминании (16) в позиции компонента послелого
 маркирование этим показателем затруднено для большинства наших кон-
 сультантов.

- (16) *ma šāldat-(??en) χuśa wana mān-s-эм,*
 я солдат-POSS.2SG к ближе идти-PST-1SG

puškan-эн śāš-s-эм.
 ружьё-LOC показать-PST-1SG > SG
 {(15)} ‘Я подошёл к солдату и наставил на него ружьё.’ {(17)}

В последнем упоминании (17) солдат находится в позиции подлежаще-
 го и при этом он высоко топикален¹⁴. В этом примере маркирование пока-
 зателем обязательно для всех наших консультантов.

- (17) *šāldat-[#](en) pakn-əs.*
 солдат-POSS.2SG испугаться-PST[3SG]
 {(16)} ‘Солдат испугался.’¹⁵

¹⁴ О связи позиции подлежащего с топикальностью в обско-угорских языках см. [Nikolaeva 2001] и [Kiss 2019].

¹⁵ Примеры (15)–(17) основаны на примере Ирины Николаевой, демонстрирующем ассоциативное маркирование POSS.1SG в тундровом ненецком (при последнем упоминании солдата) [Nikolaeva 2003: 10], ср. ассоциативное маркирование в севернохантыйском в [Михайлов 2021a].

Сомнительность употребления этого показателя в примере (16) в неподлежащей позиции объясняется как раз тем, что в данном случае референт ИГ недостаточно топикален. С другой стороны, в (17) референт ИГ максимально топикален, что и гарантирует обязательное маркирование показателем топика.

Мы предполагаем, что обязательность маркирования показателем топика в случаях типа (14) и (17) обуславливается наличием у этого показателя соответствующих пресуппозиций (известности, уникальности и топикальности референта ИГ) и требованием прагматического принципа *Maximize Presupposition!* употреблять в контексте, где выполняются соответствующие пресуппозиции, выражение несущее максимальное их количество [Heim 1991; Sorock, Beaver 2015 и ссылки там же].

На этом мы завершаем обсуждение условий употребления показателя топикальности и переходим к наброскам двух моносемических анализов этого типа употреблений¹⁶.

4.1.1. Моносемические подходы к показателю топика

Ассоциативный подход к подобным употреблениям показателя POSS.2SG был сформулирован Ириной Николаевой [2003] для тундрово-ненецкого показателя (см. обсуждение (2) и (4) выше).

В примерах типа (2) (продублированного как (2')) POSS.2SG используется для сближения адресата с ситуацией, фокусом эмпатии¹⁷ в которой является референт маркированной ИГ (ср. [там же: 8]).

(2') *amp-en ta peλ-am-a χurət-ti pit-əs.*
 пёс-POSS.2SG я на-POSS.1SG-DAT лаять-NFIN.NPST статья-PST[3SG]
 ‘{Я шёл по улице и увидел собаку.} Собака на меня залаяла.’

Другой вариант ассоциативного анализа подобных употреблений представлен в статье Эрики Кёртвей [Körtvély 2010], так же обсуждающей тундрово-ненецкие данные.

Кёртвей [2010: 333] пишет, что в подобных употреблениях POSS.2SG маркирует связь референта ИГ с референтом, который уже известен адресату.

¹⁶ Подробнее об условиях употребления показателя топикальности см. [Михайлов 2021b; Mikhailov 2021], краткое обоснование наличия пресуппозиции уникальности у показателя топикальности см. ниже в обсуждении примера (22).

¹⁷ Иными словами, центром внимания говорящих, подробнее см. [Nikolaeva 2001: 4 и сл.].

В рамках настоящей работы мы не будем рассматривать объяснительную силу возможного анализа в рамках ассоциативного подхода, а обратимся лишь к предсказаниям, которые совершает подобный анализ. В частности, по-видимому, и анализ Николаевой, и анализ Кёртвей предполагает, что при множественном адресате должен употребляться показатель POSS.2PL (или POSS.2NSG в случае севернохантыйского), поскольку ассоциативная связь теперь имеет место между референтом ИГ и **множественным** адресатом. В разделе 4.1.3 рассматривается аргумент от рассогласования, основанный на том, что в севернохантыйских данных это предсказание ассоциативного подхода не подтверждается.

Реляционно-полисемический подход Александры Симоненко в исходном варианте не применим к этому типу употреблений, поскольку ни одно из представленных в анализе отношений не даёт верного значения в примерах типа (2) (ни отношение идентичности, ни отношение подмножества не имеют места между референтом ИГ и адресатом в этом случае). Можно дополнить список возможных отношений, например, отношением направленности внимания (или салиентности, ср. [Barlew 2014]): в (2) собака маркирована POSS.2SG, т.к. она находится в центре внимания адресата¹⁸.

Для подобного анализа также проблематичны аргумент от рассогласования (см. выше и 4.1.3) и аргумент от отсутствия прагматической конкуренции. Как мы писали в разделе 2.1, последний основан на том факте, что при прочих равных отношении направленности внимания, как и отношение

---

¹⁸ Симоненко никак не комментирует возможные ограничения на список допустимых отношений. Следует отметить, что отношение направленности внимания в отличие от отношений, рассматриваемых в исходной статье, имеет место не (в какой-либо ситуации) в универсуме дискурса, а в ситуации речевого акта. В [Barlew 2014], например, это отношение анализируется как аппелирующее непосредственно к параметру контекста *s*, который помимо прочих контекстуальных переменных содержит участников речевого акта, активированных дискурсивных референтов и информацию о направленности внимания первых в отношении последних. Не совсем ясно, можно ли приравнять контекст *s* в таком смысле к ситуации речевого акта. Для всякого ситуационно-семантического анализа принципиально, что референты обладают свойствами в рамках конкретных ситуаций, и упоминание референта требует, чтобы он существовал в ситуации, относительно которой оценивается предикат из значения данной ИГ (см. [Schwarz 2009]). Тем самым, если мы утверждаем, что отношение между адресатом и референтом ИГ имеет место в ситуации речевого акта, необходимо объяснить, в каком смысле референт, введённый в ретроспективном повествовании, существует в ситуации речевого акта. Мы опустим дальнейшее рассмотрение этого вопроса и отметим, что подобный анализ в любом случае должен быть отвергнут на эмпирических основаниях, представленных далее.

известности или отношение предмета разговора (см. обсуждение примера (3)), имеет место, как между референтом ИГ и адресатом, так и между референтом ИГ и участниками коммуникации вместе взятыми. Если я с тобой говорю о X, то мы оба говорим о X. Если тебе известен X, и я упоминаю X, то X известен нам обоим. Если (у меня есть основания полагать, что) твоё внимание направлено на X, и я упоминаю X, то моё внимание тоже направлено на X (подробнее о последнем следствии см. [Barlew 2014: 624]).

Следовательно, в подобных примерах должно быть возможно употребление POSS.1PL («наша собака, поскольку наше внимание на неё направлено»), а употребление POSS.2SG должно вызывать импликацию ложности более сильного высказывания с POSS.1PL [Horn 2006]: если я утверждаю, что «собака твоя», когда допустимо, что «собака наша», значит ‘собака твоя, но не моя’. В следующем разделе показано, что подобная импликация возникает в случае собственно посессива POSS.2SG, но не возникает при показателе топикальности.

4.1.2. Аргумент от отсутствия прагматической конкуренции

Как уже говорилось выше, в нормальном случае от показателя POSS.2SG мы ожидаем, что его употребление в контексте, где возможно употребление POSS.1PL, вызывает импликацию ‘твой, но не наш’ (в силу механизма Q-импликаций [Horn 2006]).

Действительно, в случае собственно посессивного POSS.2SG подобный эффект имеет место. В (18) супруги говорят про крышу своего дома. В таком контексте уместно употребить показатель POSS.1PL или показатель POSS.1DU¹⁹. Употребление POSS.2SG в этом случае вызывает импликацию, что крыша принадлежит только Васиной жене, но не ему самому. Поскольку эта импликация ложна в этом контексте, употребление POSS.2SG вместо показателей первого лица неединственного числа неуместно.

- (18) *χот_λαηᾶλ-ew/-ετᾶπ/#-en*   *pos-ijᾶλ.*
 дом_крыша-POSS.1PL/-POSS.1DU/-POSS.2SG   капать-FREQ[NPST.3SG]
 {Вася говорит своей жене:} ‘(Наша) крыша протекает.’
 Комментарий консультанта к *-en*: «Тогда это крыша его жены, неправильно получается [в этом контексте]».

¹⁹ В речи некоторых носителей лично-числовые показатели со значением двойственного числа вырождаются, поэтому мы также спрашивали о допустимости POSS.1PL в таких и других контекстах, подразумевающих референцию к двойственному индивиду.

С другой стороны, в случае показателя топикальности подобного эффекта не наблюдается.

Так, в примере (19) картина ровно противоположная: допустимо только употребление POSS.2SG, и при этом не возникает импликатуры ‘твой, но не наш’²⁰, а употребление POSS.1PL вовсе неуместно.

- (19) *amp-en/#-ew*   *ta* *peλ-am-a*   *χurət-ti*   *pit-əs.*
 пёс-POSS.2SG/-POSS.1PL   я   на-POSS.1SG-DAT   лаять-NFIN.NPST   статья-PST[3SG]
 ‘{Я шёл по улице и увидел собаку.} Собака на меня залаяла.’

Если бы в примерах типа (19) употреблялся показатель с посессивной семантикой, мы бы ожидали, что он будет прагматически конкурировать с показателем POSS.1PL. Поскольку мы не наблюдаем эффектов такой конкуренции, можно утверждать, что в таких случаях используется показатель с другой семантикой (который не образует шкалу Хорна с POSS.1PL [Horn 2006]).

4.1.3. Аргумент от недопустимости выражения посессора

Первым морфосинтаксическим аргументом за независимость показателя топика является аргумент от недопустимости выражения посессора.

Собственно посессивные показатели допускают как имплицитного, так и эксплицитного посессора (см. раздел 3). Если в примерах типа (19) употребляется собственно посессивный показатель, мы ожидаем, что он также будет допускать выраженного посессора.

Пример (20) показывает, что это предсказание моносемических подходов не подтверждается. При выраженном посессоре экспонент *-en* интерпретируется исключительно как показатель POSS.2SG с собственно посессивным значением, а интерпретация показателя топика становится недоступна.

(20) Контекст: как в (19).

- [#]*nāj*   *amp-en*   *ta* *peλ-am-a*   *χurət-ti*   *pit-əs.*
 ты   пёс-POSS.2SG   я   на-POSS.1SG-DAT   лаять-NFIN.NPST   статья-PST[3SG]
 ‘Твоя собака на меня залаяла.’
 Ожид.: ‘Собака на меня залаяла.’

Этот факт говорит в пользу независимости показателя топика от собственно посессива.

²⁰ Ни один из порядка пятнадцати консультантов, подтвердивших этот пример, не давали реакцию, как в (18), которая возникала у нескольких консультантов в том примере.

4.1.4. Аргумент от рассогласования

От собственно посессивного показателя как от показателя согласования с ИГ посессора ожидается последовательное выражение признаков лица-числа посессора (см. раздел 3). Если в примерах типа (18) употребляется собственно POSS.2SG, ожидается, что при множественном адресате будет употребляться показатель *-en* [POSS.2NSG].

Пример (21) показывает, что даже при множественном адресате в подобных контекстах может употребляться только экспонент *-en* [POSS.2SG].

(21) Контекст: Мать рассказывает детям.

amp-en/#-en   *ma*   *pɛλ-am-a*   *χurət-ti*   *pit-as*.
 пёс-POSS.2SG/-POSS.2NSG   я   на-POSS.1SG-DAT   лаять-NFIN.NPST   статья-PST[3SG]
 ‘{Дети, я сегодня так испугалась! Я шла по улице и увидела собаку.}
 Собака на меня залаяла.’

Рассогласование по числу показателя *-en* с адресатом представляет наш последний аргумент за его независимость.

В этом разделе мы представили три аргумента за независимость показателя топика. В отличие от собственно POSS.2SG показатель топика не конкурирует с POSS.1PL (раздел 4.1.2), не допускает выраженного посессора (раздел 4.1.3) и не согласуется с адресатом по числу (раздел 4.1.3). Мы считаем эти факты достаточным основанием для отказа от моносемических подходов к этому показателю в пользу радикально-полисемического подхода. **Показатель топика является независимой сущностью** со своими семантическими, прагматическими и морфосинтаксическими свойствами во многом отличными от свойств омонимичного с ним показателя POSS.2SG.

4.2. Партитивный артикль *-əλ* [POSS.3SG]

В разделе 2.2. мы затронули дискурсивные употребления коми-ижемского показателя POSS.3SG в качестве партитивного артикля.

В севернохантыйском у соответствующего показателя также представлено подобное употребление. В примере (22) ИГ, отсылающая к одной из двух чашек, введённых в предшествующем контексте, маркирована показателем POSS.3SG. По крайней мере для части наших консультантов употребление POSS.3SG в этом случае является обязательным, и для всех — первым переводом соответствующего русскоязычного стимула²¹.

²¹ Обязательность партитивного употребления POSS.3SG в соответствующих контекстах нуждается в дальнейшей проверке.

- (22) *i an-əλ mij-e.*
 один чашка-POSS.3SG дать-IMP.SG.SG
 ‘{— Чем тебе помочь? — Вон на столе две чашки стоят.} Дай одну чашку.’²²

Пример (23) показывает, что партитивное POSS.3SG маркирование также возможно на числительных при эллипсисе вершины.

- (23) *kāt-ŋəλ / kāt ewi-ŋəλ ta wəλ-λam.*²³
 два-DU.POSS.3SG два девочка-DU я знать[NPST]-1SG > NSG
 ‘{Несколько девочек вошли в класс.} Двух из них / Двух девочек я знал.’

4.2.1. Моносемические подходы к партитивному артиклю

Партитивные употребления показателей POSS.3SG входят в число данных, на анализ которых и нацелен реляционно-полисемический подход Симоненко. В рамках этого подхода в отношении случаев типа (22) утверждается, что показатель обозначает отношение подмножества, а нулевое местоимение в позиции посессора отсылает к (множественному) референту, введённому в предшествующем контексте, частью которого и является референт ИГ.

Как было отмечено в разделе 2.2, в подобных случаях также имеет место рассогласование: вместо ожидаемого показателя POSS.3PL используется POSS.3SG²⁴. Подробнее этот аргумент рассматривается ниже.

В отношении ассоциативного подхода следует сказать, что Ирина Николаева [2003: 11, 13] эксплицитно отказывается от попыток подвести парти-

²² Отметим, что употребление показателя топикальности в (22), как и в остальных примерах в этом разделе не допускается всеми консультантами, предположительно из-за нарушения в этих контекстах presupпозиции уникальности (см. §4.1 и ссылки там же).

²³ В севернохантыйском у показателей числа есть основной и посессивный алломорфы. В (23) используется посессивный алломорф *-ŋəλ* показателя двойственного числа (основной алломорф *-ŋəp*), что указывает на присутствие посессивного показателя. При этом, поскольку показатель POSS.3SG выглядит как *-əλ* в контексте маркированных чисел, в силу гаплоггии вместо последовательности *-nəλ-əλ* используется вариант *-ŋəλ*, кумулятивно выражающий двойственное число и посессивное маркирование третьего лица единственного числа.

²⁴ Примечательно, что согласно [Nikolaeva 2003: 12] в горномарийском в подобных контекстах действительно используется POSS.3PL, что говорит в пользу возможности моносемического анализа горномарийских данных. Более подробное обсуждение мы вынуждены оставить за рамками настоящей работы.

тивные употребления под моносемический анализ. Мы не станем специально рассматривать возможный ассоциативный анализ этих употреблений, но отметим, что аргументы ниже являются основанием для отвержения любого моносемического подхода в пользу радикально-полисемического.

4.2.2. Аргумент от недопустимости выражения посессора

Первый аргумент за независимость партитивных употреблений POSS.3SG, как и в случае показателя топика, основан на недопустимости выражения посессора при партитивно-маркированной ИГ.

Это продемонстрировано в примере (24). Добавление выраженного посессора с необходимостью вызывает собственно посессивную интерпретацию вместо ожидаемой партитивной.

(24) Контекст: как в (22).

# <i>λmw</i>	<i>i</i>	<i>ap-əλ</i>	/	<i>i</i>	<i>λmw</i>	<i>ap-əλ</i>	<i>mij-e</i> . ²⁵
он	один	чашка-POSS.3SG	/	он	один	чашка-POSS.3SG	дать-IMP.SG.SG
'Дай одну его чашку.'							
Ожид.: 'Дай одну чашку.'							

В общем случае при моносемическом подходе следовало бы ожидать, что всякое дискурсивное употребление должно так же допускать выраженного посессора, как его допускают собственно посессивные употребления. Пример (24), однако, показывает, что партитивное употребление POSS.3SG не допускает эксплицитного посессора.

4.2.3. Аргумент от рассогласования

В разделе 2.2 уже было сказано, что моносемический анализ примеров типа коми-ижемского (6) или севернохантыйского (22) затруднён, т.к. посессив с одной стороны должен отсылать к множественному референту, а с другой стороны выражает единственное число.

Нетрудно показать, что предсказываемый моносемическим подходом POSS.3DU (или POSS.3PL, см. сноску 19) в партитивных контекстах недопустим.

В (25) это продемонстрировано для контекста из (22). Ни *-əp* [POSS.3DU], ни *-eλ* [POSS.3PL]²⁶ здесь не уместны, их употребление вызывает собственно посессивные прочтения.

²⁵ Разные консультанты допускают разный взаимные порядки посессора и числительного. Для нас принципиально, что ни один из порядков не даёт ожидаемую партитивную интерпретацию.

- (25) *i ap-əλ/#-əп/#-eλ mij-e.*
 один чашка-POSS.3SG/-POSS.3DU/-POSS.3PL дать-IMP.SG.SG
 ‘{— Чем тебе помочь? — Вон на столе две чашки стоит.} Дай одну чашку.’
 Комментарий консультанта к *-əп* [POSS.3DU] и *-eλ* [POSS.3PL]: «Это если их двоих чашка / одна из их чашек».

В защиту моносемического анализа можно выдвинуть предположение, что в подобных случаях посессив отсылает к предупомянутому множеству, как к единичной сущности. Тогда необходимо показать, что анафорическая отсылка к множественным референтам, как к единичной сущности в принципе возможна в севернохантыйском вне партитивных контекстов.

Пример (26) показывает, что это невозможно в случае анафорического указательного местоимения *šit*, и вместо единственного числа, необходимо использовать указательное местоимение в двойственном числе (с топикальным маркированием в силу топикальной подлежащей позиции).

(26) Контекст: как в (22).

- a. #*šit-en mij-e.*
 DEM-POSS.2SG дать-IMP.SG.SG
 Ожид.: ‘Дай эти [чашки].’

- b. *šit-ŋəλ-an mij-a-λi.*
 DEM-DU-POSS.2SG дать-IMP-NSG.OBJ
 ‘Дай эти [чашки].’

Пример (27) показывает то же для личного местоимения третьего лица единственного числа *λw* в контексте из (23)²⁷. Для отсылки к множественному референту необходимо использовать личное местоимение третьего лица множественного числа *λiw*.

(27) Контекст: как в (23).

- a. #*ma λiw-ətti wəλ-εm.*
 я он(а)-ACC знать[NPST]-1SG > SG
 Ожид.: ‘Я их знал.’

²⁶ Экспонентом *-əп* также выражается значение POSS.2NSG, поэтому консультанты указывали, что *i ap-əп* также может значить ‘одна из чашек вас двоих’.

²⁷ В севернохантыйском личные местоимения могут отсылать только к одушевлённым референтам, поэтому в (26) мы использовали анафорическое указательное местоимение, которое способно отсылать к неодушевлённым референтам.

b. *ma liw-atti wəλ-λam.*
 я они-ACC знать[NPST]-1SG > NSG
 ‘Я их знал.’

Примеры (26)–(27) показывают, что существующие способы эксплицитной анафорической отсылки не допускают отсылки к множеству, как к единственной сущности. В полевых текстах, имеющих в нашем распоряжении, ни одна из анафорических цепочек с множественным антецедентом также не допускает анафорическое выражение в единственном числе (будь то выраженные анафорические местоимения, нулевые аргументные *pro*-местоимения или посессивы, согласующиеся с последними). Исходя из этого, мы утверждаем, что нет оснований считать, что нулевое местоимение в составе партитивно-маркированных ИГ, с которым согласуется посессив, допускает безразличную к числу отсылку. Иными словами, нет оснований считать, что POSS.3SG способен отсылать к множественным референтам.

В этом разделе мы показали, что партитивный артикль омонимичный с POSS.3SG не допускает выражения посессора и не согласуется с антецедентной ИГ по числу. Если бы какой-либо моносемический подход (в частности, реляционно-полисемический подход Симоненко [2017]) верно описывал подобные употребления, мы бы ожидали, что эти употребления обладают этими свойствами. Тот факт, что эти предсказания моносемических подходов не выполняются, говорит в пользу радикально-полисемического взгляда на подобные употребления. В контекстах, представленных в этом разделе, **мы имеем дело не с посессивным показателем, а с партитивным артиклем**, который не подразумевает наличия посессора в именной группе и, как следствие, не индексирует лицо-число последнего.

Подробный анализ севернохантыйского партитивного артикля мы оставляем для будущих исследований.

5. Заключение

В настоящей работе был выдвинут тезис о том, что моносемические подходы к дискурсивной посессивности не способны верно описать поведение двух дискурсивных употреблений севернохантыйских показателей посессивности.

В разделе 2 мы представили критический обзор двух моносемических подходов к дискурсивной посессивности.

Ассоциативный подход (например, [Nikolaeva 2003]) для конкретного типа употреблений утверждает, что это дискурсивное употребление основано на ассоциативном отношении между посессором и референтом. Поскольку само отношение принципиально следует из базовой посессивной семантики, нет необходимости выделять подобные употребления в отдельный показатель.

Реляционно-полисемический подход [Simonenko 2017] также сводит некоторые типы дискурсивных употреблений посессивов к общей с собственными употреблениями семантике. Здесь, однако, вводится семантический компонент переменной по отношениям R. Утверждается, что наличие соответствующего употребления у посессива объясняется наличием соответствующего возможного значения R в его лексическом входе. Например, луговомарийскому показателю POSS.3SG доступны партитивные употребления, поскольку R в его семантике может принимать значение отношения подмножества. Следовательно, подобные употребления можно подвести под общий с собственно посессивом лексический вход и не выделять их отдельно.

Мы продемонстрировали, что в случае двух севернохантыйских дискурсивных посессивов ожидаемый при моносемическом подходе параллелизм в поведении с собственно посессивами не наблюдается (раздел 4). Так, показатель топика омонимичный собственно посессивному *-en* [POSS.2SG] в отличие от последнего не вступает в прагматическую конкуренцию с POSS.1PL, не допускает выраженного посессора и не согласуется с адресатом по числу. Партитивный артикль омонимичный собственно посессивному *-əλ* [POSS.3SG] в отличие от последнего не допускает выраженного посессора и не согласуется с antecedентной ИГ по числу, имея форму POSS.3SG даже при множественном antecedенте. На основании этих аргументов мы утверждаем, что единственно верный подход к описанию этих двух показателей — это радикально-полисемический подход, который утверждает, что каждый из них представляет собой независимый показатель с собственной семантикой и морфосинтаксисом отличными от собственно посессивных.

Особую роль в нашей аргументации сыграли аргументы от недопустимости выражения посессора при дискурсивном посессиве и от рассогласования дискурсивного посессива с условной ИГ «посессора». Мы ожидаем,

что применение этих аргументов к материалу других уральских языков с развитой дискурсивной посессивностью может аналогичным образом послужить основанием для принятия радикально-полисемического взгляда на соответствующие дискурсивные посесивы (как это было сделано для удмуртского партитивного артикля в [Kiss, Tánczos 2018]).

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — винительный падеж; DAT — дательный падеж; DEM — указательное местоимение; DETR — детранзитив; DU — двойственное число; EP — эпентетический формант; FREQ — фреквентатив; GEN — родительный падеж; IMP — повелительное наклонение; INF — инфитив; ITER — итератив; LOC — местный падеж; NARR — нарративное время; NFIN — нефинитная форма; NPST — непрошедшее время; NSG — неединственное число; OBJ — объектное спряжение; PL — множественное число; POSS — показатель посессивности; PST, PAST, PRT — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Каксин 2010 — Каксин А.Д. Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. [Kaksin A.D. Kazymskii dialekt khantyiskogo yazyka [The Kazym dialect of Northern Khanty]. Khanty-Mansiisk: ITs YuGU, 2010.]
- Кашкин 2008 — Кашкин Е.В. Особенности употребления посессивных показателей в ижемском диалекте коми-зырянского языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2008. 4(2). С. 81–84. [Kashkin E.V. Osobennosti upotrebleniya possessivnykh pokazatelei v izhemskom dialekte komi-zyryanskogo yazyka [Special features of uses of possessive markers in Komi Izhem]. Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy. 2008. 4(2). Pp. 81–84.]
- Кашкин 2010 — Кашкин Е.В. Дискурсивные функции посессивных показателей в тегинском говоре хантыйского языка. Отчет о работе в экспедиции в с. Теги Березовского р-на ХМАО. 2010 г. [Kashkin E.V. Diskursivnye funktsii possessivnykh pokazatelei v teginskom govore khantyiskogo yazyka [Discourse uses of possessive markers in the Tegi dialect of Khanty]. Field report, 2010.]
- Кузнецова 2003 — Кузнецова А.И. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках. // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. Сборник статей. Ижевск, 2003. С. 249–259. [Kuznetsova A.I. Kumulyatsiya grammaticheskikh znachenii v agglutinativnykh pokazatelyakh: deikticheskie funktsii possessiva v ural'skikh yazykakh [Cumulation of grammatical meanings in agglutinating morphemes: deictic functions of the possessive in Uralic]. Mezhdunarodnyi simpozium po deikticheskim sistemam i kvantifikatsii v yazykakh Evropy i Severnoi i Tsentral'noi Azii. Sbornik statei. Izhevsk, 2003. Pp. 249–259.]
- Михайлов 2021a — Михайлов С.К. 2-в-1: две посессивные конструкции в одной парадигме севернохантыйских суффиксов // Семёнова Кс.П. (ред.). Малые языки в большой

- лингвистике. Выпуск 3. М.: «Буки-Веди». 2021. С. 106–117. [Mikhailov S.K. 2-v-1: dve possessivnye konstruksii v odnoi paradigme severnokhantyiskikh suffiksov [2-in-1: Two possessive constructions in one Northern Khanty paradigm of suffixes]. Semionova X. (ed.). Minor languages in general linguistics. Issue 3. Moscow: "Buki-Vedi". 2021. Pp. 106–117.]
- Михайлов 2021b — Михайлов С.К. Когда можно и когда нужно использовать севернохантыйский показатель топика? Доклад, представленный на XVIII Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей, 2021. [Mikhailov S.K. *Kogda možno i kogda nuzhno ispol'zovat' severnokhantyiskii pokazatel' topika?* [When is it possible and when necessary to use the Northern Khanty topic marker?] Talk presented at the 18th Conference on Typology and Grammar for Young Scholars, 2021.]
- Сердобольская 2017 — Сердобольская Н.В. Инвариант определенности и дифференцированное маркирование прямого дополнения в бесермянском удмуртском // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2017. 13(3). С. 74–122. [Serdobol'skaya N.V. *Invariant opredelennosti i differentsirovannoe markirovanie pryamo-mogo dopolneniya v besermyanskom udmurtskom* [The invariant of definiteness and differential object marking in Beserman Udmurt]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2017. 13(3). Pp. 74–122.]
- Смирнова 2019 — Смирнова А. Поссесивность 2.0. Отчет о работе в экспедиции в с. Казым ХМАО. 2019. [Smirnova A. *Posessivnost' 2.0* [Possessivity 2.0]. Field report, Kazym village KhMAO, 2019.]
- Barlew 2014 — Barlew J. Saliency, uniqueness, and the definite determiner *-tè* in Bulu // *Semantics and Linguistic Theory*. 2014. 24. Pp. 619–639.
- Bochnak, Matthewson 2015 — Bochnak M.R., Matthewson L. *Methodologies in semantic fieldwork*. Oxford University Press, USA, 2015.
- Coppock & Beaver 2015 — Coppock E., Beaver D. *Definiteness и determinacy* // *Linguistics и philosophy*. 2015. No. 38(5). Pp. 377–435.
- Elbourne 2008 — Elbourne P. *Demonstratives as individual concepts*. *Linguistics and Philosophy*. 2008. 31. Pp. 409–466.
- Enç 1991 — Enç M. *The semantics of specificity*. *Linguistic inquiry*. 1991. 22(1). Pp. 1–25.
- Fraurud 2001 — Fraurud K. *Possessives with extensive use*. *Dimensions of possession*, 47. 2001.
- Gerland 2014 — Gerland D. *Definitely not possessed? Possessive suffixes with definiteness marking function*. // *Frames and concept types*. Springer, Cham, 2014. Pp. 269–292.
- Hawkins 1991 — Hawkins J.A. *On (in) definite articles: implicatures and (un) grammaticality prediction*. *Journal of linguistics*. 1991. 27(2). Pp. 405–442.
- Heim 1991 — Heim I. *Artikel und Definitheit* // *Semantik: Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung* / Stechow A.V., Wunderlich D. (eds.). 1991. Pp. 487–535.
- Horn 2006 — Horn L.R. *Implicature* // *The Handbook of Pragmatics*. Blackwell handbooks in linguistics, 16. 2006.
- Karvovskaya 2018 — Karvovskaya L. *The typology и formal semantics of adnominal possession*. PhD. dis. LOT, Netherlands Graduate School, 2018.
- Kiss 2019 — Kiss K.É. *Fused grammatical and discourse functions in Ob-Ugric: Case, agreement, passive* // *Proceedings of the Workshop "Clause Typing and the Syntaxto-Discourse Relation in Head-Final Languages"*, Arbeitspapier / Bayer J., Viesel Y. (eds.). No. 130. 2019. Pp. 163–174.
- Kiss, Tánczos 2018 — Kiss K.É., Tánczos O. *From possessor agreement to object marking in the evolution of the Udmurt-jez suffix: A grammaticalization approach to morpheme syncretism* // *Language*. 2018. 94(4). Pp. 733–757.

- König 2018 — König E. Definite articles and their uses // *Aspects of Linguistic Variation*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2018. Pp. 165–184.
- Körtvély 2010 — Körtvély E. On the function of possessive suffixes in Tundra Nenets: Possession и semantic-pragmatic definiteness // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 2010. № 32(33). Pp. 321–343.
- Langacker 1993 — Langacker R.W. Reference-point Constructions // *Cognitive Linguistics*. 1993. 4(1). Pp. 1–38.
- Matthewson 2004 — Matthewson L. On the methodology of semantic fieldwork // *International journal of American linguistics*. 2004. 70(4). Pp. 369–415.
- Mikhailov 2021 — Mikhailov S. Semantics of the Northern Khanty 2SG Possessive and of Related and Competing Markers. MA thesis HSE University, 2021.
- Muñoz 2019 — Muñoz P. The proprial article and the semantics of names. *Semantics and Pragmatics*. 2019. 12. <https://doi.org/10.3765/sp.12.6>
- Nikolaeva 1999 — Nikolaeva, I. Ostyak. Lincom Europa, 1999.
- Nikolaeva 2001 — Nikolaeva I. Secondary topic as a relation in information structure. *Linguistics*. 2001. 39(1). Pp. 1–49.
- Nikolaeva 2003 — Nikolaeva I. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: Evidence from Uralic. // *International Symposium on deictic systems and quantification in languages spoken in Europe and North and Central Asia: Collection of papers*. 2003. Pp. 130–145.
- Roberts 2003 — Roberts C. Uniqueness in definite noun phrases. *Linguistics and philosophy*. 2003. 26(3). Pp. 287–350.
- Schwarz 2009 — Schwarz F. Two Types of Definites in Natural Language. PhD dis. University of Massachusetts at Amherst, 2009.
- Serdobolskaya et al. 2019 — Serdobolskaya N., Usacheva M., Arkhangel'skiy T. Grammaticalization of possessive markers in the Beserman dialect of Udmurt // *Possession in Languages of Europe и North и Central Asia*, Amsterdam (Studies in Language Companion Series 206). 2019. Pp. 291–311.
- Siegl 2015 — Siegl F. The Non-Possessive Use of PX2P in Nganasan и Dolgan — a reappraisal // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 2015. № 39. Pp. 67–100.
- Simonenko 2017 — Simonenko A. Towards a semantic typology of specific determiners // *21st Amsterdam Colloquium*. 2017. Pp. 425–434.
- Storto 2005 — Storto G. Possessives in context // *Possessives и beyond: Semantics и syntax / Kim J.Y., Partee B.H., Lander Yu.A. (eds.)*. 2005. Pp. 59–86.
- Taylor 1996 — Taylor J.R. *Possessives in English: An exploration in cognitive grammar*. Oxford University Press, 1996.
- Tonhauser et al. 2013 — Tonhauser J., Beaver D., Roberts C., Simons M. Toward a taxonomy of projective content. *Language*. 2009. 89(1). Pp. 66–109.

Статья поступила в редакцию 01.11.2021

The article was received on 01.11.2021

Степан Кириллович Михайлов

магистр; стажёр-исследователь, лаборатория по формальным моделям в лингвистике, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Stepan Mikhailov

Master of Arts; research assistant, Laboratory of Formal Models in Linguistics, National Research University Higher School of Economics

stepanmihajlov@gmail.com

Типология морфосинтаксических параметров
том 4, выпуск 1

Сайт журнала:

<http://tmp.sc/>

Оригинал-макет: Кс. П. Семёнова

Подписано в печать 25.12.2021.

Формат 21*29.7 см. Гарнитура Charis SIL.

Электронное издание. Объём 147 стр.